

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-1 (55)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-1 (55), 2022

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-1 (55)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-1 (55), 2022

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Абазов А.Х., Достова А.И.</i>	Из истории правоприменительной деятельности горских словесных судов на Северном Кавказе: обзор судебной практики Екатеринодарского суда (1871–1920 гг.)	7
<i>Алоев Т.Х.</i>	1822 г. в морально-политических дилеммах кабардинской знати: факторы, мотивы и последствия	15
<i>Досхоева Р.Х.</i>	Брачный выбор ингушей. Традиция и современность (XIX–XXI вв.)	30
<i>Джумагулова А.Т.</i>	Проблема социальной и имущественной стратификации ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.	44
<i>Дзуганов Т.А.</i>	К вопросу о торговле в Балкарии (конец XIX – начало XX вв.)	57
<i>Фоменко В.А.</i>	Из истории региона Кавказских Минеральных Вод: адыгские и абазинские топонимы	74

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>БиццІо Б.Ч.</i>	Адыгэ бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэхэр зэрызэтевамрэ ахэр дяпэкІэ зэрэбгъэфІэкІуэну щІыкІэмрэ	81
<i>Жылэтеж Хь. Ч.</i>	Пкъыгъуэ зэльэпкъэгъухэмкІэ гъэгугъуа псалъэуха кызырэыкІуэхэр адыгэбзэм кызырэыщыгъэлэгъуар	93
<i>Кумыкова Д.М.</i>	Особенности репрезентации векторной противоположности в кабардино-черкесском языке	101
<i>Токъмакъ М.Хь.</i>	Адыгэбзэм и зэпэщыт псалъэхэр	108
<i>Кучмезова Л.Б.</i>	Функционально-семантические особенности лексики цокающего диалекта карачаево-балкарского языка на материале произведения Д.Таумурзаева «Элия» (Молния)	116

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Женский нарратив в лирических стихах Беллы Ахмадулиной и Инны Кашежевой	124
<i>Атабиева А.Д.</i>	Литературные вариации восточных сюжетов о Ходже Насреддине как примеры циклических структур	130
<i>Берберланы Б.А.</i>	Къарачай-малкъар фольклорну гитче жанрлары: алгъышла, тилекле, ырысла	138
<i>Бухуров М.Ф.</i>	Сюжет АТ 302 «Местонахождение души антагониста героя» в адыгском эпосе	147
<i>Гергокова Л.С.</i>	Идейно-композиционное своеобразие карачаево-балкарских сказок о животных	156
<i>Гутова Л.А.</i>	Институты «наездничества» и «мужского дома» в эпическом сказании	164

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Abazov A.H., Dostova A.I.</i>	From the history of law enforcement mountain verbal courts in the North Caucasus: review of the judicial practice of the Ekaterinodar court (1871–1920)	7
<i>Aloev T.H.</i>	1822 in the moral and political dilemmas of the Kabardian nobility: factors, motives and consequences	15
<i>Doskhoeva R.H.</i>	Marriage choice of the Ingush. Tradition and modernity (XIX–XXI century)	30
<i>Dzhumagulova A.T.</i>	The problem of social and property stratification of the nogais of the north caucasus in the XIX – early XX centuries	44
<i>Dzuganov T.A.</i>	The question of trade in Balkaria (late XIX – early XXth centuries)	57
<i>Fomenko V.A.</i>	From the history of region of Caucasian Mineral Waters: adige and abaza toponimes	74

LINGUISTICS

<i>Bizhiov B.Ch.</i>	The current state of Kabardino-Circassian linguistic terminology and ways to improve it	81
<i>Zhiletezhev H.Ch.</i>	A simple sentence with complicated homogeneous terms in Kabardino-Circassian	93
<i>Kumikova D.M.</i>	Peculiarities of vector opposite representation in the kabardian-circassian language	101
<i>Tokmakova M.H.</i>	Antonymy of the kabardino-circassian language	108
<i>Kuchmezova L.B.</i>	Functional and semantic features of the vocabulary of the clocking dialect of the Karachay-Balkar language based on the work of D. Taumurzaev “Eliya” (Lightning)	116

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	Female narrative in the lyrical poetry of Bella Akhmadulina and Inna Kashezheva	124
<i>Atabieva A.D.</i>	Literary variations of oriental plots about Khoja Nasreddin as examples of cyclic structures	130
<i>Berberov B.A.</i>	Small genres of Karachay-Balkarian folklore: good wishes, prayers, taboo	138
<i>Bukhurov M.F.</i>	The plot of AT 302 “The location of the soul of the heroe’s antagonist” in the Adyg epic	147
<i>Gergokova L.S.</i>	Idea and composition originality of the karachayev-balkar tales about animals	156
<i>Gutova L.A.</i>	Institutes of “horsemanship” and “men’s house” in the epic	164

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-7-14

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО СУДА (1871–1920 гг.)

Алексей Хасанович Абазов¹✉, Ангелина Ильинична Достова²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alex_abzov@list.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

² «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, linadoc93@mail.ru

© А.Х. Абазов, А.И. Достова, 2022

Аннотация. В статье дан обзор судебной практики Екатеринодарского суда в контексте правоприменительной деятельности горских словесных судов на Северном Кавказе в 1871–1920 гг. В ходе исследования проанализированы рассмотренные судом дела о кражах людей, чужого имущества и денег, причинении ран и телесных повреждений, преступления против власти и должностных лиц на местах, гражданские и семейные споры, дела об опекунстве, вопросы, связанные с религией. Рассмотрена деятельность суда в качестве апелляционной инстанции по отношению к сельским (аульным) судам и т.п. Отмечается, что такое исследование дает возможность определить специфику судебных разбирательств с участием черкесского населения региона, выявить особенности применения их обычного права и религиозных норм в решении споров и конфликтов, обозначить перспективы исследования его правоприменительной практики.

Ключевые слова: Кубанская область, горские словесные суды, Екатеринодарский горский словесный суд, судебная практика, судопроизводство

Для цитирования: Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории правоприменительной деятельности горских словесных судов на Северном Кавказе: обзор судебной практики Екатеринодарского суда (1871–1920 гг.) // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 7–14. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-7-14

Original article

FROM THE HISTORY OF LAW ENFORCEMENT MOUNTAIN VERBAL COURTS IN THE NORTH CAUCASUS: REVIEW OF THE JUDICIAL PRACTICE OF THE EKATERINODAR COURT (1871–1920)

Alexey H. Abazov¹✉, Angelina I. Dostova²

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alex_abzov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

²Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, linadoc93@mail.ru

© А.Н. Abazov, А.И. Dostova, 2022

Abstract. The article gives an overview of the judicial practice of the Yekaterinodar court in the context of the law enforcement activities of the mountain verbal courts in the North Caucasus in 1871-1920. In the course of the study, the court analyzed cases of theft of people, other people's property and money, causing wounds and bodily harm, crimes against the authorities and local officials, civil and family disputes, cases of guardianship, issues related to religion. The activities of the court as an appellate in-station in relation to rural (aul) courts, etc. It is noted that this study makes it possible to determine the specifics of judicial divisions with the participation of the Circassian population of the region, to identify the peculiarities of the application of their customary law and religious norms in resolving disputes and conflicts, to indicate the prospects for studying its law enforcement practice.

Keywords: Kuban region, mountain verbal courts, Yekaterinodar city slot-spring court, judicial practice, legal proceedings

For citation: Abazov A.N., Dostova A.I. From the history of law enforcement mountain verbal courts in the North Caucasus: review of the judicial practice of the Yekaterinodar court (1871–1920). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 7–14. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-7-14

Учреждение горских словесных судов на Кавказе в начале 70-х гг. XIX в. являлось одной из мер российского государства, направленных на выработку действенных форм решения споров и конфликтов с опорой на институты традиционного правосудия у представителей коренного населения. Они были открыты 1 января 1871 г. и уже в последней трети XIX – начале XX в. стали частью многоуровневой судебной системы в нескольких регионах Кавказа (в том числе и в Кубанской области). Н.М. Рейнке писал, что «горские суды Кубанской и Терской областей, а также народные суды Закавказья, составляют первую судебную инстанцию и являются по своему строю установлениями судебно-административными» [Рейнке 1912]. Для унификации их деятельности были разработаны и приняты «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» (1870) [Временные правила... 1891] и ряд других документов (например, «Инструкция о порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседания в горских словесных судах Кубанской и Терской областей», утвержденная наместником Кавказа генералом-губернатором И.И. Воронцовым-Дашковым 23 ноября 1908 г. [Материалы по обозрению... 1912: 59–60] и др.). «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» (1870) [Временные правила... 1891] содержали сведения о подведомственности, подсудности по гражданским и уголовным делам, порядке и формах решения споров и конфликтов, основах делопроизводства, сроках давности, основаниях и условиях применения различных источников права (российских законов, адата и шариата), порядке вынесения и исполнения судебных решений, формах и условиях их обжалования, порядке назначения опекунов и попечителей и т.п. Однако несмотря на предпринимаемые попытки властей унифицировать судопроизводство в горских словесных судах, их деятельность в разных регионах Кавказа приобретала свои локальные особенности. Это было связано с тем, что у представителей местного населения к тому времени применились свои самобытные примирительные практики, судьями избирались представители местного населения, хорошо знавшие народные обычаи и традиции и т.п. Поэтому учет локальных особенностей судопроизводства в деятельности горских словесных судов на Кавказе имеет важное значение для понимания специфики их инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи.

В Кубанской области функционировали Екатеринодарский, Майкопский и Баталпащинский горские словесные суды [Материалы по обозрению... 1912: 10]. Как и горские словесные суды в других регионах в Кубанской области они формировались на основе выборности от представителей местного населения, дела решались на основе обычного права и религиозных норм. Екатеринодарскому горскому словесному суду были подведомственны представители черкесского населения, проживавшие в то время на территории г. Екатеринодара, 33 аулов Екатеринодарского и 1 аула Темрюкского отдела Кубанской области. Кроме того, участие в деятельности Екатеринодарского словесного суда было для них одной из первых практик отправления правосудия в учреждениях российской судебной системы в регионе. Поэтому обзор деятельности Екатеринодарского горского словесного суда дает возможность определить специфику судебных разбирательств с участием черкесского населения региона, выявить особенности применения их обычного права и религиозных норм в решении споров и конфликтов, обозначить перспективы исследования его правоприменительной практики и т.п.

Некоторые вопросы деятельности Екатеринодарского горского словесного суда затрагивались в трудах отечественных кавказоведов [Кудаева 2007; Магаева 2005; Карапетян 2006; Мальцев 2008; Сотников 2009; Галкин 2009; Карапетян 2009; Прохода 2014; Зозуля и др. 2020; Кандор 2020]. Исследователи рассматривали его как механизм включения черкесского населения региона в политико-административную систему Российской империи, позиционировали его как важный политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской области, выявляли особенности судебно-правового регулирования на уровне местного самоуправления в Кубанской области, на основе анализа результатов выборов судей изучали практику упрочения российского влияния на черкесские аульные общества и т.п. Однако, специфика его деятельности и обзор правоприменительной практики не становились предметом специального исследования.

Вместе с тем такое исследование возможно с опорой на достаточно богатую источниковую базу. Только в Ф. 660 «Екатеринодарский горский словесный суд» Государственного архива Краснодарского края (г. Краснодар, Россия) насчитывается около 4000 дел, в которых отложились нормативно-правовые и делопроизводственные источники, а также материалы с элементами статистического обобщения. Основной массив фонда составляет делопроизводственная документация, в составе которой помимо документов, обеспечивающих деятельность суда, сохранились описи разбираемых дел (уголовных, гражданских и опекунских), алфавитные указатели к описям, именные списки оштрафованных участников судебных разбирательств, алфавитные указатели лиц, подвергшихся наказаниям по приговорам, настольные журналы для записи приговоров и решений суда и т.п. При этом большинство разбираемых дел были подробно задокументированы в первые два десятилетия XX в. Анализ этих документов позволяет сделать подробный обзор деятельности суда.

Так, по вопросам, связанным с причинением вреда здоровью, чаще рассматривались дела о нанесении побоев [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 102, 187, 294, 295]. В практике суда по этой части рассматривались дела и о покушении на жизнь [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 807]. Кражи людей встречались реже. Кражам подвергались в основном женщины [Материалы по обозрению... 1912: 35], некоторые кражи были совершены с целью заключения брака.

Наиболее распространённой категорией дел, рассматриваемых в Екатеринодарском суде, были дела о кражах скота, чужого имущества и денег. В этой подгруппе особенно распространённым видом правонарушений были кражи лошадей [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 133–156, 308–347]. В качестве других объектов краж в большинстве случаев выступали скот [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 157–158, 348–358], пчелы и продукты пчеловодства [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 365,

755], предметы одежды (некоторые из которых зачастую представляли материальную и историческую ценность, например, женские пояса из традиционного костюма [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 83, 168, 380], мужские серебряные пояса [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 375, 377, 378, 381], карманные серебряные часы [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 384], самовар [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 553] и др.), предметы сельскохозяйственного быта [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 89] и сено [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 406], товары из торговых лавок [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 85, 92, 96], дрова и изделия из леса [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 366, 367], деньги [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 371, 373].

К правонарушениям против установленного режима, по которым Екатеринодарский суд принимал решения, относились дела о незаконном хранении оружия [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 99], ношении оружия без соответствующего разрешения [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 191, 192, 281, 282], нарушение правил купли-продажи скота [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 297, 298] и т.п. К этой категории дел можно отнести и дела об оскорблениях сельских старших и других работников сельских администраций [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 103, 194, 283–291], клевете [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 561], неисполнении требований полиции [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 279], нарушении правил лесного устава [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 110–133], присвоении общественных денег [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 392], срывах аульных сходов [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 560].

По гражданским и семейным спорам чаще встречались дела о взыскании долгов [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 223, 226] и задолженностей по векселям [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 214, 222, 224, 229, 231, 233, 236]. В отдельную группу можно выделить наследственные споры (по установлению права на наследство [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 173], об утверждении в правах наследников [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 181], о выделении части имущества умерших наследодателей [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 178, 440], признании прав на наследство по достижении совершеннолетия [Карапетян 2006: 67] и т.п.). Большое количество решений было принято судом по спорам об аренде земли [Карапетян 2006: С. 65], потраве сенокосов [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 928], установлении материальной ответственности по делам о пожарах и неосторожном обращении с огнем [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 589–595]. Много вопросов решалось по семейно-брачным, бракоразводным делам и связанным с ними спорам [Карапетян 2006: С. 66; ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 426], спорам о взыскании неуплаченного (недоплаченного) калыма [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 428], возвращении (части) калыма при расторжении семьи [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 429, 431], установлению отцовства [Карапетян 2006: С. 66].

«Временные правила...» (1870) относили к подведомственности горских словесных судов и регламентировали порядок решения споров по делам, связанным с установлением отношений по опекунству над малолетними и их имуществом. По этой части Екатеринодарский горский словесный суд рассматривал в основном вопросы о назначении опекунами [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 175]; о снятии с опеки имущества сельчан, достигших совершеннолетнего возраста [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 174]; о неуплатах опекунами присужденных аульными судами денег из «сиротских сумм» [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 176]; о взыскании растроченных сумм действующими опекунами с бывших опекунов в пользу подопечных [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 179, 184]; о растрате опекунами «сиротских денег» (подопечных) [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 183, 584] или имущества [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 583].

На основании шариата Екатеринодарский суд принимал решения об утверждении метрических книг и выписок о родившихся и умерших [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 412]. Также суд был компетентен налагать наказание по вопросам, связанным с нарушением устоявшихся норм отправления религиозных обрядов

(например, нарушение спокойствия в мечети [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 101]). Кроме того, судьи горского словесного суда принимали участие при проведении экзаменов по утверждению в званиях приходских мулл [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 413–422].

В его правоприменительной практике в качестве одной из форм решения споров и конфликтов на досудебной стадии были распространены дела о примирении. Екатеринодарский суд выступал в качестве инстанции, в которой фиксировался акт примирения конфликтующих сторон [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 275, 276] и составлялись соответствующие примирительные документы (примирительные сказки и т.п.).

Екатеринодарский горский словесный суд выступал апелляционной инстанцией по отношению к Лакшукаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 87, 211], Понежукаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 200, 206], Казанукаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 201], Шабанохабльскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 199, 202–203, 208], Тохтомукаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 204, 210, 726], Габукаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 205], Готлукаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 207], Ассоколаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 209], Ново-Бжегокаевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 213, 720], Вочепиевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 216, 721, 927], Шапсугскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 395], Джиджихабльскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 723], Шенджиевскому [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 735] и другим подведомственным ему сельским (аульным) судам. При этом словесный суд мог как утвердить решение сельского суда [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 410], так и отменить его и предложить собственное решение.

Екатеринодарский суд ежегодно отчитывался о своей деятельности перед начальником Кубанской области [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 108], что привело к отложению большого пласта отчетной документации. Однако по некоторым вопросам Суд отчитывался и ежемесячно (например, направлял в областное правление ведомости о движении штрафных сумм суда [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 106, 185, 457]). Некоторые отчетные документы этой группы готовились с элементами статистического наблюдения. Также суд вел учет фактов гражданского состояния (ведомости «о родившихся, умерших, браком сочетавшихся и разведенных») [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 109] утверждал, как отмечалось, метрические выписки и книги о родившихся, умерших [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 412] и т.п. в отношении населения, проживавшего на подведомственной ему территории. Кроме того, некоторые сведения горский словесный суд поставлял в областной статистический комитет (например, о численности подвергшихся преследованию и осужденных лиц за отчетный период [ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 841]).

Таким образом, Екатеринодарский горский словесный суд представлял собой важное звено в судебной системе Кубанской области и принимал к разбирательству дела между представителями черкесского населения. Анализ правоприменительной практики показывает, что Екатеринодарский горский словесный суд разбирал дела о кражах людей, чужого имущества и денег, причинении ран и телесных повреждений, преступлениях против власти и должностных лиц на местах, гражданские и семейные споры, сопровождал дела об установлении и освобождении от опекунов, а также принимал решения по спорам на этой почве, рассматривал вопросы, связанные с религией и отправлением религиозных культов, обеспечивал и оформлял документально акты примирения спорящих сторон на досудебной стадии, пересматривал решения сельских (аульных) судов в качестве апелляционной инстанции, готовил большой объем отчетной документации для руководства Кубанской области и учреждений статистики и т.п. Подробное изучение массива документации по этим направлениям деятельности имеет большую исследовательскую перспективу, т.к. позволяет подробно исследовать формы

применения традиционных институтов правосудия и механизмы адаптации местного населения в российскому судебно-правовому порядку на Кавказе.

Список источников

Временные правила... 1891 – *Временные правила* для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденных Наместником кавказским 18 декабря 1870 года // Кубанская справочная книжка. – Екатеринбург: книжная типография, 1891. Отд. 2. С. 232–242.

ГА КК. Ф. 660. – Государственный архив Краснодарского края. Ф. 660. «Екатеринодарский горский словесный суд».

Галкин 2009 – *Галкин А.Г.* Нормативно-правовое регулирование судоустройства и судопроизводства в период проведения судебной реформы 1864 года на территории Кубанской области. Дис. к.ю.н. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2009. – 213 с.

Зозуля и др. 2020 – *Зозуля И.В., Кондрашова А.А., Трофимов М.С.* Высочайшие отчеты начальников областей и губернаторов Северного Кавказа как исторический источник по изучению российской дореволюционной судебной системы // *Былые годы*. 2020. № 58 (4). С. 2651–2660. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2651. EDN UOAZHJ.

Кандор 2020 – *Кандор Р.С.* Выборы Екатеринодарского горского словесного суда: практика упрочения российского влияния на черкесские аульные общества (начало 70-х гг. XIX в.) // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2020. № 2 (45). С. 18–28. DOI 10.24411/2078-1024-2020-12002. EDN PVHTGN.

Карапетян 2006 – *Карапетян Л.А.* Из истории Екатеринодарского Горского словесного суда (1782–1920 гг.) // *Голос минувшего*. 2006. № 1–2. С. 62–70. EDN SAFDAD.

Карапетян 2009 – *Карапетян Л.А.* Правосудие горских (окружных) словесных судов на Северном Кавказе (70-е гг. XIX – начало XX вв.): к постановке проблемы // *Российский криминологический взгляд*. 2009. № 1. С. 255–264. EDN KUHYNF.

Кудаева 2007 – *Кудаева С.Г.* Включение адыгов в политико-административную систему Российской империи (вторая половина XIX в.) // *Новые технологии*. 2007. Вып. 3. С. 24–28.

Магаяева 2005 – *Магаяева П.И.* Горские словесные суды Кубанской области // *Вопросы истории*. 2005. № 6. С. 152–156.

Мальцев 2008 – *Мальцев В.Н.* Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2008. № 8 (36). С. 98–109.

Материалы по обозрению... 1912 – *Материалы по обозрению* горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением и.о. обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената Н.М. Рейнке, членом Московской судебной палаты Н.М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного Суда В.Д. Бушеном. СПб.: Сенатская типография, 1912. 278 с.

Прохода 2014 – *Прохода П.В.* Особенности судебного-правового регулирования на уровне местного самоуправления в Кубанской области в конце XIX века // *Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления: Материалы XVIII Республиканской научно-практической конференции молодых ученых аспирантов и студентов [Электронный ресурс]*, Минск, 21 марта 2014 года. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2014. С. 516–518. EDN YHSBSV.

Рейнке 1912 – *Рейнке Н.М.* Кавказско-горские суды Кавказского края // *Журнал Министерства юстиции*. 1912. № 2. С. 4–71.

Сотников 2009 – *Сотников А.А.* Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территориях Северного Кавказа: дис. ... канд. ист. наук. М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2009. 200 с.

References

Vremennye pravila dlja Gorskih slovesnyh sudov Kubanskoj i Terskoj oblastej, utverzhdenykh Namestnikom kavkazskim 18 dekabrja 1870 goda [Temporary rules for the mountain verbal courts of the Kuban and Terek regions, approved by the Governor of the Caucasus on December 18,

1870]. Kubanskaja spravocnaja knizhka. Ekaterinodar: knizhnaja tipografija, 1891. Otd. 2. P. 232–242. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. F. 660. «Ekaterinodarskij gorskij slovesnyj sud» [State Archive of the Krasnodar Territory. F. 660. “Yekaterinodar City Court of Words.]. (In Russian).

GALKIN A.G. *Normativno-pravovoe regulirovanie sudoustrojstva i sudoproizvodstva v period provedenija sudebnoj reformy 1864 goda na territorii Kubanskoj oblasti* [Regulatory regulation of the judicial system and legal proceedings during the judicial reform of 1864 in the territory of the Kuban region]. Dis. k.ju.n. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2009. 213 p. (In Russian).

ZOZULJA I.V., KONDRASHOVA A.A., TROFIMOV M.S. *Vysochajshie otchety nachal'nikov oblastej i gubernatorov Severnogo Kavkaza kak istoricheskij istochnik po izucheniju rossijskoj dorevoljucionnoj sudebnoj sistemy* [The highest reports of the heads of regions and governors of the North Caucasus as a historical source for the study of the Russian pre-revolutionary judicial system]. *Bylye gody*. 2020. № 58 (4). P. 2651–2660. DOI 10.13187/bg.2020.4.2651. EDN UOAZHJ. (In Russian).

KANDOR R.S. *Vybory Ekaterinodarskogo gorskogo slovesnogo suda: praktika uprochenija rossijskogo vlijanija na cherkesskie aul'nye obshhestva (nachalo 70-h gg. XIX v.)* [Elections of the Yekaterinodar Mountain Court of Words: the practice of strengthening Russian influence on Circassian aul societies (early 70s of the XIX century)]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2020. № 2(45). P. 18–28. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-12002. EDN PVHTGN. (In Russian).

KARAPETJAN L.A. *Iz istorii Ekaterinodarskogo Gorskogo slovesnogo suda (1782–1920 gg.)* [From the history of the Yekaterinodar Mountain Court of Words (1782–1920)]. *Golos minuvshogo*. 2006. № 1–2. P. 62–70. EDN SAFDAD. (In Russian).

KARAPETJAN L.A. *Pravosudie gorskih (okruzhnyh) slovesnyh sudov na Severnom Kavkaze (70-e gg. XIX – nachalo XX vv.): k postanovke problemy* [Justice of mountain (district) verbal courts in the North Caucasus (70s XIX – early XX centuries): to the formulation of the problem]. *Rossijskij kriminologicheskij vzgljad*. 2009. № 1. P. 255–264. EDN KUHYPN. (In Russian).

KUDAEVA S.G. *Vkljuchenie adygov v politiko-administrativnuju sistemu Rossijskoj imperii (vtoraja polovina XIX v.)* [The inclusion of Adyghs in the political and administrative system of the Russian Empire (second half of the 19th century)]. *Novye tehnologii*. 2007. Vyp. 3. P. 24–28. (In Russian).

MAGAJAEVA P.I. *Gorskie slovesnye sudy Kubanskoj oblasti* [Mountain verbal courts of the Kuban region]. *Voprosy istorii*. 2005. № 6. P. 152–156. (In Russian).

MAL'CEV V.N. *Politiko-juridicheskij aspekt reformirovanija gorskih sudov v Kubanskoj i Terskoj oblastjah v konce 60-h – nachale 70-h gg. XIX v.* [Political and legal aspect of reforming mountain courts in the Kuban and Terek regions in the late 60s – early 70s. XIX century]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 8 (36). P. 98–109. (In Russian).

Materialy po obozreniju gorskih i narodnyh sudov Kavkazskogo kraja [Materials on the review of mountain and people's courts of the Caucasus region]. *Sobranij pod nabljudeniem i.o. ober-prokurora obshhego sobranija kassacionnyh departamentov Pravitel'stvujushhego Senata N.M. Rejnke, chlenom Moskovskoj sudebnoj palaty N.M. Agishevym i tovarishhem prokurora Tambovskogo okruzhnogo Suda V.D. Bushenom*. SPb.: Senatskaja tipografija, 1912. 278 p. (In Russian).

PROHODA P.V. *Osobennosti sudebno-pravovogo regulirovanija na urovne mestnogo samoupravlenija v Kubanskoj oblasti v konce XIX veka* [Features of judicial and legal regulation at the level of local self-government in the Kuban region at the end of the 19th century]. *Teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty gosudarstvennogo upravlenija: Materialy XVIII Respublikanskoj nauchno-prakticheskij konferencii molodyh uchenyh aspirantov i studentov [Jelektronnyj resurs]*, Minsk, 21 marta 2014 goda. Minsk: Akademija upravlenija pri Prezidente Respubliki Belarus', 2014. P. 516–518. EDN YHSBSV. (In Russian).

REJNKE N.M. *Kavkazsko-gorskie sudy Kavkazskogo kraja* [Caucasian-Mountain Courts of the Caucasus Region]. *Zhurnal Ministerstva justicii*. 1912. № 2. P. 4–71. (In Russian).

SOTNIKOV A.A. *Osobennosti provedenija sudebnoj reformy 1864 goda na territorijah Severnogo Kavkaza: dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the judicial reform of 1864 in the territories of the North Caucasus: dis.... Ph.D. History of Sciences.]. M.: Rossijskij gosudarstvennyj universitet turizma i servisa, 2009. 200 p. (In Russian).

Информация об авторах

А.Х. Абазов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

А.И. Достова – аспирант Научно-образовательного центра.

Information about the authors

A.Kh. Abazov – Doctor of Science (History), Leading Researcher of the Medieval and New History Sector.

A.I. Dostova – Graduate Student of the Scientific and Educational Center (History).

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, одобрена после рецензирования 10.12.2022, принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022, approved after reviewing 10.12.2022, accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-15-29

1822 г. В МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИЛЕММАХ КАБАРДИНСКОЙ ЗНАТИ: ФАКТОРЫ, МОТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2022

Аннотация. В настоящей работе внимание сосредоточено на одном аспекте событийной канвы, определявшей исторический облик сложных перипетий, имевших место в Кабарде в 1822 г. С самого начала российско-черкесского противостояния в 60-х гг. XVIII в. центральная (географически и символически) часть Кабарды периодически оказывалась в зоне активных боевых действий. Но только в ходе военной кампании 1822 г. российское командование нацелилось на установление здесь своего устойчивого контроля. Такая решимость к радикальной смене актуального на тот момент политического режима вызвала деятельное сопротивление в Большой Кабарде. Однако, естественным образом, диапазон выбора способов реакции на ситуацию эскалирующего противостояния не ограничился только противодействием имперскому продвижению.

В этот период обнаружила себя когорта людей, подвизавшаяся на поприще активного и заинтересованного взаимодействия с имперской администрацией. В основном, базирясь на материалах отложенных в фондах российских архивов (РГВИА, УЦГА АС КБР) и опираясь на опубликованные источники, а также публикациях современных исследователей, в статье рассматриваются индивидуальные стратегии некоторых представителей кабардинского дворянства, сделавших экзистенциальный выбор в условиях военно-политического обострения 1822 г. В тексте отражены не только конкретные формы сотрудничества определенного контингента жителей Большой Кабарды с оперировавшими на ее территории российским войсками, но и модусы стигматизации и социальной изоляции, которым они подвергались на протяжении последующей жизни.

Ключевые слова: Кабарда, российское командование, военные действия, выбор, лазутчики, проводники, (про)вожатые, хаджреты.

Для цитирования: Алоев Т.Х. 1822 г. в морально-политических дилеммах кабардинской знати: факторы, мотивы и последствия // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 15–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-15-29

Original article

1822 IN THE MORAL AND POLITICAL DILEMMAS OF THE KABARDIAN NOBILITY: FACTORS, MOTIVES AND CONSEQUENCES

Timur H. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Н. Алоев, 2022

Abstract. In this work, attention is focused on one aspect of the event outline that determined the historical appearance of the complex ups and downs that took place in Kabarda in 1822. From the very beginning of the Russian-Circassian confrontation in the 60s. 18th century the central (geographically and symbolically) part of Kabarda periodically found itself in the zone of active hostilities. But only during the military campaign of 1822 did the Russian command set its sights on establishing its stable control here. Such a determination to radically change the current political regime at that time caused active resistance in Big Kabarda. However, naturally, the range of choice of ways to respond to the situation of escalating confrontation was not limited to countering the imperial advance. During this period, a cohort of people found themselves working in the field of active and interested interaction with the imperial administration. Basically, based on the materials deposited in the Russian archives (RGVIA, UTSGA AS KBR) and relying on published sources, as well as publications of modern researchers, the article discusses the individual strategies of some representatives of the Kabardian nobility who made an existential choice in the context of the military-political aggravation of 1822 d. The text reflects not only the specific forms of cooperation of a certain contingent of residents of Bolshaya Kabarda with the Russian troops operating on its territory, but also the modes of stigmatization and social exclusion to which they were subjected throughout their subsequent lives.

Keywords: Kabarda, Russian command, military operations, renegacy, scouts, guides, (escort) guides, hajrets

For citation: Alov T.H. 1822 in the moral and political dilemmas of the Kabardian nobility: factors, motives and consequences. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 15–29. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-15-29

Исключительный драматизм и чрезвычайная напряженность военного противостояния в ходе ермоловского наступления 1822 г. на Кабарду активировали разные модусы реакции жителей восточчеркесских княжеств на небывалые вызовы и угрозы. При этом они, как в политическом, так и в этическом плане могли не просто существенно различаться, но, зачастую представляли по отношению друг к другу антагонистичные альтернативы. Как известно (и, как это точно подметил Хан-Гирей) [Хан-Гирей. Записки... 1978: 160] «лучшие войны» переселились на кубанское левобережье, воплотив хаджретскую Альтернативу и задав моральную планку черкесского Сопrotивления на десятилетия вперед (заслужив в ассоциативном пространстве черкесской культуры крайне комплиментарную оценку «хъжрэтър жэнэтбзус» – «хаджрет – райская птичка») [Паштова 2014: 158]. Однако подобный выбор не стал привлекательным и не составил приемлемой жизненной траектории для большинства населения княжеств. Оставшиеся, так или иначе, вынуждены были проявлять ту или иную степень лояльности (получив нелицеприятную аттестацию «тгуащ|эдэсыр кхъуэсурэтс» – «междуреченец – свиноподобный») [Паштова 2014: 158]. Однако варианты выбора на этом не исчерпывались: определенная когорта людей не только уклонилась от импеданса, но и активно проявила себя на стезе деятельного пособничества агрессору. Именно, на последнем контингенте (впрочем, весьма малочисленном) актантов в этической трилемме 1822 г. здесь будет сосредоточено внимание.

К проблеме смены политической идентичности в связи с военно-политическими перипетиями 1822 г. довольно-таки давно исследователи проявляют устойчивый интерес. Здесь нельзя не упомянуть изыскания С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 1993: 101]. В них, в частности, впервые упомянуты некоторые из фигурантов настоящего исследования. Хотя описание жизненных траекторий этих персонажей представлено еще достаточно скупо (что, на тот период, вполне объяснимо) автор включив его в рубрику «...Всею душою предан России» артикулировал лейтмотив деятельности персонажей, помещенных в нее. Рефлексии и выводы Бейтуганова, сосредоточенные исключительно на кабардинских сюжетах весьма выгодно оттеняются при привлечении к анализу предмета настоящей инициативы работ с высоким уровнем концептуализации при осмыслении исторических реалий. Заметные шаги в этом направлении в последние годы продемонстрировал А.Т. Урушадзе.

Размышляя над глубинными факторами, предопределявшими зачастую успешное взаимодействие индигенных персонажей с регулярными государственными структурами автор обращает внимание на требующего осознания констатацию: «Знания уроженцев Кавказа были востребованы империей...» [Урушадзе 2014: 106]. По многолетнем изучении феномена фронтальной личности автор сформулировал важный для настоящего текста тезис. В своей недавней работе, обзрев исследования, посвященные истории местных уроженцев на русской службе в период Кавказской войны, Урушадзе делает важное наблюдение. Им обращается внимание на то, что «анализируемые в исследовательской литературе биографические и карьерные траектории офицеров-горцев уже стали каноническими...» «Поэтому, – справедливо отмечает он, – не меньший интерес для понимания места горцев на русской службе имеют другие – менее известные фигуры. Именно на их примере можно увидеть закрепляемые империей функциональные роли, наличие / отсутствие ментальных границ, восприятие имперской службы местными сообществами» [Урушадзе 2020: 131]. В частности, и из этого положения дел проистекает интенция к настоящей работе.

Ввиду того, что российское командование, планируя вторжение в центральную Кабарду, проявляло выраженную заинтересованность не просто в «лазутчиках», а в их особой разновидности, фигурирующей в источниках в качестве «проводников» и «(про)вожатых», предварительно рассмотрим факторы предопределившие подобные предпочтения.

Задолго до начала российско-черкесского противостояния имперские агенты проявляли повышенное внимание к выяснению ландшафтного фактора в обороноспособности Большой Кабарды. Здесь вспоминается дотошный расспрос, учиненный посланнику Большой Кабарды Мисост Магомету по следам разгрома крымских войск в Кабарде на переправе *Жырыцты* осенью 1731 г. В имперском внешнеполитическом ведомстве проявляли активную заинтересованность в выяснении вопроса о том, «В которой Кабарде больше земли и угодия и сеvu хлеба и протчему, и которая из оных положением места удобнее и крепче ко обороне от неприятелей, или способнее ко уходу скорому в горы или леса?» На что черкесский дипломат отвечал: «В Большой Кабарде земли и угодья к сеvu хлеба и протчаго гораздо Меньшей Кабарды более и лутче, и для обороны от неприятелей Большая Кабарда весьма крепче, понеже по обеим сторонам реки Баксана, по берегам, превысокия каменные горы, на которых и жилища свои они имеют по обеим сторонам реки Баксана. А за теми горами по обе стороны на niskих местах поселены деревни, где подлой народ хлеб сеют. А во время неприятельского нападения ис тех деревень и подлой народ, оставя деревни, уходят в вышеписанные ж горы. А на те горы проезжих дорог на каждом берегу по одной, которыми по нужде в одну телегу проехать возможно; и никаким бы образом их неприятели достать не могли, ежели б у них пушки были» [Кабардино-русские отношения... Т. II. 1957: 61]. Если эта информация запрашивалась в видах выяснения военного потенциала очевидного и желанного противовеса Крымскому ханству на южных рубежах империи, то спустя полтора десятилетия, статский советник Бакунин проводил исследование возможностей Большой Кабарды в регионе с прицелом на вероятный военный конфликт с княжеством. «...Что они ис Кабарды яко из крепкого места выгты... и тем природную свою волю потерять... не похотят... а крымские и кубанские силы в Баксане и в Кашкатове повредить их были не в состоянии, разве продолжительною своею под Кабардою бытностию могут их не допустить в полях хлеб сеять и скот из гор выгонять. Но такое замедление и самим крымцом и кубанцом не дешево быть может» [Кабардино-русские отношения... Т. II. 1957: 161]. Собственно, и сами правители княжества вполне осознавали значение этого фактора в соображениях своей военной мощи. И уже в самом начале российско-черкесского противостояния, политики из Кабарды, адресуясь

к российской императрице, артикулировали тезис о том, «что мы такие места имеем аще нас господь бог сам не разобьет, то человеку разбить будет ника[к] невозможно» [АВПР. Ф. 115. Кабард. д. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. Л. 113]. Поэтому неудивительно, что через несколько лет, И. Гюльденштедт получил афронт после изъяснения своего намерения ознакомиться с ними. «Моему желанию подняться на Эльбрус (очевидно, что здесь речь идет о прилежащем к самому гиганту горном пространстве в бассейнах рек Баксан, Малка, Подкумок, Кума и Кубань. – Т.А.) воспротивились кабардинцы; он служит им прибежищем в случае, если им изменит военное счастье, поэтому они не хотят, чтобы это прибежище было открыто», – жаловался шпион [Гюльденштедт 2010: 245]. В новых условиях войны, наличие подобного естественного бастиона выступало лишь дополнительной (но не непреодолимой) преградой – только фактором, усложнявшим задачи вторгавшихся в Кабарду войск, так как очевидным образом «...раскинутая в подгорных равнинах... не имевшая с севера крепких рубежей, как Закубанье, Чечня и Дагестан, – [центральная] Кабарда, открытая и доступная...» [Потто 1904: 1] доставляла противнику явные выгоды. Экстремальный высотный градиент и относительно узкий лесной пояс, ограничивавшие «стратегическую глубину отступления» серьезно усложняли задачи длительной и устойчивой оборонительной войны. Эти обстоятельства, в свою очередь предопределяли заинтересованность российского командования в привлечении к своим операциям возможно большего числа «вожатых». И, действительно, несмотря на признания российских командиров о постоянной бдительности противника – о том, что черкесы окружают отряды «тонкою цепью своих наблюдательных пикетов» и стерегут каждый шаг войск, не допуская «скрытые движения» [Потто 1904: 43], нередко армейским инициативам сопутствовал успех. И если источники сообщали о том, что майор «Курило настолько умел скрыть движение колонны, что прошел это пространство никем незамеченный» [Потто 1904: 38], или в повествовании описывается как «действуя с необычайной энергиею, проникая в места, где никогда не бывали русские войска, Коцарев не выходил из гор...» [Потто 1904: 47], а также автор удивляется тому, что «Якубович... буквально по месяцам не сходил с коня и со своими сподвижниками, такими же отважными, как сам, – углублялся далеко в недра гор» [Потто 1904: 69] можно уверенно говорить о важной роли «проводников» / «вожатых» в этих акциях. И сам факт того, что в кампанию 1822 г. российские войска прошли ровно по тем двум, сто без малого лет до того считавшимся, практически непроходимым дорогам («Войска шли по обе стороны Баксана: Ермолов по правому, а Сталь по левому берегу») [Потто 1904: 54], говорит не только об удачной концентрации военной мощи, но и о учете российским командованием местных реалий. А о них лучше всех были осведомлены черкесы, которые «отлично знали все изгибы местности в своей родной стороне» [Потто 1904: 67]. Закономерно, что разглашение информации, относящейся к особенностям ландшафта страны со стороны отдельных их представителей, приводило к трагическим последствиям. В качестве иллюстрации подобного тезиса обратимся к следующему сюжету.

В ноябре 1822 г. некоторое количество черкесских семей, не желая оставаться на уже контролируемой российской стороной равнине «бежало» в горы. В. Потто следующим образом повествует о последующих событиях. «Далеко уйти они не могли и Коцарев решил воспользоваться предложением одного кабардинца, который вызвался указать место, где они находятся, но предупреждал, что надо будет идти кружным путем по таким местам, где никто никогда не ходил. Кабардинец этот был отъявленный вор и мошенник, как говорит сам Коцарев, но последний и эти качества хотел обратить в свою пользу. Отряд собран им налегке без артиллерии и 20-го ноября ночью тихо выступил из Нальчика к верховьям Чегема. Действительно, отряд пробирался по страшным трущобам. Густой лес и непрерывные топи задерживали движение отряда днем, а ночью путь шел по таким

опасным тропам, что конным нельзя было ехать. То поднимаясь на горы, то спускаясь в пропасти, люди до того измучились, что Коцарев вечером вынужден был остановиться для отдыха. Ночь наступила темная... Скоро отряд взобрался на какую-то скалу, висевшую над самим Чегемом. Отсюда видны были непрерывно сверкавшие внизу огоньки, но выстрелов не было слышно. С большим трудом войска сползли с этого гигантского утеса... На этот раз бежавшим кабардинцам спастись не удалось. Они были захвачены... врасплох и мужчины, вздумавшие сопротивляться, истреблены, а женщины и дети захвачены в плен» [Потто 1904: 67–68].

Как бы то ни было ко времени начала решительного натиска Ермолова на Кабарду в 1822 г. сложившаяся здесь структурная ситуация определенно стимулировала зримое проявление осуждаемой одной и, соответственно, поощряемой другой стороной конфликта, поведенческой стратегии. Комбинацию культурных, идейных, психологических и иных факторов, исподволь влиявших на личностную ориентацию и определявших решительный выбор стороны конфликта в экстремальных условиях эскалации военного конфликта сложно объяснить спонтанным порывом. Когорта людей, подвизавшаяся на поприще активного и заинтересованного взаимодействия с имперской администрацией, разумеется, в большинстве своем не могла в одночасье пойти на сопряженный со столькими издержками и прямым риском для жизни шаг. По всей видимости, в большинстве случаев, речь идет о наличии предварительных (и протяженных во времени) контактов и опыта взаимодействия с людьми и инстанциями, соотносимыми со структурой обратившей свою военную мощь на подавление политики, членами которой они к этому времени были. Т.е. уместно говорить о практиках, обеспечивавших инфраструктуру вовлечения в сотрудничество уже в экстремальных обстоятельствах военного противостояния.

Кейс уорка Кожоко Хажимета вполне удовлетворяет подобной гипотезе. Обращаясь к командиру Центра Кавказской линии Пирятинскому, происходящий «родом из кабардинцев принадлежащей фамилии» Хатокшоко, уорк Кожоко Хажимет сообщал, что предки его «имели пребывание свое в жительстве на казенных землях, принадлежащих российскому правительству, то есть Кавказской области, моздокского уезда в деревне Безорукиных (черкесское село на р. Кура. – Т.А.) [Кармов 2020: 23], а потом по распоряжению бывшего начальника Кавказской области генерал майора Дельпоццо, все жители произошедшие из кабардинцев переселены на землю кабардинского узденя Куденетова, на реке Курей[жей?] (Подкурок. –Т.А.), в аул называемый Кошев...» [УЦГА АС КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 11]. Согласно сообщению Кожоко, проживал он под российской юрисдикцией до начала ермоловского наступления. Последующий пассаж Кожоко весьма примечателен ввиду того, что позволяет понять, что им полностью осознавалось содержание происходивших событий. Им указывалось, что «продолжая пребывание наше до 1822 [г.] в означенном месте «русское правительство возымело намерение покорить Кабарду!» [УЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 11].

Четко понимая суть имперских усилий в отношении Большой Кабарды он столь же трезво оценивал свою роль в разворачивающихся событиях. Перечисляя свои деяния на новом поприще, Кожоко не подвергал сомнению, что адресат оценит их как безусловные заслуги перед российским престолом. Вспоминая 1822 г. он писал следующее: «Тогда дядя мой уздень прапорщик... [Бермамыт Темруко] и я во всех экспедициях бывших под личным начальством корпусного командира Господина генерала от инфантерии и кавалера Ермолова, начальника Кавказской области Генерал майора Сталя и артиллерии Коцарева, по всем местам Кабарды были вожатыми, а по приведении в повиновение кабардинских владельцев, также был вожатым предместнику Вашего Высокоблагородия полковнику Подпряткову, командированному по воле Высшей Власти для усмирения карачаевского народа; после же сего согласно распоряжения Г: Генерала от инфантерии Ермолова, вы

фамилии принадлежащие Кабарде пересели[ли] в свои жительство в том числе с семейством и я поселились на реке Баксан в ауле Кошевом...» [УЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 12]. Там он имел «жительство до 1829-го года». Однако все это время автор письма чувствовал давление социального окружения и обращал внимание своего адресата на то, что «будучи подозреваем кабардинцами в нелицемерной приверженности к российскому правительству, а болие в том, что я и означенный дядя мой прапорщик... [Бермамыт Темруко] во время действия в Кабарде Воиск были вожатыми убоаясь мущения их я с семейством свои... с разрешения начальника Кабарды покойнаго полковника Ушакова по билету выданному от него перешел на реку Куру в деревню Ростовановку, где и донине имею жительство...» [УЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 12].

При всей явной осознанности своего выбора и вытекавших из него действий, в словах Кожоко просматривается определенная внешняя детерминированность его поступков. Неоднократное упоминание своего дяди и нарочитое стремление ассоциироваться с ним в глазах российского командования позволяет предположить, что на подобную риторическую стратегию автор письма возлагал определенные надежды. И, действительно, ознакомление с источниками позволяет говорить, что в этом был свой резон потому как в контексте рассматриваемого вопроса Бермамыт Темруко предстает в них более фактурной фигурой.

Последний в 1828 г. обратился с «прошением» к командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу Г.А. Емануелю. Сходу, выказывая свои верноподданнические чувства, он сообщает: «При вступлении войск российских в 1822 году под начальством покойнаго полковника Кацарева в Кабарду, ждя наказания владельцев оной непокорных власти правительства, я был в числе первых из кабардинцов явившихся [к] русскому начальству и желая оказать преданность мою России сам вызвался полковнику Кацареву служить по мере способности и сил моих» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 1]. Скорее всего, уорк Бермамыт не лукавил и, возможно, выражение «ждя наказания владельцев» не было преувеличением. По крайней мере, в весьма специфическом тексте – «именном списке кабардинским узденям... с отметкой кто как себя ведет», т.е. реестре актуального на тот момент (больше)кабардинского «политикума» он отмечен особым образом. В документе, составленном в штабе генерал-майора Сталя 31 декабря 1821 г. только автор «прошения» характеризуется следующим образом: «Темрюка Бермамытов – отлично предан России» [Трансформация ...2017: 24]. На фоне того обстоятельства, что в документе фигурирует порядка четырехсот персоналий, большинство из которых квалифицируются как «разбойники» и «мошенники» такую аттестацию можно признать красноречивой. Транслируемая далее самопрезентация вполне согласуется с такой оценкой. Напоминая о своих свершениях Бермамыт, в частности, писал о том, как полковник Коцарев предложил ему «быть проводником к новым жилищам, кои и убрали некоторые кабардинские князья и узденья, чтоб укрыться в ущельях гор от наказаний за все сделанные ими грабительства в границах России» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 2].

«Я безпрекословно принял должность сию и исполнял ее по возможности и небезуспешно; за что по ходатайству покойнаго полковника Кацарева всемилоостивейше награжден офицерским чином», – артикулируя свою безукоризненную лояльность, продолжал Бермамыт. Однако награждался он не только статусом в имперской иерархии; его идейные побуждения легко сочетались и с более приземленными (что, впрочем, не противоречило его «идеологической», по классификации С.Хофмана, мотивированности) приобретениями. Показательно, что в расходной ведомости за январь-февраль 1822 г. отмечается, что Бермамыт Темруко «куплены новые сапоги к походу с подполковником Кацаревым» [УЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 108].

Подобный верноподданнический энтузиазм не мог долго оставаться незамеченным его соотечественниками, и, как можно судить, вскоре вызвал соответствующую

реакцию. «Между тем бунтовавшие кабардинцы в отмщение за приверженность мою к России сожгли дом мой, угнали за Кубань весь скот, баранов и лошадей мне принадлежащих», – жаловался на постигшую его судьбу Бермамыт. Далее, в попытке вызвать сочувствие адресата он впадает в укоризненную lamentацию: «Полковник Кацарев свидетельствуя пред начальством о слабых моих заслугах, не упустил довести и о потере мною всего имущества до сведения бывшего госп[одина] корпус[ного] команд[ира] ген[ерала] Ермолова. Его превосходительство объявляя свою признательность за труды понесенные мною при исполнении... должности объявил чрез переводчика капитана Дыдымова, что за все потерянные мною убытки прикажет он бывшему дивизионному начальнику покойному гене[рал]-май[ору] Сталю удовлетворить из отогнанного у непокорных кабардинцов скота, баранов и лошадей; равно и построит дом. Прошло уже 5 лет и я не имел ещё счастья получить даже части обещанного мне, а между тем семейство моё состоящее из семи душ обоего пола претерпевает крайний во всем недостаток...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 2].

Предсказуемо, автор венчает описание своих злоключений просьбой «облегчить жалкое мое состояние, в которое ввергнула меня приверженность к России и пламенное желание быть сколько нибудь полезным ея Правительству...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 2]. Однако, как можно судить, столь пылкие уверения в своей верноподданнической преданности оставили равнодушными его покровителей. Так, позднее, житель села Иналхабль Бермамыт Хажибекир обращался к имперским властям с напоминанием о том, что его отец Бермамыт Темруко, в 1822 г. «привел русские войска в Кабарду, за что в том же году ноября 22 дня Высочайше награжден чином прапорщика с производством жалованья... и получил на чин грамоту от ...Ермолова 24 февраля 1823 года» [УЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 257–258]. Сообщив далее, что «после услуги этой отец наш, будучи сильно гоним соотечественниками своими... должен был некоторое время скрываться вне Кабарды», по примеру своего родителя акцентирует внимание на его принципиальности, и, что «несмотря на это, отец наш сохранял преданность правительству и продолжал исполнять все возложенные на него поручения по долгу службы своей» [УЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 257–258]. Однако такая аргументация и в этот раз не возымела успеха. Согласно С.Н. Бейтуганову российское правительство, которое за особые заслуги некогда наградило земельным участком фамилию Бермамыт, отняло у нее те же самые земли на Эшкаконе и горе Бермамыт [Бейтуганов 1993: 102]. Символично, что Эшкаконская земля, некогда принадлежавшая Бермамыт, «поступила в надел собственности участка г. Майору Абдрахманову» известному в черкесской среде как Карахоко Фица. Учитывая, что по части причиненного зла народу ему не было равных, он как черкесский Эфиальт заслужил большего поощрения со стороны российского правительства, нежели заурядный ренегат Бермамыт Темруко.

В водоворот исторических потрясений 1822 г., как и в любой процесс социетального характера вовлекались представители всех сословий. Мы уже касались участия одного из князей Хатокшоко в боевых действиях в составе российских войск [Алоев 2019: 29–35]. Здесь же коснемся кейса члена тлехотлешского рода Тамби(й). Речь пойдет об одном представителе ветви этого рода – Ехшоко. В 1821 г. Тамби(й) Батырбек вместе, видимо, со старшим братом Девлетгире-ем, проживал в родовом селе из «40 домов» в вершинах реки Кенже. Российские агенты отзывались о них, как о людях, которые в «разбоях бывают» и вместе со своими сюзеренами из клана Мисост являются «великими мошенниками» [Трансформация...2017: 24]. Поэтому неудивительно, что молодой (на тот момент ему было около 22-х лет) аристократ оказался среди активных борцов с российским продвижением в стране. Об этом мы узнаем из его прошения командующему войсками на Кавказской линии генералу Эмануелю, последовавшего на излете

десятилетия. Ретроспективно ситуация, в которой он тогда оказался им был описан следующим образом: «[В]1821 году, когда все кабардинцы были отклонившись от подданства российского правительства, удалившись в горы в числе оных и я с братьями находился» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 478]. Возможно, участь некоторых из них стала серьезным поводом для переосмысления своего положения. Сначала, 25-го марта Коцарев «вошел в Чегемское ущелье и истребил аулы Тамбиева» [Потто 1904: 50]. Спустя менее месяца, 17 апреля 1822 г. тот же отряд ворвался в «аул Тамбиева, где человек 20 пеших горцев заперлись в сакле». На помощь казачьей сотне, первой атаковавшей село «поспешно прибыли еще две роты» пехоты [Потто 1904: 51]. Черкесам предложили сдаться, но они отвечали выстрелами. В.А. Потто не стал ретушировать итоги боя: «Тогда озлобленные солдаты ринулись на приступ. Капитан Красовский первый вскочил в выбитую дверь и пал на пороге, сраженный пулею; еще несколько солдат было ранено, но остальные ворвались и истребили всех без пощады; 18 трупов, вытащенных из сакли, были так обезображены, что мирные кабардинцы (возможно среди них были фигуранты настоящего текста. – Т.А.), бывшие в отряде, не могли узнать никого из них» [Потто 1904: 51].

Как бы то ни было, примерно в это время, «когда издал генерал Ермолов прокламацию что все те кои с раскаянием желают возвратится прощаются все их проступки; вышли мы из гор, – продолжил Тамби(й) Батырбек, и по его словам, – поселились на плоскости с своими подданными на прежние места с воли начальства» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Таковых считали «изменниками народному делу», поэтому силы возглавляемые «первенствовавшим между мятежниками» – лидером разворачивавшегося хаджретского движения Бесланом Асланбеком «разделившись на части, грабила и била тех кабардинцев, которые переселялись на плоскость» [Потто 1904: 49–50]. Эти обстоятельства, вероятно и определили последовавший переход на сторону противника Тамби(й) Батырбека, который «оказывая свою усердную Службу полковнику Коцареву тогда для наказания возмутившихся кабардинцев тамо с войсками находившемуся неоднократно доставляли Ему случию в том, а когда сам генерал Ермолов [в] 1822 году был в Кабарде находясь в лице (?) тоже неоднократно оказывали свое усердие...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. В подобных обстоятельствах проявление «усердия» трудно скрыть. Поэтому, как отмечал Тамби(й) Батырбек, спустя некоторое время, а именно в 1823 г. «беглые кабардинцы возимея на нашу фамилию негодование убили брата моего Ахгубека с одним нашим узденем и взяли в плен из подвластных наших трех мальчиков» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Этим преследования не ограничились: «потом в разное время угнали до сто лошадей и рогатого скота» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Однако, похоже, гонения со стороны соотечественников только подстегивали его усердие. Он писал: «... но мы за всем тем несмотря на наносимый нам убытки и угрозы своих соотечественников и единоверцов всегда пребывали верными долгу своему и данной нами присяге. Во время командования в Кабарде подполковника Булгакова поймав 6-ть человек скрывающихся в лесу беглых кабардинцев доставил ему в Нальчикское укрепление, потом еще отбив у таких же неприятелей семь лошадей с седлами доставил ему же» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479]. Подробности первого события отражены в другом источнике. Из него следует, что в начале апреля 1825 г. Тамби(й) Девлетгирей (как выше отмечено, старший брат Батырбека) «в собственном ауле задержал пять беглых кабардинских абреков» [Потто 1904: 209]. Один из них, Апанас Борей, судился еще прежде, был приговорен к ссылке, но, при препровождении в георгиевскую тюрьму, сумел бежать за Кубань. Двое других – Ашабоко Хусейн и Алакей Кукша «изобличались в неоднократном нападении на русския границы». Следующие: Алакей Картул и Даур Измаил обвинялись только в побеге [Потто 1904: 209]. Шестой подсудимый был Бат

Иналуко, «обвинявшийся в пристанодержательстве, так как в его доме задержаны абреки». Серьезных улик против последнего не было. «Хотя он и не сделал признания в укрывательстве шайки, и разбойники его в том не избличают, – писал о нем командовавший в [центральной] Кабарде войсками подполковник Булгаков, – но сие не может оправдать его, ибо к честному и доброму жителю разбойники прийти в дом не решатся» [Потто 1904: 209]. Прежде чем коснуться исхода этого инцидента уместно сделать промежуточные уточнения. Касаются они кажущихся расхождений в источниках о месте захвата и численности «разбойников». Вроде бы в первом случае речь шла о «скрывающихся в лесу беглых кабардинцах», а во втором источнике указан «на собственный аул» Тамби(й) Девлетгирея. Однако исходя из тогдашних обстоятельств, требовавших определенных мер предосторожности со стороны «абреков» и вероятного отсутствия у незнатного Бат Иналуко возможностей одновременного принятия пятерых гостей объяснимо, что не все они поселились в кунацкой. Скорее всего сначала были нейтрализованы гостевавшие в кунацкой. Только лишь после этого можно было обнаружить тех, кто оставался в лесу. Спустя несколько лет младший из братьев Тамби(й) обозначая место развязки, как бы дистанцировался от совершенного ими «в собственном ауле» бесчестия напад на гостей (хотя казалось адресовался он к инстанции не признававшей подобных категорий). О качествах Тамби(й) Батырбека, кажется свидетельствует и то, что он своего односельчанина Бат Иналуко приписал шестым к «беглым кабардинцам».

После того как «разбойники» были схвачены генерал Лисаневич приказал подвергнуть «всех телесному наказанию и сослать в Сибирь». Однако извещенный о случившемся Ермолов приказал Ашабоко Хусейна, Алакей Кукше и Апанас Борея забить «шпицрутенами до смерти». Последнего, к тому же было приказано «после того, в страх подобным злодеям, повесить на дереве». Остальных трех было решено «прогнав шпицрутенами через тысячу человек пять раз, сослать в сибирские рудники на работу» [Потто 1904: 209]. Не лишне заметить, что тогда Ермолов распорядился выразить Тамби(й) (вероятно, Девлетгирею) свою признательность «за похвальный его поступок» и обещал по прибытии в Кабарду наградить его приличным образом «за службу государю» [Потто 1904: 209]. Между тем в екатериноградской тюрьме, «где содержались арестанты, вспыхнул бунт, и, среди начавшейся сумятицы» Апанас Борей снова сумел бежать, а Бат Иналуко «был убит караульными солдатами» [Потто 1904: 210].

С возобновлением активных военных действий синхронно с российско-османской войной в 1828 г. Тамби(й) Батырбек продолжил свои старания: «... да сверх того теперь командующий в Кабарде подполковник Ушаков по направлению моему в нынешнем годе отбил у неприятеля 1000 баранов; за каковыя мною продолжаемая служба ненавидя меня беглыми и здесь находящиеся кабардинцы во время ограбления селению Незлобную поедено оными злодеями 240 баранов». В заключение письма Тамби(й) просился в формируемый Кавказский горский конный взвод [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 479], что не было оставлено без внимания.

Вскоре он был зачислен оруженосцем в лейб-гвардии Кавказско-горского полускадрона (01.05.1828). Спустя полтора года произведен в юнкера (05.02.1830). По прошествии нескольких месяцев Тамби(й) Батырбек уже числится в офицерском чине корнета (29.07/29.11.1830). И в последующем российские власти не переставали поощрять проявлявшего благонадежность офицера. Так, он был при «Высочайшем путешествии по Кавказу в 1837 награжден единовременно 510 руб. ассигнациями» (15.12.1838) [Казаков 2017: 420]. К этому времени он чувствовал себя при новой власти настолько уверенным, что в том же 1838 г. принимает активное участие в развернувшихся дразгах между неоднократно продемонстрировавшим свою лояльность имперской администрации Шардан Якубом и эфенди

Шеретлоко на стороне последнего. По мнению начальника Центра Голицына, инициатором кампании против Шардана был эфенди «который решился отстранить во что бы то ни стало опасного соперника и, воспользовавшись отъездом его в Мекку, уговорил князя... [Хатокшоко], человека весьма ограниченного, и пронырливого корнета... [Тамби(й) Батырбека] собрать жалобы на... [Шардана], представляя его народу готовым в пользу русских допустить всякое отступление от закона Магомета и уничтожение древних прав в Кабарде» [Бейтуганов 2007: 202]. Сообщая о своем расследовании князь Голицын позднее докладывал вышестоящему начальству, что Шардан Якуб несправедливо стал объектом нападок недоброжелателей. А князь Хатокшоко Мисост, Тамби(й) Батырбек и народный эфендий Шеретлоко, «которые [были] причиною всех изветов, возведенных на обвиняемого, поняли, что жалобою своею на него имели целью ввести в заблуждение правительство» [Бейтуганов 2007: 204]. Но этот казус не отразился негативно на его карьерном продвижении. В 1840 г. Тамби(й) Батырбек становится членом Кабардинского временного суда и в 1843 г. «за отличие по службе» произведен в поручики 29.09.1843 [Казаков 2017: 423].

Упрочение положения в системе оккупационной администрации позволяло Тамби(й) Батырбеку продолжать усердствовать в интригах и злоупотреблять служебным положением. Так, весной 1844 г. к начальнику Центра Голицыну обратился уорк Шик Тликеч с просьбой о покровительстве и защите «в охранении от притеснения» со стороны Тамби(й) Батырбека и Агуой Жансоха, которые разными способами выводили из по его «повиновения» крестьян – шестерых братьев Казар. Шик Тликеч также сообщал: «А как помянутые г.г. начали теснить меня, то лишили уважения ко мне княгини... [Науруз Чабахан], которая до сего во всем меня хорошо уважала...» [Материалы... 1956: 101–102]. Здесь не совсем четко просматривается роль последней в обозначившейся коллизии. Очевидно только, что княгиня лишила уорка своего покровительства. Однако этот случай был не единственным, когда тройца – княгиня Науруз Чабахан, Тамби(й) Батырбек и Агуой Жансох фигурировала в судебных разбирательствах, основанием которых были имущественные споры. Так, в конце 1848 г. уорк Кудей Кара обращался с жалобой на княгиню Науруз Чабахан, эфенди Шеретлоко и члена кабардинского суда Тамби(й) Батырбека притязавших на его состояние. В документе фигурирует и вышеупомянутый, теперь уже прапорщик Агуой [Материалы... 1956: 282].

К этому времени уже третий год происходило производство по иску самой княгини Науруз Чабахан. В 1845 г. она обвинила «возвратившегося из-за Кубани» князя Мисост Алхаса в том, что он «завладел и похитил разновременно имение покойного отца ея» [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 296]. По *хазэ* в Кабарде «претендатель должен доказать свидетелями, а если нет таковых, то ответчик должен оправдаться под присягою» [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 31]. Княгиня Науруз Чабахан «в подтверждение иска за неоднократным требованием доказательства не представила и не высылала доверенного». Поэтому «дело в разбирательстве имело остановку» на пять лет. И лишь в 1850 г. «доверенный княгини», уже поручик Агуой Жансох «явился в присутствие» кабардинского временного суда. Он «противу упомянутого прошения объявил, что доверительница его» с князем Мисост Алхасом «по обоюдному между собою согласию дело это кончили и впредь о сем друг на друга претензии иметь не будут». Председателем суда был подполковник Тамби(й) Батырбек [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 292]. Видимо, несмотря на пребывание Мисост Алхаса за Кубанью сотоварищам по изъятию имущества он оказался не по зубам. В целом выше отмеченная «пронырливость» характера Тамби(й) Батырбека подразумевала и расчетливость. А она подсказывала избыточность для него конфликтов с равными. Так, когда в 1846 г. из-за Кубани явился замирившийся в это время с русскими Кундет Девлетгирей по делам, связанным с разделом

имущества с братом Магометом Тамби(й) Батырбек вместе с Хатокшоко Хатокшуко ходатайствовали перед начальником Центра Хлюпиным о положительном разрешении его дела. В этой связи примечательно наблюдение российского начальника относительно мотивации ходатаев за Кундет Девлетгирея. Хлюпин отмечал, что если Хатокшоко покровительствует Кундету «как узденям им принадлежащим», то Тамби(й) Батырбек «ходатайствует более по наружности, из боязни, чтобы прямыми справедливыми действиями не возбудить мщения абрека с его сообщниками» [Материалы по обычному праву кабардинцев 1956: 205].

В такой пластичности характера российские власти, возможно, усматривали причину в «доверии к [его] благонамеренности». Во всяком случае он оставался в фаворе у российских властей. «В 1844 году был в депутации в С.-Петербург для принесения благодарности и празднования Всероссийского престола за пожалованное Кабардинскому народу знамя, где награжден чином штабс-ротмистра 1844 года февраля 22 и 50 червонцами» [Казаков 2017: 423]. В контексте этой инициативы российская администрация составила «именной список депутатам, отправленным в Санкт-Петербург по высочайшему соизволению с отметкою о мере преданности к Российскому правительству и качествах каждого из них». Автор текста характеризует Тамби(й) Батырбека в следующих выражениях: «Человек красноречивый и с большим влиянием в народе; состояние его довольно значительное и привычки по домашнему быту совершенно сходные с европейскими, служат достаточным ручательством неизменной его верности. Ему, конечно, будет поручено прочими членами депутации вести речь, почему я считал бы нужным предупредить его особо по прибытии в С.-Петербург о форме, к которой она должна быть изложена; это польстит его самолюбию и послужит к снисканию милостивого приема депутации Его императорским Величеством» [УЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 252. Л. 14–15]. Вероятно авторы аттестации не ошиблись в своем подопечном. В последующие десятилетия Тамби(й) Батырбек неизменно поощрялся, награждался и повышался в званиях. Последнее из них последовало 25 апреля 1864 г. Тогда полковник Тамби(й) Батырбек за отлично усердную службу награжден орденом св. Станислава 2-й ст. с Императорскою короною [Казаков 2017: 423].

В отличие от попавшего в слепую зону к предательству тлекотлешскому отпрыску, мелкому «узденю» Паче Хаджи Индрису пришлось испить горькую чашу парии и отщепенца. Позволим себе развернутую цитату из прошения последнего к исполняющему обязанности начальника Центра Голицыну от 15 января 1843 года. Он писал: «В 1821 году, бывший корпусный командир генерал Ермолов, с отрядом Российских войск, вступя в Кабарду для усмирения волнующагося народа (речь идет о 1822-м г. – Т.А.), повстретилось ему необходимая надобность иметь знающаго все дороги кабардинского вместилища лазутчиком и вожаком по всем возможным ущельям; как народ кабардинский бросив низменные места, поселился в самых неприступных горах [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 4об] а как до пред сего имел я сношения с бывшим в это время при отряде переводчиком капитаном Василием Дыдымовым: – он вызвал меня к себе, будучи расположенным близ Екатериноградскаго карантина начально представил меня Его Высокопревосходительству Генералу Ермолову, далее Полковнику Подпряткову и Артиллерии Полковнику Коцареву, быв обласкан всеми ими и подведен к присяге на верность подданства к престолу Царя Русскаго, оставил при отряде Волонтером: с этого времени начал оказывать я непоколебимую преданность Правительству и исполнял при опаснейших обстоятельствах все приказания начальства в самой точности, узнавал среди родины своей тайные замыслы неблаговидные для Правительства, о чем заблаговременно предостерегал кордонных начальников, таким образом быв Агентом, мог доставить все средства Русскому отряду на покорение народа Кабардинскаго...» Несмотря на патетическую интонацию и заискивающе-сервильный стиль представляется, что Паче не преувеличивал. В ходе одного из

рейдов российских войск вглубь Кабарды у его родственников (по жене) «отогнал был» конный табун. Обратившемуся по этому поводу к своим покровителям Паче не было отказано – по его словам «уважая мои заслуги, возвращено мне 500 лошадей, в числе коих с таврами их было только двести, а триста лошадей под таврами принадлежали разным владельцам...» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 4об].

Завершая свое «покорнейшее прошение» Паче обращал внимание на то, что «не избег на целую жизнь... врагов из соотечественников» вследствие чего, по его словам достиг он «крайнего угнетения, что видно из следующих обстоятельств». Даже не вдаваясь в их детали становится очевидным, что проситель был стигматизирован социальным окружением и претерпевал драматичные удары судьбы. Следуя его повествованию, представим обстоятельства, к которым они сводились. Выдвигая претензии к соотечественникам он писал об «отнятии насильственно» от него «законной жены» за которую в свое время был уплачен калым в 230 рублей серебром. Это стало возможным в результате сговора его тестя Дышек Хажы, «народного эфендия» Шеретлоко Хажы Умара и «двух подложных свидетелей» уорков Кудей Исхака и Мысхако Исхака [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 5об]. Затем, «лишась жены» явился он «под защиту первостепенного узденя» Анзора Хату. Поселившись в его селе Паче женился «на вдове старой женщины» из уоркского рода Сох. Далее, искатель справедливости жаловался, что «в небытность мою дома, благодетельные [Анзор] внушив ее родным, что я намерен брать другую молодую жену, приведя тем в огорчение, они сделавши набег на дом мой, взяли ее и денег 4 полуимперяла, моего холопа и одну кобылицу, пару волов и все имущество, по приезде же я дознал о несчастном происшествии» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об]. В связи с этим он попытался «разубедить» своих родственников в отсутствии заподозренных в его отношении умыслов. Паче «дал подписку и поручителей до смерти иметь ее женою, и не брать другую». Однако они не приняли эти попытки во внимание. Паче было объявлено, что род Сох «не менее» (в сословной иерархии) чем уорки Дышек. Поэтому ему было сказано, что когда последние «возвратят отобранную от Вас жену Вам, тогда и мы возвратим и эту старуху» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об].

Это обстоятельство, видимо, повлияло на его решение в очередной раз сменить место жительства. Получив приглашение от Анзор Пшемахо Паче переселился в его село. Он подчеркивал, что новый «сюзерен» клятвенно заверял предоставить ему «законного покровительства». Также было указано на другое обещание, полученное от него: «... приказав пустить в его конный табун моих лошадей с тем, условием если случится пропажа или кем похищено, будет из его табуна, то сделать мне удовлетворение из своих лошадей». Поэтому последовавшие события не могли не разочаровать его; он сообщал, что «... в непродолжительном времени пропало из его табуна моих 4 лошади, спустя 15 дней, еще 3 кабылицы, потом и один бык, о чем тогда же я говорил ему [Анзору Пшемахо], что лошадей моих Вы обещались [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 7] соблюдать в целости, а в случаях пропажи ответственность; но он отвадя меня разными изворотами, уверял, что пропавшие лошади найдутся...» Злоключения незадачливого кверулянта на этом не закончились. Российскому начальнику в Нальчике он сообщал: «... я будучи обеспеченным (т.е. будучи заверенным. – Т.А.) они избрали случай совершенно привести меня в крайнее разорение и выкрали у меня из домашнего моего база 46 лошадей». Сначала Паче обвинил в этом Анзор Пшемахо и уорков Дышек и Сох [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 7]. Затем он поменял свое мнение и подал прошение с просьбой «найти виновного в покраже у меня 46 кабылиц узденями ... [Анзор Магометмирзой и Асламурзой]... которая ссылаясь один на другаго в воровстве означенных кабыл и по сие время неузнано кто именно из них украл моих лошадей...» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 18]. В последствии его положение, видимо, только усугублялось: к означенным обидчикам вскоре присоединились князья Мисост Алхас, Кази(й) Бекмурза, уорки Мартаза (имя не

упомянуто. – Т.А.), Уодах Карамурза, «вольный кабардинец» Бешкок Ильяс. Паче, в очередной раз доводил до российского начальства, что последние «отобрали у него... 10-ть лошадей и три рогатая скотины, за что он переселился в Вольный аул» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 13]. К моменту, когда Паче все-таки добился от генерал-майора Пирятинского санкции на официальное разбирательство в кабардинском временном суде он уже оказался в социальной изоляции. Когда заседатели суда обозначили готовность приступить «к разбирательству дела сего, и от... [Паче] требовались свидетели, но как он их ни доставил, то в прозбе ему отказано» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 24]. Оставшийся в одиночестве Паче объяснял свою изоляцию тем, что «когда суд требовал от него свидетелей, – генерал-майору Пирятинскому был он напрасно обговорен, имея из соотечественников врагов зато, что при покорении кабардинцев был лазутчиком и проводником». В итоге его инициатива обернулась против него же: «Не имея никаго из кабардинцев, ктобы за него мог оправдать его в невинности, он сам не смел явиться в крепость боясь посажения на гоубвахту...» [УЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 24]. Травмирующие эпизоды в биографии Паче Хажи Индриса этим не исчерпываются. После его переселения в Вольный аул он стал там муллой. Однако спустя некоторое время его жители выступили против него. Они «составили между собою против... [Паче] заговор и взяли один с другого присягу не ходить с... [Паче] в мечеть, не давать положенного сбора и не допускать его ни к какому разбирательству и вовсе выгнать его из аула» [Бейтуганов 2007: 297]. Для немолодого к этому времени человека, такие потрясения, видимо, были особенно болезненны.

Представленные кейсы далеко не исчерпывают потенциал просопографического взгляда на затронутое в тексте социальное явление. Однако и их ограниченного содержания достаточно чтобы наметить ряд промежуточных итогов в обозначенном исследовательском направлении.

Отслеживая обстоятельства, при которых источники начинают фиксировать круг лиц, проявивших устойчивую заинтересованность в деятельном сотрудничестве с имперским командованием оправданно оттолкнуться от идеи того, что военная эскалация 1822 г. в Кабарде обусловила структурную ситуацию стимулировавшую проявление подобной поведенческой стратегии среди части местного населения. Вместе с тем важно подчеркнуть (и это отражается на примере трех из четырех фигурантов текста), что предпосылки решительного выбора стороны конфликта в экстремальных условиях эскалации военного конфликта были заложены в биографии тех из персонажей за плечами которых был опыт (разной степени длительности и плотности) вовлечения в каналы взаимодействия с инстанциями и представителями имперской агентивности.

Некоторые параметры затронутого предмета не способствуют широким обобщениям (и уж, по крайней мере, они представляются преждевременными). Однако ознакомление с источниковой базой, в преобладающей степени состоящей из риторических стратегий самих протагонистов настоящего текста, позволяет прояснить некоторые характеристики их индивидуальных установок. Из содержания проанализированных источников следует, что люди, решившиеся на сопряженные с многочисленными издержками и прямым риском для жизни шаг смены политической лояльности, в последующем (на протяжении десятилетий) проявляли устойчивую приверженность в отношении имперской власти. Она демонстрируется ими невзирая на неоднократные нападки, стигматизацию и отчуждающие практики со стороны социального окружения.

Список источников

Алов 2019 – Алов Т.Х. Герой VICE VERSA: не совладавший с предназначением // Вестник КБИГИ. 2019. № 4-1 (43). С. 29–35.

- АВПРИ – Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабард. д. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. Л. 113.
- Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик: Эльбрус, 1993. 301 с.
- Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 783 с.
- Гюльденштедт 2010 – *Гюльденштедт И.-А.* Путешествие по России и Кавказским горам // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 245.
- КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. 424 с.
- Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. Нальчик: Эльбрус, 2017. С. 420. (706 с).
- Кармов 2020 – *Кармов Р.К.* Неопубликованная рукопись П.Г. Буткова по истории Кабарды (1769–1835) // БЛИКИ. Нальчик, 2020. 209 с.
- Материалы... 1956 – Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Собрал и подготовил к печати Б.А.Гарданов. Нальчик, 1956. 428 с.
- Паштова 2014 – *Паштова М.М.* Кавказская война в «классических» формах фольклора и современном социокультурном дискурсе черкесской диаспоры // Кавказская война: событие, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик, 15–19 окт. 2014 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 155–165.
- Потто 1904 – *Потто В.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.
- РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 80. Л. 1.
- Трансформация 2017 – Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках 1732–1892. Серия «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2017. 204 с.
- Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 160. (333 с.).
- Урушадзе 2014 – *Урушадзе А.Т.* Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. 100–110 с.
- Урушадзе 2020 – *Урушадзе А.Т.* Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 4. 127–151 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного архива Архивной службы КБР Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43 (ЦГА КБР). Л. 11.

References

- ALOEV T.H. *Geroi VICE VERSA: ne sovladvshii s prednaznacheniem* [Hero of VICE VERSA: unable to cope with the mission] // Vestnik KBIGI. 2019. № 4-1 (43). P. 29–35. (In Russian)
- Arhiv Vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 115. Kabard. d. Op. 115/2. 1762–1778. D. 8. L. 113. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Kabarda i Ermolov* [Kabarda and Yermolov]. Nalchik: Elbrus, 1993. 301 p. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: history and surnames]. Nalchik: Elbrus, 2007. 783 p. (In Russian)
- GYULDENSHTEDT I.-A. *Puteshestvie po Rossii i Kavkazskim goram* [Journey through Russia and the Caucasus Mountains] // IN: Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov / sost. V. Atalikov. Nalchik, 2010. P. 245. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries]. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. Т. II. М., 1957. 424 p. (In Russian)
- KAZAKOV A.V. *Cherkesi na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. Nalchik: Elbrus, 2017. 706 p. (In Russian)
- KARMOV R.K. *Neopublikovannaya rukopis P.G. Butkova po istorii Kabardi (1769–1835)* [Unpublished manuscript of P. G. Butkov on the history of Kabarda (1769–1835)] // IN: BЛИКИ. Nalchik, 2020. 209 p. (In Russian)

Materiali po obichnomu pravu kabardincev. Pervaya polovina XIX v. [Materials on customary law of Kabardians. First half of the 19-th century]. Sobral i podgotovil k pechati B.A. Gardanov. Nalchik, 1956. 428 p. (In Russian)

PASHTOVA M.M. *Kavkazskaya voina v «klassicheskikh» formah folkloro i sovremennom sociokulturnom diskurse cherkesskoi diaspori* [Caucasian war in the “classical” forms of folklore and modern socio-cultural discourse of the Circassian diaspora]. IN: // *Kavkazskaya voina: sobitie, fakti, uroki. Materiali mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* (g. Nalchik, 15–19 okt. 2014 g.). Nalchik: Izdatelskii otdel KBIGI, 2014. P. 155–165. (In Russian)

POTTO V. *Utverzhdenie russkogo vladichestva na Kavkaze* [The assertion of Russian rule in the Caucasus]. T. III. Part 2. Tiflis, 1904. S. 1. (590 s). (In Russian)

Rossiiskii Gosudarstvennii voenno-istoricheskii arhiv [Russian State Military Historical Archive]. F. 13454. Op. 2. D. 80. L. 1. (In Russian)

Transformaciya obsh'estvenno-politicheskogo ustroistva narodov Centralnogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikah 1732–1892 [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in the sources of 1732–1892]. Seriya «Bit, lichnosti, istoriya Kavkaza v istochnikah». Vip. 6 / sost. R.K. Karmov. Nalchik: Print Centr. 2017. 204 p. (In Russian)

HAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. Nalchik, 1978. 333 p. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Genезis frontirnih identichnostei v epohu Kavkazskoi voini* [The genesis of frontier identities in the era of the Caucasian War] // IN: *Nauchnaya misl Kavkaza*. 2014. № 4. P. 100–106. (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Gorec na russkoi sluzhbe v godi Kavkazskoi voini (1801–1864 gg.): posrednik, marginal, predatel* [Highlander in the Russian service during the Caucasian War (1801–1864): intermediary, outcast, traitor] // IN: *Zhurnal frontirnih issledovani*. 2020. № 4. P. 127–151. (In Russian)

Upravlenie Centralnogo Gosudarstvennogo arhiva Arhivnoi sluzhbi KBR Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. I–1. Op. 1. D. 43 (CGA KBR). L. 1. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 04.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 04.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 392.5

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-30-43

БРАЧНЫЙ ВЫБОР ИНГУШЕЙ. ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (XIX–XXI вв.)

Рукэт Хаджибикаровна Досхоева

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия,
ruket.doskhoeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3474-0387>

© Р.Х. Досхоева, 2022

Аннотация. В статье рассматривается специфика брачного выбора ингушей, их основные модели и стратегии поведения, региональные особенности, которые во многом определяются этническими и историческими особенностями жизни общества в XIX – начале XXI вв. Отмечается, что, несмотря на интенсивные процессы глобализации, в современном ингушском обществе семейный статус еще воспринимается как показатель надежности и ответственности. У всех народов существуют свои особенности форм заключения брака, устоявшиеся в обществе. Несмотря на кажущееся сходство в каждом регионе они имеют свою специфику, отличающую ее от бытующих в других регионах форм заключения браков и брачного выбора. И потому не удивительно, что изучение семейно-брачных отношений ингушей в исторической динамике привлекательно и актуально по сей день для многих исследователей культуры и быта народов Кавказа. Подробное рассмотрение различных особенностей брачного этикета, семейной обрядности ингушей дает нам возможность рассмотреть с различных сторон формирование института ингушской семьи, семейных ценностей. Такая подача материала позволяет проанализировать, какие трансформации произошли с браком и брачным выбором ингушей под влиянием изменений, происходящих в современном обществе. Ввиду отсутствия публикаций, касающихся статистических данных по рассматриваемой теме, мною проведены полевые исследования, позволяющие отразить современное состояние рассматриваемого вопроса. Статья основана на опубликованных научных источниках и материалах полевых исследований автора, собранных в 2021 – начале 2022 гг.

Ключевые слова: брак, брачный выбор, семья, этикет, традиции, обычаи, адат, шариат

Для цитирования: Досхоева Р.Х. Брачный выбор ингушей. Традиция и современность (XIX–XXI вв.) // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 30–43.
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-30-43

Original article

MARRIAGE CHOICE OF THE INGUSH. TRADITION AND MODERNITY (XIX–XXI CENTURY)

Ruket H. Doskhoeva

Kabardino- Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik,
Russia ruket.doskhoeva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-3474-0387>

© R.H. Doskhoeva, 2022

Abstract. The article examines the specifics of the Ingush marriage choice, their main models and strategies of behavior, regional peculiarities, which are largely determined by

ethnic and historical features of society in the XIX – early XXI centuries. It is noted that, despite the intensive processes of globalization, in modern Ingush society, family status is still perceived as an indicator of reliability and responsibility. All peoples have their own peculiarities of forms of marriage, established in society. Despite the apparent similarity in each region, they have their own specifics that distinguish it from the forms of marriage and marriage choice that exist in other regions. And therefore it is not surprising that the study of family and marriage relations of the Ingush in historical dynamics is attractive and relevant to this day for many researchers of the culture and life of the peoples of the Caucasus. A detailed examination of the various features of marriage etiquette, family rituals of the Ingush, gives us the opportunity to consider from various sides the formation of the institution of the Ingush family, family values. This presentation of the material allows us to analyze what transformations have occurred with marriage and marriage choice of Ingush people under the influence of changes taking place in a modern society. Due to the lack of publications concerning statistical data on the topic under consideration, I have conducted field studies to reflect the current state of the issue under consideration. The article is based on published scientific sources and materials of the author's field research collected in 2021-early 2022.

Keywords: marriage, marriage choice, family, etiquette, traditions, customs, adat, sharia

For citation: Doskhova R.H. Marriage choice of the Ingush. Tradition and modernity (XIX–XXI century). *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2022; 4-1 (55): 30–43. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-30-43

Введение

Функции брака и семьи в современном ингушском обществе еще очень сильны, они передают от поколения к поколению культурные традиции, нравственные ценности и социальный опыт народа. Древнейший социальный институт – семья имеет важнейшее значение и занимает центральное место в жизнеустройстве ингушского общества, как и других народов Кавказа. Социальная сущность брака глубоко исторична и имеет национальные и этнические особенности, зависит от типа общества, ментальности народа, культурных норм. Тематика брачно-семейных отношений, семейной обрядности в этнографии ингушей мало изучена, а этикетные нормы семейно-брачных отношений почти не изучены. Тем не менее в исследованиях А.П. Ипполитова [Ипполитов 1868], Н. Харузина [Харузин 1888], В. Акимова [Акимов 1888], Я. Смирновой [Смирнова 1968], Ф.И. Кудусовой [Кудусова 1975], З.М. Дзараховой [Дзарахова 2010]) и других авторов с различной степенью полноты отражены различные аспекты брачного выбора ингушей. В данной работе я попыталась восполнить существующий в этом вопросе научный пробел. Для этого были проведены полевые исследования в различных районах Ингушетии и Пригородном районе Северной Осетии – Алании, в местах компактного проживания ингушей.

Каждый этап жизни ингушей веками сопровождался соблюдением целого комплекса обрядово-церемониального этикета начиная с рождения, заключения брака, свадьбы, рождением и воспитанием детей, и похоронами. Все обряды жизненного цикла имели свой четко прописанный алгоритм этикетных норм, отступление от которых порицалось обществом. Любой уважающий себя член общества старался неукоснительно соблюдать предписанные ему нормы поведения. Безусловно, на различных исторических этапах, одни нормы изжили себя, другие видоизменялись и трансформировались. Это неизбежный процесс эволюционного развития общества. Все вышесказанное характерно и для ингушских брачно-семейных этикетных норм. Необходимо подчеркнуть, что во всех этих семейных обрядах наблюдается четкое гендерное распределение ролей мужчин и женщин. Характерной особенностью семьи кавказских народов является ее традиционный патриархальный уклад. В ингушском обществе отец стоял во главе семьи и обладал непререкаемым авторитетом. Женщина была хранительницей очага и

занималась хозяйственными заботами семьи, созданием уюта и воспитанием детей. Здесь же отметим, что важную роль в жизни ингушского общества имело обычное право (инг. *аьдат*), долгое время сохранявшее роль основного регулятора общественной жизни ингушей. В системе общественных и семейных отношений адаты выступали основным средством социализации индивида, передачи социального опыта последующим поколениям. Положение адатов строго соблюдалось в каждой семье. Свод морально-этических и эстетических правил «Эздел» прививается с детства и выполняется беспрекословно.

С завершением исламизации в середине XIX века, важное место в жизни ингушей стал занимать шариат [Албогачиева 2013: 318]. Эти две правовые нормы стали своего рода регуляторами жизни общества. В каждой правовой системе существовали свои этикетные нормы, которые совпадали не по всем вопросам. Тем не менее ингушское общество сумело сформировать устойчивую систему полиюридизма, где обе правовые системы функционируют в вопросах только своей компетенции. Здесь же нужно отметить, что не во всех вопросах указанных правовых систем существует единое мнение относительно тех или иных сторон жизни общества. Так, например, в вопросах добрых интимных отношений между мужчиной и женщиной, существует единство в обеих правовых системах. Это считалось недопустимым, категорически запрещенным и порицаемым в обществе явлением. Сожительство с женщиной без заключения брака по шариату запрещено. По адатам ингушей уклонение от брака также воспринималось как нарушение устоев социальной жизни. А вступление в брак считается богоугодным делом в указанных правовых системах. У ингушей, да и в целом у народов Кавказа неженатый мужчина воспринимался обществом неполноценным членом социума. Зачастую причинами уклонения от брачного союза могли выступать как хозяйственно-экономические, так и психологические, сексуальные и иные индивидуальности проблемы.

В культуре ингушей по нормам адата и шариата общество и род (семья) санкционируют брак, они берут на себя определенные обязательства, чтобы охранять его и соблюсти все нормы традиционного этикета.

Основополагающим же фактором заключения брака (инг. *мах бар*) в понимании ингушей являлось продолжение рода (инг. *млехье, дезал халар*) это жизненно важная общественная потребность общества. Человек без семьи, как и без детей в народе вызывает сочувствие. А потому быть в браке, считалось престижем для обоих полов. Немаловажное значение имело создание родственных связей, что обеспечивало бы им дополнительную поддержку в случае такой необходимости «Вместе с хорошей невесткой ищи хороших свойственников» – говорят у адыгов» [Бгажноков 2010: 18], что имеет аналогичный смысл и у ингушей. Ингуши с одобрением говорят: «Хорошие сваты – отличная родня» (инг. *Дик захалаж эзди Ларгало*). Брак предусматривал обязанности супругов не только по отношению друг к другу и родителям, но и по отношению ко всем другим родственникам.

Особенности брачного выбора ингушей

Важным этапом любых форм брака был и остается выбор самой брачующейся пары. У ингушей выбор невесты (инг. *нускал лахар*) считается одним из самых серьезных и деликатных вопросов, требующих соблюдения целого ряда этических норм и правил этикета.

Первостепенным по этикету является выяснить к какому роду («тайпу») относится потенциальная невеста. Как отмечает М.С.-Г Албогачиева, род – «тайпа» и фамилия – «тайпан цИи» являлись и являются действенными структурными элементами ингушского общества. Все, кто вне тайпа – чужие. Родственные связи ингушей очень разнообразны и имеют, на первый взгляд, запутанную структуру.

Родственники бывают по прямой линии – представители одного рода или фамилии: отец, сын или сыновья, внуки и т.д., и косвенной. Внутри тайпа, в котором насчитывается примерно 500–600 человек, степень родства у всех различная. Все однофамильцы имеют близких родственников – «кхоачара гаргала нах», родственников одной крови – «цхъа ций дола гаргала нах» и дальних родственников – «хийра гаргала нах». Близкие родственники связаны между собой семейным родством» [Албогачиева 2012: 203]. В Ингушетии каждый член общества независимо от пола знает какому роду, тейпу он принадлежит. Родители приучают к этим знаниям уже с раннего возраста. Знание своих предков до седьмого, а то и до девятого колена считается идейной основой социальной организации рода и большой гордостью для ингуша. В ингушском обществе существует строгая экзогамия: нельзя жениться на девушке своего тейпа. В основании этики брачного выбора ингушей лежит строгий запрет, направленный на предотвращение кровосмешения, то есть инцеста. Брак запрещается между родственниками до седьмого колена. Как по отцовской линии, так и по материнской. Строгая экзогамия между родственниками до седьмого колена наблюдается и у адыгов [Текуева 2006: 15], осетин, чеченцев, тюркских народов – карачаевцев, караногайцев [Малявкин 1893:168], у киргизов [Гродеков 1889: 127]. По данным, полученным в ходе полевых исследований, иногда брак не допускался и до девятого колена. Объяснение экзогамному запрету заключается в воспроизводстве здорового, полноценного потомства, понимание возможности вырождения общества. Внутри тайповая экзогамия, занимает важное место в системе ценностей духовной культуры ингушей. Таким образом, до сегодняшних дней ингуши строго придерживаются правил экзогамии. Здесь же отметим, в этом вопросе местные адатные нормы не совпадают с шариатом. Во многих мусульманских регионах существуют браки между двоюродными братьями и сестрами. Для ингушского общества эта норма совершенно не приемлема. Это будет считаться нарушением ингушского этикета несмотря на то, что ингуши мусульмане. В этом контексте, нужно отметить, что в ингушском обществе есть одинаковые фамилии, принадлежащие разным тейпам или эта фамилия была взята посредством побратимства, т.е. без кровного родства. Они имеют право родниться между собой. Это подтверждается и материалами полевых исследований. Так, наша респондентка Оздоева Люба рассказала, что ее двоюродный брат из с. Галашки Оздоев Магомед, в 1983 г. женился на очень благородной девушке из села своей фамилии Оздоевой Пятимат (она не имела никаких родственных связей с будущим мужем. «Тайп» одобрил заключение данного союза только после того, как выяснил досконально историю происхождения фамилии [ПМА 2021]).

У ингушей издавна существовало ещё одно ограничение относительно вступление в брак, а именно, не разрешались браки с иноплеменниками и особенно с представителями других конфессий [Меретуков 1971: 284–315]. «Огромное значение для всех членов общества всегда имело и имеет общественное мнение, особенно если оно касается женской части общества. Любой поступок женщины всегда будет объектом всеобщего внимания, поэтому они всячески стремятся соблюсти все этикетные нормы, дабы не навлечь на свою семью беду. Один и тот же поступок, совершенный женщиной и мужчиной, будет оценен обществом не в пользу слабого пола. Если женщина вступит в брак с представителем другой национальности, это будет расцениваться как нечто из ряда вон выходящее, тогда как мужчину в такой ситуации мало кто осудит» [Албогачиева 2013: 315–316]. «Одно дело взять чужую девушку, другое – отдать свою», – говорили в народе. Безусловно, такой брак имеет негативную коннотацию у большей части ингушского общества. В этом прослеживается адатная норма ингушского общества, накладывавшая вето на межнациональные и межконфессиональные браки. Вместе с тем шариат не порицает браки между представителями разных национальностей,

если они является мусульманином. Но шариат не сумел вытеснить обычное право ингушского народа и в этом вопросе.

В XIX–XX веке при выборе невесты родители и родственники жениха прежде всего обращали внимание на происхождение семьи, ее фамилию, престиж рода. Через родственников, друзей и соседей невесты узнавали о девушке, ее личных качествах. Учитывались трудолюбие девушки, ее хозяйственность, сдержанность в проявлении эмоций, доброта, мягкость и кротость характера, умение уважать и почитать старших, и безусловно знание этикета. Не мало важное значение имели ее физические данные. Желательно, чтобы девушка была выносливой, крепкой, способной иметь здоровое потомство, выполнять обязанности по дому. Самые первые исследователи и путешественники с восхищением большим почтением говорили о кавказских женщинах. Так в конце XVIII века (1781 г.) немецкий подполковник Л. Штедер пребывая в экспедиции по Кавказу в своих заметках упоминает пишет об ингушках, что они. «Эти ингуши трудолюбивы, особенно их женщины, которые заботятся о хозяйстве и одежде, таскают по горам большие тяжести и часто за 8 верст ходят за дровами для огня» [Штедер, Аталиков 1996: 197] и водой.

Особое внимание при выборе невесты ингуши обращали на мать девушки (*йио наьна*). Ее характер, умение вести хозяйство, порядок и чистота в быту, учтивость и доброжелательность с родственниками мужа. Особо отмечали ее поведение в обществе, ее репутации, об атмосфере в семье и правильности воспитании детей. Ингуши считают, что мать создает хорошие отношения между всеми членами семьи, хранит ее единство, сплоченность. У ингушей много поговорок и пословиц, связанных с матерью и дочерью: Какова мать таково и воспитание дочери (инг. *Наьна морга йлий йа омал*). Так мать и дочь в мировоззрении ингушей воспринимается как единое цельное, дочь – прообраз матери. Дочь от хорошей благородной матери, не может быть плохой. (*Дикач наьн ийо, или Дикач наьна ийо мо хал йиши яца*) – говорят ингуши. Считалось, что только умная, выносливая, понимающая хозяйка сможет построить в будущем свою счастливую семью, преодолевая с достоинством жизненные трудности и родить достойное и благодарное потомство. У ингушей бытует народная мудрость: «Наьнаг хьажи йола е саг» (Приглянись к матери и женись на дочери), а чеченцы говорят – «Выбирай невесту при дневном свете с фонарем». Ингуши и в настоящее время говорят: «Если тебе девушка по душе, обязательно постарайся узнать свою будущую тещу до свадьбы, дочь будет капля в каплю похожа на свою мать» [Батукаев, 2006: 134–137].

В наших полевых исследованиях и литературных материалах отмечается, что для ингушей в XIX – начале XX в. наиболее предпочтительным считался брак с девушкой, живущей в том же населенном пункте, что и мужчина. Это было обусловлено экономической целесообразностью. Возить жену в другой аул, к родным, тратить время и средства на передвижение считалось своего рода роскошью для несостоятельных членов ингушского общества. Кроме того, живя в одном селе, будущие родственники знали все недостатки и достоинства претендентов на брак. Ингуши говорят: «хорошую девушку в другое село замуж не отпустят» «Дика йоI кхича юрт маьре йохийтаргяц».

Чаще всего в XIX – начале XX в. брак заключался родителями жениха и невесты. В большинстве случаев жених не знал, на ком он женится, и не был знаком с невестой, избранница тоже зачастую даже не знала, кто ее жених. Протест, ее несогласие на вступление в брак, чаще всего даже не брались в расчет. Девушки редко осмеливались идти против воли семьи, а тем более решения главы семьи. Она могла лишь согласиться со своей судьбой, смиренно ответив: «Я согласна с выбором своего отца, родни» (инг. *Сай Дьаж даьчогI раьз е со*) [ПМА 2021]. Но в некоторых семьях, в тех случаях, когда родители знали, что между молодыми людьми есть чувства, старались не противиться их выбору, понимая, что без любви не будет счастья. Здесь же отметим, что по нормам шариата, при заключении

любого брака требуется согласие невесты, но оглашает решение невесты отец или опекун.

При выборе жениха ингуши учитывали его происхождение, умственные способности и возможность содержать семью. Поэтому ингушская поговорка гласит: *Йици сыну жену с хорошим происхождением, дочери того, кто ее прокормит (инг. *Йола цу лаха, вола фу лаха*)*. Это свидетельствует о том, что в семью старались взять невестку с очень хорошей семьи, а девушке достаточно жениха, который ее сможет содержать.

В ингушском обществе очень редко практиковали колыбельное обручение. Оно имело бытование только в XIX – до середины XX века. Это во многом ограничивало свободу брачного выбора самих молодых людей. Подобное явление диктовалось желанием родителей породниться с благородной, знатной фамилией в обществе. Данный обычай отмечался и у чеченцев [Ипполитов 1868: 12], черкесов [КОВ: 1880, № 7], осетин [Чурсин 1925: 85–86]. В.Н. Акимов в своем сборнике материалов по этнографии также подтверждает: «ингуши иногда просватывают своих малолетних детей, причем отец мальчика дает в задаток заряд пороха отцу девочки» [Акимов, 1888: 93]. Отцы семейств скрепляли такое желание клятвой друг другу, и в будущем подросшие дети заключали брак. Обычно данное слово не нарушалось. Из полевых материалов нам известно, что действительно заключение договора брачного союза в младенчестве у ингушей встречалось и до середины XX века. Джаутханова Халимат жительница селения Сунжа Пригородного района, 1915 г.р., жена Оздоева Асхаба рассказала своей дочери Лейле очень интересный случай из жизни семьи. Будучи в депортации в Средней Азии в Казахстане (1944–1953 г.) у них родились мальчик и девочка. Отец семейства Оздоев Асхаб был образованный интеллигентный человек, закончивший Реальное Владикавказское училище, был преподавателем, знал русский и арабский языки. К нему обратился представитель рода Тангиевых с предложением заключить соглашение о браке между сыном и дочерью последнего. Сыну на тот момент было 6 лет, а девочка была старше. Тангиев очень хотел сблизиться с таким уважаемым и умным представителем большого рода. Однако не получил одобрения на обручение малолетних [ПМА 2021]. В настоящее время колыбельное обручение малолетних изжило себя и представляется для ингушей реликтом прошлого. Еще одной особенностью культуры взаимоотношений в семье ингушей вплоть до настоящего времени являлся порядок вступления в брак, который регламентируется ингушскими адатами. На наш взгляд, именно этот обычай является причиной увеличения брачного возраста современной молодежи. По обычаю сначала должны жениться старшие братья, а затем младшие. Таков алгоритм и для женской половины общества. Это накладывает ряд ограничений и на младших, которые должны соблюдать этикетные нормы. Неприемлемо привлекать внимание даже чрезмерным желанием понравиться или угодить возможным претендентам на их союз. Младшие должны быть скромными, не слишком активными на общих мероприятиях. В ингушском обществе не одобряется если младшие в семье раньше выходят замуж или женятся. Это воспринимается как неуважение к членам семьи и к устоям семейных традиций.

Где и как знакомились молодые люди, желающие вступить в брак

Закономерным встает вопрос – где и при каких обстоятельствах могли знакомиться ингушские парни и девушки до брака, при царивших в обществе строгих обычаях и нравах? Какие были стратегии знакомства? В рамках ингушских правил поведения и этикета, молодые люди не были лишены этой возможности, однако нужно было проявлять смекалку, ловкость, ум, а в некоторых случаях и отвагу. По нормам адата культ девушки, женщины был настолько высоко значим, что

любое ее появление в обществе не оставалось без внимания. Она не была свободна в передвижении. С ней всегда рядом в сопровождении была мать, сестра, тетя, либо брат, отец. В XIX веке молодые горцы буквально высматривали девушек для знакомства у родников – «хи йисти», когда те отправлялись за водой, у колодцев, в гостях у родственников вместе с родителями, во время празднования свадьбы во время лезгинки «ловзаре», на общих сходах или сборах урожая, коллективной взаимопомощи – белхи» и прочих общественных и семейных мероприятиях. Одна из наших респондентов Жанна Дзейтова рассказывает, что ее бабушка делилась воспоминаниями юности, даже если в доме не было необходимости в воде, девушки выливали принесенную с родника воду из кувшина в пустую ёмкость и шли за водой, в надежде встретить своего избранника по пути к роднику [ПМА 2022].

Примечателен тот факт, что, если в семье была взрослая девушка, с утра открывали настежь ворота, что являлось знаком наличия в этом доме девушки на выданье. Молодой человек или один из его родственников по просьбе родителей юноши появлялись поблизости этого дома. Так, наблюдая за девушкой, могли оценить ее внешность, а если удастся и заговорить. С середины XIX века с принятием ислама во время празднования окончания священного месяца Рамадан (с инг. *мархаи*), молодые люди, которые подыскивают себе девушку, или женихи, не имеющие возможности в обычные дни посещать дом девушки, за которой они ухаживают, могли прийти к понравившейся девушке в гости (Албогачиева 2017: 157). Находясь в доме потенциальной невесты, они могли наблюдать видеть не только умение сервировки стола и умение обслуживать, но и знание ингушского этикета. Существовала и другая форма посещения дома девушки женихами. Об этом договаривались с родителями и получив от них согласие приезжали в дом к девушке с близкими родственниками семьи или друзьями брата. Такие визиты, «смотрины девушек» назывались у ингушей «БІарга тоха вахар» [Дзарахова 2010: 36; Акиева 2014: 110–111]. Здесь же отметим, что в ингушском обществе было недопустимо открыто встречаться, стоять вместе на ввиду у всех, оставаться наедине. Это могло принести много неприятностей обеим сторонам.

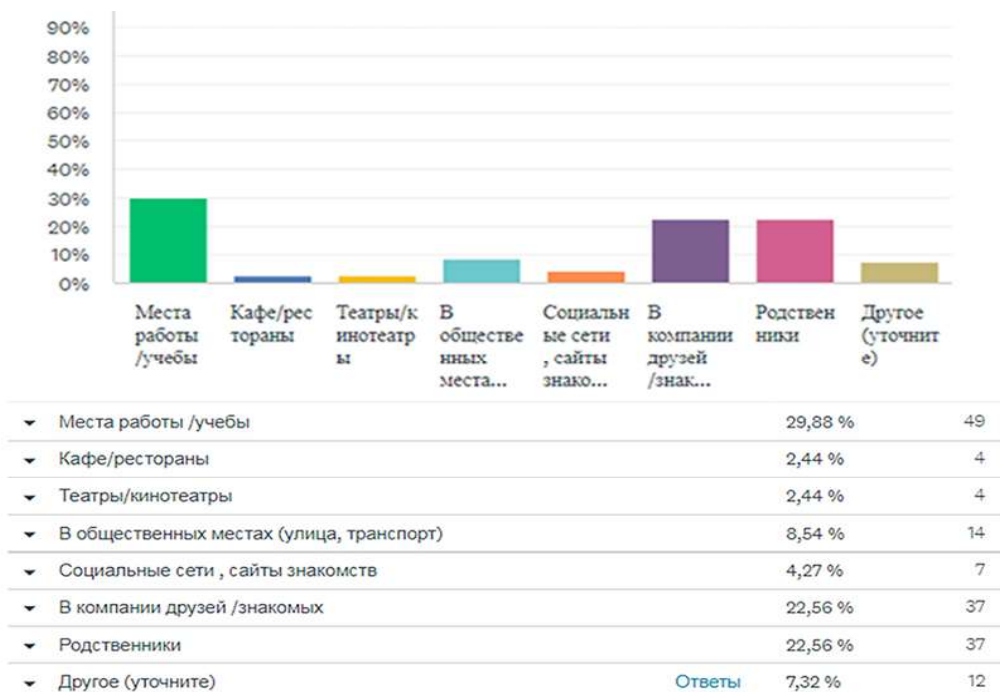
Если в ходе знакомства и ухаживания парень и девушка приходили к взаимному соглашению о браке, то в знак согласия они обменивались памятным подарком под названием «кар лоцам». Это могло быть кольцо или платок у девушки, или часы мужчины. Но если по какой-либо причине отношения между возлюбленными расстраивались, не перерастая в брак, то они обязательно возвращали друг другу подаренные вещи [Смирнова 1983: 57].

В ингушском обществе не принято говорить родителям о желании создать семью, это считалось и считается непристойным поведением. Обычно посредником в таком вопросе становились другие члены семьи или родственники.

В советский период и наши дни, с глобализацией, сексуальной революцией, веяниями Запада и Востока, появлением социальных сетей, созданы новые брачные стратегии. «Теперь девушки общаются с молодыми людьми, но делают это втайне от отца и братьев. Считается не уважением с их стороны демонстративно общаться с молодыми людьми. Если кто-нибудь из братьев случайно узнает об общении его сестры с парнем, то по местным адатам и шариату он имеет право сурово ее наказать» [Евлоева 2015: 109–114].

Результаты нашего исследования показывают поиск брачного партнера среди ингушей происходит – на местах работы/учебы, в компании друзей/знакомых – 29,88%, а также среди родственников – 22,56%, на улице – 8,5%. Так 7,32% опрошенных считают, что встретить партнёра возможно «где угодно», «неважно, главное встретить». Посредством социальных сетей знакомятся лишь 4,27% опрошенных, а в театрах и кафе – 2,44%. Однако стоит отметить, что социальные сети сегодня имеют огромную роль в поиске потенциального жениха и невесты.

Место поиска брачного партнёра

Брачный возраст

Изучая вопрос возраста вступления в брачный союз среди ученых этнографов XIX–XX вв. мы не встретили единого мнения о брачном возрасте ингушей. У этнографа-путешественника, автора статьи «Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей» В.Н. Акимова мы видим, что достигшими брачного возраста, считались юноши 15 лет, а девушки – после 14 лет [Акимов 1888: 143]. По такому случаю в народе говорили: «Парень, достигший возраста 15 лет, считался вполне взрослым и мог жениться» («Пхийтара ваьнна зIамсаг саг йоалае йищ елаж ва»). Этнограф Б.К. Далгат в своих наблюдениях отмечает, что ингуши редко вступали в брак в раннем возрасте. «Девушки по адату должны выходить замуж не ранее 18 лет, это делается для того, чтобы девушка выучилась самостоятельно вести хозяйство; выдать дочь до 18 лет, то есть до ознакомления со всем хозяйством, могут только родители по своей глупости (считают ингуши), так как они тем окажут плохую услугу ей лично и ее будущему мужу» [Далгат 2008: 166]. Этнограф Ф.И. Кудусова пишет, что брачный возраст и у юношей, и у девушек наступал примерно в 20 лет, при этом нередко были случаи более поздних браков (в 30–33 года – женщины, в 30–40 лет – мужчины), так как сыграть свадьбу могли себе позволить немногие семьи [Кудусова 1991: 39]. В связи с чем наблюдался и возрастной разрыв между мужем и женой на 5–10 лет, в отдельных случаях и больше. Так наша респондентка Евлоева Айши рассказала, что ее мать была младше своего мужа на 15 лет (ПИМА 2022).

Исследование, проведенное в 2016 году этнографом Евлоевой Лианой, показало, что брачный возраст для мужчин составляет 27–30 лет (28,2%), для девушек 19–22 года. «Разница в возрасте супругов составляет от 1 до 3 лет (85 или 34,3%) и от 6 до 10 лет (71 или 28,6%)» [Евлоева 2018: 74].

В конце 2021 в начале 2022 года мы проводили исследование среди молодежи Ингушетии и Пригородного района республики Северная Осетия-Алания. Опрос

проходил среди студентов 2–3 курса Ингушского государственного университета, а также работающей молодежи в возрасте до 35 лет. Среди опрошенных женщин 86,67%, мужчин – 13,33%

По мнению почти половины опрошенных молодых людей (48%), наиболее подходящий возраст для вступления в брак для мужчин, равно как и для женщин – 24–27 лет. Что говорит о рациональном отношении к союзу. Как правило, в этом возрасте уже пройдена ступень получения высшего образования, выпускники вузов трудоустроились, становятся экономически независимыми и самостоятельными.

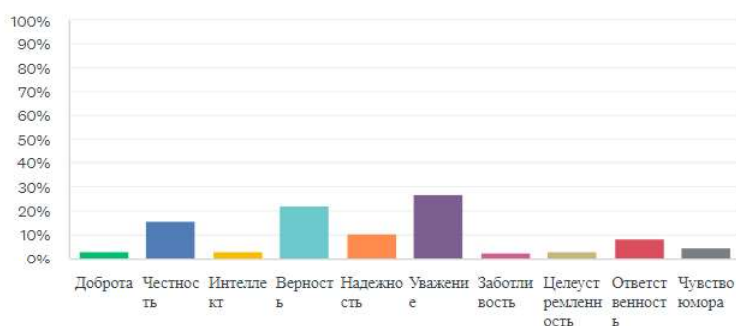
По данным управления Росстата по Северо-Кавказскому федеральному округу на 1 января 2020 года, в Ингушетии предпочтительным возрастом для вступления брак у представителей прекрасного пола является возраст от 20 до 24 лет (51,2% от численности всех женщин, вступивших в брак в 2019 году). В возрасте моложе 20 лет брачный союз зарегистрировали 70 женщин, возрасте 50 лет и старше – 28 женщин (Численность женщин 2020)*.

Мы проанализировали основные стратегии, которые используют современная ингушская молодежь при поиске брачного партнера. Результаты опроса показали, что морально-нравственные качества оказывают большое влияние на выбор партнера для совместной жизнедеятельности. Среди желаемых личностных качеств партнёра ингуши выбирают: уважение, верность, честность

Таблица 2

Личностные качества брачного партнера (топ-10)

Ответили: 164 Пропустили: 0

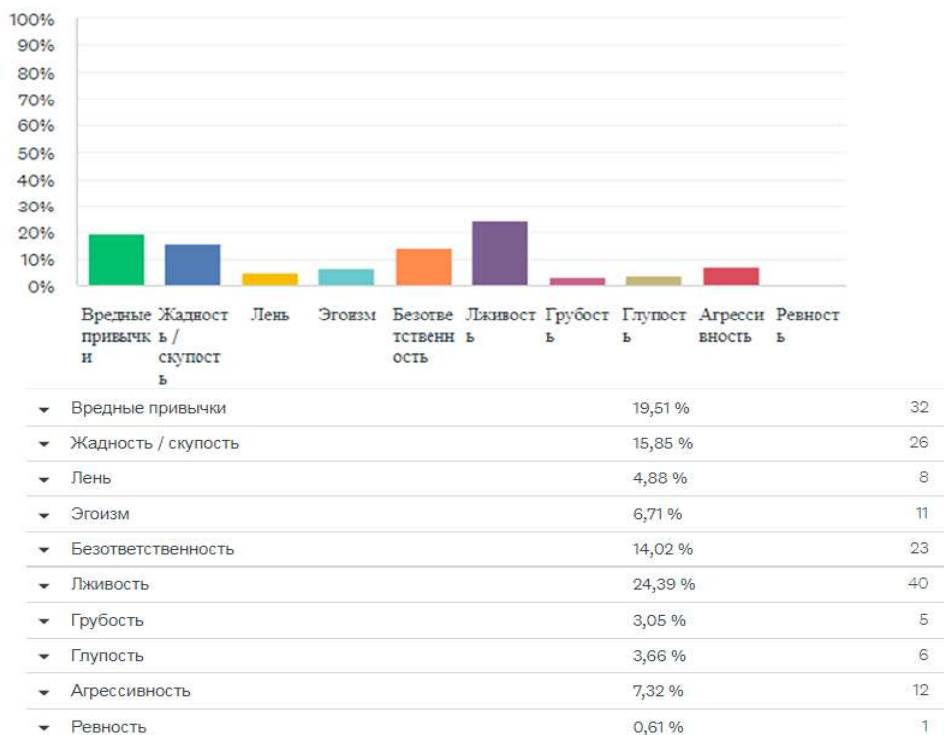

▼ Доброта	3,05 %	5
▼ Честность	15,85 %	26
▼ Интеллект	3,05 %	5
▼ Верность	21,95 %	36
▼ Надежность	10,37 %	17
▼ Уважение	26,83 %	44
▼ Заботливость	2,44 %	4
▼ Целеустремленность	3,05 %	5
▼ Ответственность	8,54 %	14
▼ Чувство юмора	4,88 %	8

* Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-кавказскому федеральному округу (СЕВЕРО-КАВКАЗСТАТ) Численность женщин Республики Ингушетии: https://stavstat.gks.ru/storage/mediabank/j1pzwygc/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%98%D0%BD%D0%B3%D1%83%D1%88%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%8F_519070.pdf

Таблица 3

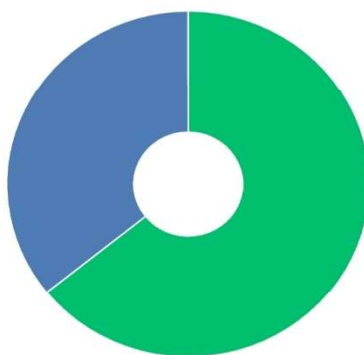
Нежелательные качества брачного партнера топ-10 ответов

Анализ анкет позволяет сделать вывод о том, что самыми нежелательным качествами были выбраны: лживость, наличие вредных привычек, жадность/скупость. Молодые люди ценят в своем партнере верность, честность, уважение, любовь к семье. Нужно отметить, что модель будущей семьи во многом определяется семейными ценностями, которые они впитали в родительском доме.

Таблица 4

Уровень образованности

Ответили 165

Пропустили 0

Имеет значение	64,24%	106
Не имеет значения	35,76%	59

Данные опроса показывают, что 64,24% из числа опрошенных считают, что образование имеет большое значение для создания семьи. Многие молодые люди, стоящие перед выбором семейной пары, ориентируются на свой интеллектуальный уровень и партнёра. Уровень образованности еще дает шанс на более высокий статус семьи. значение и 35,76 % не имеет. Ингушский мужчина считает, что женщина должна подчиняться мужу не зависимо от уровня образования, а женщина требует, как минимум равноправие. Если в XIX–XX вв. уровень образованности для ингушей был не ключевым показателем для замужества или женитьбы, то в наши дни это один из значимых факторов успешного супружества, как и материальное положение и социальный статус. Хотя наличие высшего образование не всегда повышает уровень стабильности семейных отношений, но он является очень значимым при создании семьи.

Заключение

Традиционная патриархальная модель семьи характерна для жителей Кавказа в XIX и начале XX в. Идеология советского общества ориентировалась на расширение женщины, вовлечение ее в общественную жизнь, работу на предприятиях, стремление заложить в сознание горской женщины возможность быть наравне с мужчиной, быть свободной в выборе и в решениях. Это наложило свой отпечаток на стратегии поведения в семье, но не полностью изжило традиционные гендерные стереотипы. Это подтверждают и материалы полевых исследований. Респонденты старшего возраста отмечают, что благодаря патриархальной устойчивости, традиционное ингушское общество не потеряло своего национального самосознания и сохранило основы семьи. Но кризис общества в постсоветский период, связанный со становлением новых рыночных отношений, изменили приоритеты в обществе. Молодые люди получили большую свободу в реализации своих жизненных интересов. Наметился разрыв между старшим и младшим поколением, не желавшим жить по старым нормам общества. Интернет, социальные сети либерализовали отношения между людьми. Весомый сдвиг произошёл и в вопросах религиозной идентичности ингушского народа. На смену тарикатному исламу, к которому принадлежало основное население региона, пришел салафизм. Его приверженцы привнесли в жизнь некоторые нормы арабского общества, которые стали влиять на все сферы жизни общества, в том числе и семейно-брачные. В результате вышеуказанных процессов в культуре семейно-брачных отношениях ингушей произошли значительные трансформации. Взаимопроникновение культурных норм трансформируют матримониальное поведение людей.

Обращаясь к анализу стратегий брачного выбора в современном ингушском обществе XXI века, следует обратить внимание на образ брачно-семейных отношений, который определяет выбор будущего партнера. В настоящее время брачный возраст среди ингушей вырос на несколько лет. Среди причин этого опрошенные нами респонденты называют необходимость окончания учебных заведений, устройство на достойную работу, материальная затрудненность, отсутствие денежных средств, необходимых для того, чтобы сыграть хорошую свадьбу, собрать калым (урду), обеспечить материально семью. Экономическая ситуация задает курс на самореализацию и достижение успеха в профессии. Сегодня образованные девушки зачастую предъявляют высокие требования к молодым людям. А мужская половина хочет состояться и крепко стоять на ногах чтобы обеспечивать семью. Молодые люди уезжают в другие регионы в поисках работы и учебы. Родители все чаще заботятся о хорошем образовании для дочери, ведь в будущем неизвестно как сложится жизнь. В целом мы наблюдаем стремительную эмансипация женщин на Кавказе. Это не особо приветствуется мужской половиной ингушского общества, в частности среди семей с традиционными и религиозными

ценностями, где считают, что главная роль женщины – это семья, дети и их воспитание.

Таким образом, на основании проделанной работы мы проанализировали основные тенденции, происходившие с XIX в. и по настоящее время в сфере семейно-брачных отношений, брачного выбора ингушей. На наш взгляд, основной предпосылкой к формированию стратегии брачного выбора является именно сформированное представление об «идеальной» модели семейно-брачных отношений и желании самим делать выбор. Модель традиционной семьи, претерпела значительные изменения. Но, несмотря на воздействие разрушительных факторов преданность семье и традициям еще устойчивы. Сегодня ингушские мужчины и женщины значительно более свободны в брачном выборе, больше времени уделяют образованию и поискам себя, медлят с заключением брака и продолжением рода. Ослабло влияние родителей на выбор детьми спутника жизни.

Список источников

- Акимов 1888 – *Акимов В.Н.* Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888. Вып. 3. С. 145–154.
- Акиева 2014 – *Акиева П.Х.* Рождение. Свадьба. Смерть. Историко-этнографические архитипы ингушей. Санкт-Петербург: Алеф-пресс, 2014. 292 с.
- Албогачиева 2013 – *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам // Ингуши. М.: «Наука», 2013. С. 317–330.
- Албогачиева 2013 – *Албогачиева М.С.-Г.* Ингушская женщина в городской и сельской среде // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб, 2013. С. 290–330.
- Албогачиева 2017 – *Албогачиева М.С.-Г.* Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты / СПб.: МАЭ РАН, 2017. 264 с.
- Албогачиева 2012 – *Албогачиева М.С.-Г.* Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 198–209.
- Батукаев 2006 – *Батукаев М.* Этика и этикет народов Кавказа: Чеченский адат // Современный Кавказ. Пятигорск, 2006. С. 134–137.
- Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи (по материалам исторической этнографии адыгов). Нальчик, 2010. 128 с.
- Гродеков 1889 – *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской обл. 1, Ташкент. Ташкент: «Типо-лит. С.И. Лахтина», 1889. 205 с.
- Далгат 2008 – *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы. 1892–1894 гг. М., 2008. 380 с.
- Дзарахова 2010 – *Дзарахова З.М.-Т.* Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов н/Д: Южный издательский дом, 2010. 200 с.
- Евлоева 2018 – *Евлоева Л.М.* Брак и формы его заключения у ингушей (середина XX – начало XXI в.) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 1. 2018. С. 72–78.
- Евлоева 2015 – *Евлоева Л.М.* Традиции и инновации в семейно-брачных отношениях ингушей // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Астрахань, 2015. № 1. С. 109–114.
- Ипполитов 1868 – *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 64–76.
- Кубанские областные ведомости, 1880. № 7.
- Кудусова 1975 – *Кудусова Ф.И.* К вопросу о браках и формах их заключения у ингушей в конце XIX – начале XX вв. // Известия республиканского музея краеведения. Грозный, 1975. Вып. XI. С. 72–82.
- Кудусова 1991 – *Кудусова Ф.И.* Семья и семейный быт у ингушей (в до революционном прошлом). Грозный, 1991. 80 с.
- Малявкин 1893 – *Малявкин Г.* Караногайцы // Терский Сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 133–173.
- Меретуков 1971 – *Меретуков М.А.* Формы заключения брака // Ученые записки. История и этнография. Майкоп, 1971. Т. 13. С. 284–315.

- Полевой материал Оздоева Лейла с. Карца Пригородного района РСО-Алания. 1948 г.р.
Полевой материал. Дзейтова Жанна. МО Насыр-Корт. 1971 г.р.
Полевой материал Евлоева Айшет с.Карца Пригородного района РСО-Алания. 1933 г.р.
Смирнова 1983 – *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX вв. М., 1983. 265 с.
Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре. Традиция и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 260 с.
Харузин 1988 – *Харузин Н.Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1988. Вып. 3. С. 115–157.
Чурсин 1925 – *Чурсин Г.Ф.* Осетины Этнографический очерк Тифлис, 1925. 279 с.
Штедер 1996 – *Штедер Л.* Дневник путешествия в 1871 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В. М. Наша старина. Приложение Нальчик, 1996. С. 1–15.

References

- AKIMOV V.N. *Svadebnye obychai i obrjady chechencev i ingushej* IN: *Sbornik materialov po jetnografii* [Wedding customs and rituals of Chechens and Ingush // Collection of materials on ethnography]. М., 1888. Issue 3. P. 145–154. (In Russian)
- AKIEVA P.H. *Rozhdenie. Svad'ba. Smert'. Istoriko-jetnograficheskie arhitipy ingushej* [Birth. Wedding. Death. Historical and ethnographic archetypes of the Ingush] St. Petersburg: 2014, 292 p. (In Russian)
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Islam // Ingushi* [Islam // Ingushi] М.: “Science”. 2013. P. 317–330. (In Russian)
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Ingushskaja zhenshhina v gorodskoj i sel'skoj srede // Kavkazskij gorod: potencial jetnokul'turnyh svjazej v urbanisticheskoy srede* [Ingush woman in urban and rural environment // Caucasian city: the potential of ethno-cultural ties in an urban environment]. St. Petersburg: 2013. P. 290–330. (In Russian)
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Islam v Ingushetii: jetnografija i istoriko-kul'turnye aspekty* [Islam in Ingushetia: Ethnography and historical and cultural aspects] St. Petersburg: MAE RAS. 2017. 264 p. (In Russian)
- ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Sistema terminov rodstva i semejno-brachnyje otnoshenija ingushej* [The system of kinship terms and family-marriage relations among the Ingush // Algebra of kinship. Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms] St. Petersburg: MAE RAS, 2012. P. 198–209. (In Russian)
- BATUKAEV M. *Jetika i jetiket narodov Kavkaza: Chechenskij adat // Sovremennyj Kavkaz*. [Ethics and etiquette of the peoples of the Caucasus: Chechen Adat // The modern Caucasus]. Pyatigorsk: 2006. S. 134–137. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.H. *Social'naja organizacija sem'i (po materialam istoricheskoy jetnografii adygov)* [Social organization of the family (based on the materials of the historical ethnography of the Adygs]. Nalchik, 2010. 128 p. (In Russian)
- GRODEKOV N.I. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti* [Kirghiz and Karakirgiz of Syr-Darya region]. 1, Tashkent: ”Type-lit. S.I. Lakhtin” 1889, 205 p. (In Russian)
- DALGAT B.K. *Rodovoj byt i obychnoe pravo chechencev i ingushej. Issledovanie i materialy. 1892–1894 gg.* [Ancestral life and customary law of Chechens and Ingush. Research and materials 1892–1894]. М., 2008. 380 p. (In Russian)
- DZARANOVA Z.M.-T. *Tradicionnyj svadebnyj obrjad i jetiket ingushej*. Rostov n/D: Juzhnyj izdatel'skij dom [Traditional wedding ceremony and etiquette of the Ingush]. Rostov n/A: Southern Publishing House, 2010. 200 p. (In Russian)
- EVLOEVA L.M. *Brak i formy ego zakljuchenija u ingushej (seredina XX – nachalo XXI v.)* IN: *Istorija, arheologija i jetnografija Kavkaza* [Marriage and the forms of its conclusion among the Ingush (mid-XX – early XXI century) // History, archeology and ethnography of the Caucasus. Vol. 14. No. 1. 2018. P. 72–78. (In Russian)
- EVLOEVA L.M. *Tradicii i innovacii v semejno-brachnyh otnoshenijah ingushej* IN: *Gumanitarnye issledovanija. Zhurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij*. Astrahan' [Traditions and innovations in family and marital relations of Ingush // Humanitarian studies. Journal of Fundamental and Applied Research]. Astrakhan, 2015. No. 1. Pp. 109–114. (In Russian)

- IPPOLITOV A.P. *Jetnograficheskie ocherki Argunskogo okruga* [Ethnographic essays of the Argun district] // SSKG. Tiflis, 1868. Issue 1. P. 64–76. (In Russian).
- Kubanskije oblastnye vedomosti*, [Kuban Regional Gazette], 1880. No. 7. From (In Russian)
- KUDUSOVA F.I. *K voprosu o brakah i formah ih zakljuchenija u ingushej v konce XIX – nachale XX vv.* [On the issue of marriages and the forms of their conclusion among the Ingush in the late XIX – early XX centuries]. IN: Izvestiya Republican Museum of Local Lore. Grozny, 1975. Vol. XI. P. 72–82. (In Russian)
- KUDUSOVA F.I. *Sem'ja i semejnij byt u ingushej* (v do revolyucionnom proshlom). [Family and family life among the Ingush (in the pre-revolutionary past)]. Grozny, 1991. 80 p. (In Russian)
- MALJAVKIN G. *Karanogajcy* [Karanogaytsy] IN: Terskii Sbornik. Issue 3. Book 2. Vladikavkaz, 1893. P. 133–173. (In Russian)
- MERETUKOV M.A. *Formy zakljuchenija braka // Uchenye zapiski. Istorija i jetnografija.* [Forms of marriage // Scientific notes. History and ethnography]. Maykop, 1971. Vol. 13. from 138–139. P. 284–315. (In Russian)
- Polevoj material Ozdoeva Lejla s. Karca Prigorodnogo rajona RSO-Alanija*, 1948.
- Polevoj material. Dzejtova Zhanna. MO Nasyr-Kort. 1971 g.r.*
- Polevoj material Evloeva Ajshet s. Karca Prigorodnogo rajona RSO-Alanija*, 1933.
- SMIRNOVA Ja.S. *Sem'ja i semejnij byt narodov Severnogo Kavkaza. Vtoraja polovina XIX–XX vv* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus. The second half of the XIX–XX centuries]. M., 1983. 265 p. (In Russian)
- TEKUEVA M.A. *Muzhchina i zhenshhina v adygskoj kul'ture. Tradicija i sovremennost'* [Man and woman in the Adyghe culture. Tradition and modernity]. Nalchik: Publishing Center “El-Fa”, 2006. 260 p. (In Russian)
- HARUZIN N.N. *Zametki o juridicheskom byte chechencev i ingushej // Sbornik materialov po jetnografii, izdavaemyj pri Dashkovskom jetnograficheskom muzee.* [Notes on the legal life of Chechens and Ingush // Collection of materials on ethnography, published at the Dashkovsky Ethnographic Museum]. M., 1988. Issue 3. P. 115–157. (In Russian)
- CHURSIN G.F. *Osetiny Jetnograficheskij ocherk* [Ossetians Ethnographic essay]. Tiflis: 1925. 279 p. (In Russian)
- SHTEDER L. *Dnevnik puteshestvija v 18781 godu ot pograničnoj kreposti Mozdok vo vnutrennie oblasti Kavkaza // Atalikov V. M. Nasha starina.* [Diary of a journey in 1871 from the Mozdok border fortress to the inner regions of the Caucasus]. Nalchik, 1996. P. 1–15. (In Russian)

Информация об авторе

Р.Х. Досхоева – аспирант Научно-образовательного центра.

Information about the author

R.H. Doskhoeva – Graduate Student of the Scientific and Educational Center (History).

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, одобрена после рецензирования 10.12.2022, принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022, approved after reviewing 10.12.2022, accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-44-56

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Айгуль Темерхановна Джумагулова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия; Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки, Россия, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

© А.Т. Джумагулова, 2022

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>

Аннотация. Освещается проблема социальной и имущественной стратификации ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Выявлены факторы, повлиявшие на процесс социальной мобильности ногайских обществ в рассматриваемый период. Сформулирован вывод о том, что трансформация социальных институтов обществ кочевых ногайцев протекала вследствие кризиса экстенсивного кочевого скотоводства и разорения традиционных хозяйственных отраслей ногайцев. Показана роль природно-климатических факторов в этих процессах. Отмечено, что в XIX в., на фоне бедности, охватившей ногайскую аристократию, по причине потери своего основного богатства, скота, высший класс теряет свои привилегированные позиции в обществах. На фоне усилившейся имущественной дифференциации в обществах утверждается социальная группа байства, сумевшая потеснить в социальной структуре общества султанов и мурз и наряду с ними составить обновленную элиту ногайцев. Административное реформирование российскими властями отдельных социальных групп – сеитов, тарханов и ясырей – было направлено на их экономическую интеграцию в социально-экономическую структуру российского государства. На рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в. происходят коренные изменения в жизни ногайских обществ. Привилегированные слои населения, вследствие нивелирования значения высших сословий и утверждения власти российских административных институтов власти, полностью утрачивают власть в обществах. На смену традиционного сословного деления приходит имущественная дифференциация разделения общества.

Ключевые слова: Северный Кавказ, ногайцы, кочевники, социальная стратификация, природно-климатический фактор

Для цитирования: Джумагулова А.Т. Проблема социальной и имущественной стратификации ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 44–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-44-56

Original article

THE PROBLEM OF SOCIAL AND PROPERTY STRATIFICATION OF THE NOGAIS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Aigul T. Dzhumagulova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia; Stavropol state pedagogical Institute (branch in Yessentuki), Yessentuki, Russia, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

© А.Т. Dzhumagulova, 2022

Acknowledgements and funding: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific grant № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies in the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX – mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>

Abstract. The problem of social and property stratification of the Nogais of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries is highlighted. The factors that influenced the process of social mobility of Nogai societies in the period under review are revealed. The conclusion is formulated that the transformation of the social institutions of nomadic Nogai societies proceeded as a result of the crisis of extensive nomadic cattle breeding and the ruin of the traditional economic branches of the Nogai. The role of natural and climatic factors in these processes is shown. It is noted that in the XIX century, against the background of poverty that engulfed the Nogai aristocracy, due to the loss of their main wealth, cattle, the upper class loses its privileged positions in societies. Against the background of the increased property differentiation in societies, the social group of the baity is being approved, which has managed to displace the sultans and murz in the social structure of society and, along with them, make up the updated elite of Nogais. The administrative reform by the Russian authorities of certain social groups – seites, tarkhans and yasys – was aimed at their economic integration into the socio-economic structure of the Russian state. At the turn of the XIX–XX centuries and at the beginning of the XX century, radical changes in the life of Nogai societies are taking place. The privileged strata of the population, due to the leveling of the importance of the upper classes and the establishment of the power of the Russian administrative institutions of power, completely lose power in societies. The traditional class division is being replaced by the property differentiation of the division of society.

Keywords: North Caucasus, Nogais, nomads, social stratification, natural and climatic factor

For citation: Dzhumaguloва А.Т. The problem of social and property stratification of the nogais of the north caucasus in the XIX – early XX centuries. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 44–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-44-56

Изучение социальной и экономической стратификации кочевых народов юга России необходимо для обеспечения национально-культурного развития всех населяющих ее народов и дальнейшей разработки научной концепции на региональном уровне. Актуальность исследования детерминирована необходимостью изучения общественно-исторического процесса формирования Российского государства для более глубокого осмысления национальной политики в новых исторических условиях.

Целью публикации является изучение и анализ особенностей социальной и имущественной стратификации ногайцев и их трансформация в XIX – начале XX вв.

Методология исследования основана на общих и специальных методах исследования. В основу работы положен принцип историзма. Содержание источников обусловило применение статистического и сравнительно-исторического методов исследования.

Социально-экономическая стратификация ногайцев Северного Кавказа отражала многочисленные градации социальных институтов и ролей, выполняемых ими в обществах. При этом социальная структура ногайских обществ не всегда совпадала с традиционной сословной системой и нередко приходила в противоречие с ней в XIX – начале XX вв. Социальный статус человека у ногайцев под влиянием различных факторов стал определяться не особенностями привилегированного положения, а его экономическим благосостоянием.

С конца XVIII в. с принятием ногайцами Северного Кавказа Российского подданства начинается процесс их социально-экономической интеграции в российское общегосударственное пространство. К началу XIX в. у ногайцев сохранялось сословное деление, во многом основанное на традициях ногайских обществ, уходящих корнями в золотоордынскую эпоху [Трепавлов 2013: 192–199].

Особенностью социальной стратификации ногайцев было деление на привилегированные и непривилегированные группы обществ. Первый слой представлял собой аристократическую социальную группу людей, имевших большую степень общественной значимости. К ней относились султаны и мурзы. В отличие от ногайских элит простое население характеризовалось открытостью в вертикальной и горизонтальной мобильности социального слоя. К ним относились уздени, кайбаши, асланбеки, азаты и кулы.

С вхождением в состав Российской империи султаны признаются центральными властями высшим дворянским сословием ногайцев и уравниваются в родовом достоинстве с князьями в российской аристократии. За мурзами был закреплён статус дворян [Бентковский 1888: 49]. Подобный шаг лишь утверждает сложившуюся у ногайцев систему. Источниками фиксируются, что ещё в 1608 г. ногайские мурзы вынесли приговор о том, что «владеть ему князю мурзами, а мурзам владети своими улусными людьми» [Акты 1918: 167].

Согласно источникам ногайские султаны, пришли на Кавказ из Крыма и поселились среди местных народов в качестве «почетных гостей». Особенно почитаемы султаны были в среде «соплеменных» им ногайцев [Сословное 2007: 50]. В исторической литературе XIX в. также нет принципиальных расхождений по этому вопросу (Н.Ф. Дубровин, Н.Н. Забудский). Исследователи согласны с тем, что ногайские султаны связаны происхождением с татаро-монгольскими завоевателями. А.П. Берже называет пять султанских родов, встречающихся у ногайцев: 1) Келембетовский, к которому принадлежит фамилия Мансуровых; 2) Карамурзинский; 3) Кипчаковский с фамилией султанов Мамакаевых и князей Абуловых; 4) Наврузовский с фамилией князей Каплановых и 5) Мангитовский [Берже 1859: 503]. Тем не менее, численность султанов у ногайцев была весьма незначительной. К султанам, жившим среди ногайцев относились Шагин-Гирей, Крым-Гирей, Адиль-Гирей, Селим-Гирей, Менгли-Гирей, Сагат-Гирей, Мурат-Гирей и другие. Важно заметить, что некоторые ногайские султаны отличались экономической несостоятельностью, т.к. не все из них имели податное население [РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 434. Л. 107–108].

В истории кубанских ногайцев султаны играли большую роль в общественно-политической жизни, чем среди ногайских обществ, кочевавших по Куме. Общественно-политическая власть у ногайцев, проживавших в бассейне рек Кубани и Урупа, осуществлялась в основном ими [РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 434. Л. 99–108].

С вхождением в состав Российского государства имперская администрация пыталась обеспечить лояльность ногайской знати. С этой целью султанам присваивались воинские звания российской армии, их назначали на административные посты, возводили в потомственное дворянство, признавали их власть над народом [Кочкаев 1969: 9]. Наиболее ярким примером подобной службы была деятельность генерал-майора султана Менгли-Гирея, назначенного на должность ногайского пристава в 1803 г. В 1822 г. за оказанные услуги ему был выделен в потомственное пользование участок земли в 5000 десятин на реке Куме. В подвластных же султан Менгли-Гирей имел всего 1026 ногайских семей (4105 душ) [Джумагулова 2019: 83–92].

К середине XIX в. заметно меняется положение султанов в ногайских обществах. Источниками фиксируются сведения об отстранении их от власти над народом и изменения характера взаимоотношений внутри обществ [РГВИА. Ф. 414. Д. 434. Л. 107–108].

К примеру, 1857 годом фиксируется бегство простого народа из аула султана Сагат-Гирея. Причиной бегства выступили злоупотребления султана в отношении подвластных ему обществ. Волнения были подавлены с помощью воинских команд, прибывших по распоряжению командующего Усть-Лабинским участком [Кочкаев 1969: 10]. Схожие выступления простого народа против власти

ногайских султанов были зафиксированы и в наймановских, и в касаевских аулах на Кубани. В подобных случаях российская администрация шла по пути практической помощи представителям ногайской знати и принуждала народ к подчинению ногайским князьям и при необходимости выплате всех необходимых податей владельцам [АКАК. Т. 8. 1881: 775–778].

Таким образом, к середине XIX в. заметно меняется положение султанов в обществах кочевых ногайцев. Рост волнений в среде простого народа, а также планомерная политика администрации, направленная на постепенное отстранение султанов от власти, при формальном покровительстве ей, создание российского административного аппарата управления в ногайских обществах – все это сказалось на положении ногайских князей.

Важное место в социальной структуре ногайцев занимали мурзы. Мурзами у ногайцев выступали представители знати, в прежнее время являвшихся правителями племен и родов ногайского народа. Все ногайские общества были разделены между мурзами, которым они оказывали всевозможное уважение и были обязаны подчиняться. С вхождением в состав Российского государства мурзы продолжили составлять высший класс, из которого выбирались старшины, табунные головы и другие должностные лица. Н.Ф. Дубровин отмечает, что «все последние ведут род свой от Эдигея» [Дубровин 1871: 263].

По данным ногайских приставов в 1827 г. в Караногай-Едишкульском приставстве было 22 мурзы, в мангитовском, едисанском и едишкульском народах – 34, в калаусо-джембойлуковском и в едисанско-джембойлуковском народах соответственно по 24 мурзы в каждом [ГАСК Ф. 249. Оп. 3. Д. 853. Л. 7–21].

Местные власти изучали, фиксировали и закрепляли российскими законами характер взаимоотношений, сложившийся между привилегированными слоями населения и простыми ногайцами. С этой целью производился сбор сведений относительно податей и повинностей, которые несли простые ногайцы в пользу своих мурз [ПСЗРИ. Т. 2. 1830: 151–153; АКАК. Т. 8. 1881: 775]. Так местная администрация проявляла принцип невмешательства во внутреннюю общественную жизнь ногайцев, хотя и пыталась держать ее под своим контролем [Лиджиева 2018: 364–374].

Следует заметить, что ногайская знать освобождалась от участия в общей раскладке народных повинностей. Мурзы были неподсудны общественному и духовному разбирательству. Они освобождались от физических наказаний за совершаемые проступки. Преступления, совершаемые ими, разбирались в частном порядке на особых советах мурз [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 24–25].

Источники XIX века приводят многочисленные факты трансформации внутренних отношений привилегированных слоев населения и простого народа, которые подразделялись на отношения до вхождения в состав Российской империи и отношения после принятия российского подданства, когда происходит ослабление власти ногайской знати. Одной из основных причин, по словам современников, выступало обнищание ногайской элиты. Н.Н. Забудский писал: «Кроме почтения и весьма небольших подарков, мурзы не пользуются никою особенною властью», а в «последнее время они сильно начали падать в народном мнении от того, что некоторые из них по бедности, нанимаются в надсмотрщики табунов простых ногайцев» [Забудский 1851: 181].

Вследствие упадка экстенсивного кочевого скотоводства и разорения многих ногайских хозяйств в Предкавказских степях в первой половине XIX в. часть ногайской знати экономически перестает отличаться от простого народа. Важные изменения в социальных отношениях зафиксированы в записках пристава за 1839 г., где приводятся характерные данные замены сословного деления имущественным. Согласно сведениям, в одном из аулов Калаусо-Джембойлуковского приставства ногайский мурза имел в хозяйстве всего 2 лошади и 10 голов крупного рогатого

скота. В то время, когда его подвластные имели всех видов скота от 70 до 300 голов [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 25].

Постепенно власть мурз и султанов становилась номинальной, т.к. большинство из них разорялось и впадало в бедность, и только в силу традиций простые ногайцы продолжали доставлять им 2 мерки проса, арбу сена и арбу дров [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 967. Л. 1]. Частный пристав Абраменов, характеризуя ситуацию в калаусо-саблинских обществах, отмечал, что среди них достойными звания мурз было всего три семейства, хотя численность знати в обществах была гораздо выше, «будучи крайне бедны, они влекли свое существование и имели поведение», – которое, как отмечал пристав, – «одобрить нельзя» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1886. Л. 25].

Итак, в первой половине XIX в. часть привилегированных слоев ногайской знати вследствие потери своего основного богатства – скота – экономически перестает отличаться от простых ногайцев. В связи с этим падает их авторитет в обществе. Как представляется, обнищание ногайских элит являлось следствием ряда объективных причин. Во-первых, ограничение пастбищных пространств. Вследствие содержания многотысячных голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота на небольших пастбищах со временем земли истощались и становились беднее травой. Во-вторых, на количество скота у ногайцев сильно влияли природно-климатические условия. В частности, земли, населенные ногайцами Караногай-Едишкульского и Ачикулак-Джембойлукского приставства представляли собой безводные полупустынные территории. Помимо этого в ногайских степях были зафиксированные аномальные погодные условия, в следствии чего происходил массовый падеж скота в 1801, 1824–1825, 1842–1843, 1844–1845, 1864, 1875, 1892–1894, 1888, 1889 и 1911 гг. Бураны и засухи, а также участвовавшие в XIX в. эпизоотии скота окончательно подорвали благосостояние ногайских хозяйств [Джумагулова 2022: 385–387, Малявкин 1893: 158; Ребров 1845: 222, Прозрителев 1925: 22–24, 39–41].

В связи с охватившей бедностью, некоторые представители ногайской знати все чаще стали отступать от традиции вступления в брачные союзы только с представителями привилегированных слоев. В XIX в. были зафиксированы подобные союзы мурз с семействами подвластных им узденей и даже с семьями низшего сословия (азатов и кулов), из-за чего ногайская знать теряла уважение в общественном мнении [Сословное 2007: 42–43].

Отдельную социальную группу в ногайских обществах составляли сословия узденей (кайбаши) и асланбеков. Оба эти сословия хотя и состояли в подчинении мурз, но пользовались полной свободой. Они имели голос в общественных делах, а в военное время были ближайшими помощниками мурз, составляя их личный конвой [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 2–6; Сословное 2007: 44–45]. С падением власти и влияния мурз уздени и асланбеки перестают отличаться от простого народа – азатов [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1886. Л. 10].

Отдельными привилегиями в ногайских обществах владело духовенство. По мнению Н.Ф. Дубровина «после мурз второе место занимает духовенство: ахун, кадий или казий, эфенди и сохта (собственно ученик) или помощник эфендиев» [Дубровин 1871: 263]. Однако, в некоторых обществах, их власть даже превосходила ногайскую знать. Пристав Ахвердов в 1827 г. отмечал, что «почетными в магометанском народе лица первые духовенство, вторые мурзы, третьи старейшие в народе старики, головы, старшины» [ГАСК.Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 3]. Численность духовенства зависела от желания каждого отдельного общества, т.к. содержание духовных лиц производилось за счет самих этих обществ [Кочекаев 1969: 21–22].

Важное место в социальной стратификации ногайских обществ принадлежало отдельному классу – байству. На фоне усилившейся имущественной

дифференциации в XIX в. в среде ногайцев утверждается группа крупных владельцев скота, не относившихся ни к султанам, ни к мурзам. Сосредоточив в своих руках табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, они воздействовали даже на мурз, которым ранее подчинялись [Самойлов 1881: 1, 8].

Основные группы населения ногайцев составляли обособленные хозяйства кочевников-скотоводов, составляющих так называемый «простой народ». В зависимости от скотовладения, владельцы состоятельных хозяйств назывались азатами, менее обеспеченные скотом – кедеями и совсем не имеющих скота – байгушами.

Экономическое положение простых ногайцев можно рассмотреть на примере статистических сведений кочевых хозяйств Ачикулак-Джембойлуковского приставства за 1879 г. Так, к первой условной группе можно отнести байгушей, не имевших скота. Они составляли 15,07% от общего числа хозяйств. К ним примыкали семьи, имевших по одной голове скота – 19,39%. Данная категория населения полностью зависела от ногайского байства, обслуживавшая их стада, либо занимавшаяся отходничеством в ближайших городах. Ко второй условной группе можно отнести бедняков, имевших во владении от 2 до 5 голов скота, что также не покрывало потребностей среднего хозяйства. Они составляли 29,54% от общего числа хозяйств. Экономически независимые хозяйства, относились к третьей группе, которые имели в хозяйстве от 5 до 50 голов различного скота. Эти самостоятельные кочевые хозяйства, составляли основную опору мурз, носили название «простые ногайцы» и составляли 27,13% населения. К четвертой группе примыкали хозяйства, имевшие от 50 и более 1000 голов скота. Они представляли ногайское байство и составляли около 8,87% населения.

В Караногайском приставстве первая группа хозяйств составляла 26,97%, ко второй группе относилось 32,6%, к третьей – 27,61% и к четвертой – 12,82% [Бентковский 1879: 32].

Подобные тенденции были характерны для всех ногайских хозяйств Северного Кавказа. На 1913 кибиток (домов) ногайцев Калаусо-Джембойлуковского приставства по сведениям Н.Н. Забудского приходилось: лошадей – 3640 голов, рогатого скота – 19 760 голов, овец и коз – 12 830 голов; на 1875 кибиток калаусо-саблинцев приходилось: лошадей – 5600 голов, рогатого скота – 20 200 голов, овец и коз – 24 000 голов [Забудский 1851: 178]. Эти данные показывают характер бедственного положения значительной группы обществ ногайцев, называемых байгушами. Даже представители земельной комиссии характеризовали это состояние как крайняя бедность. Труд ногайского бедняка был дешев, порой байгуш работал за кусок хлеба и одну похлебку. Они выступали объектом использования как внутри обществ, так и за их пределами – русских, армянских купцов, а также местных землевладельцев [Кочекаев 1969: 33].

Примечательно, что именно эта группа населения первой среди ногайцев вошла в непосредственное соприкосновение с русскими земледельцами, выступая носителями важной исторической миссии культурного обмена.

Таким образом, к середине XIX в. в ногайских обществах выделяется класс богачей (знатных и не знатных), которых сословная принадлежность и имущественное положение объединяли в одной социальной группе. Противоположным классом были бедняки, не имевшие скота. Большая часть групп населения имела средние и меньшие хозяйства. Однако и они часто искали сторонние заработки, вступали в наем к богатым членам общества, либо шли на промыслы в города и русские селения.

В ногайском обществе существовали социальные группы, которые исчезли к середине XIX в. Ими были тарханы и сеиды. Тарханы, по данным пристава Ачикулак-Джембойлуковского приставства (1837) «ничто иное есть как вольноотпущенные холопы» [ГАСК. Ф. 249. ОП. 3. Д. 2584. Л. 40]. «По милости начальства» и за особые «заслуги» рабы могли получить звание тарханов и обзавестись

своими хозяйствами и семьями [Берже 1859: 486–488]. Ногайские тарханы освобожились от участия в общей раскладке народных повинностей и несения службы, они не могли быть подвергнуты телесным наказаниям [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2584. Л. 40].

Российская администрация, закрепив свои позиции в ногайских степях, уничтожила сословие тарханов «Уставом для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (1827), чтобы они могли участвовать в общих народных повинностях [ПСЗРИ. Т. 2. 1830: 151–153]. Данный документ был зачитан частными приставами на народных собраниях во всех ногайских приставах. «Уставом...» исключалось также привилегированное положение сеитов, причислявших себя к потомкам пророка Мухаммеда [Нахаева 2000: 88–89]. Этот статус некоторые ногайцы получили от крымских ханов, вместе с регистром, подтверждающего права на звание и привилегии [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2584. Л. 38–39]. По данным частного пристава Пушкарева в 1828 г., собрание общества сеитов насчитывало 29 человек, и они «единогласно отозвались, что они не соглашаются и не могут нести повинности наравне с прочими, полагая каким-то по ихнему обряду дворянами» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 967. Л. 18–19]. Тем не менее в судебном порядке всех несогласных сеитов наказывали за неподчинение местным властям [Нахаева 2000: 88–89] и к середине XIX в. категория сеитов выбывает из социальной структуры ногайцев.

Отдельный слой зависимого населения в ногайских обществах составляли рабы, на русском языке называемых холопами или ясырями. Чаще всего ясыри появлялись у ногайцев «куплею, меною и просто разбоем» [Рудановский 1861]. Рабы, принадлежавшие прежде к султанам, мурзам и узденям именовались чагарами [Берже 1859: 486–488]. Точных сведений о числе рабов среди ногайцев мы не имеем. Известно, что по городу Кизляру и уезду числилось 197 азиатских холопов, в том числе 114 мужского и 83 женского пола [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2889. Л. 44–53]. У ногайцев ведомства генерал-майора Султана Менгли-Гирея в 1822 г. насчитывалось 868 холопов, в том числе 430 мужского и 438 женского пола. У ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского пристава в 1838 г. насчитывалось 510 холопов, в том числе 296 мужского и 214 женского пола [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2889. Л. 7–15]. Таким образом, число рабов у ногайцев было невелико. Чаще всего они составляли прислугу, реже были заняты на пастьбе скота.

А.О. Рудановский в 1860-х отмечает, что рабство у ачикулак-джембойлуковских ногайцев ликвидировалось, на фоне неурожая и частых падежей скота. В итоге класс ясырей растворился в общей кочевой среде [Рудановский 1861]. Сходные сведения констатирует и А.П. Берже [Берже 1859: 496–497].

С установлением российской власти на Северном Кавказе центральные власти взяли курс на постепенную ликвидацию рабства в регионе. С этой целью в 1804 г. было издано распоряжение правительства о запрещении торговли закубанскими невольниками, а в 1808 г. приказало «всех ясырей считать свободными от рабства» [Шамрай 1907: 177]. В 1821 г. генерал А.П. Ермолов поручил статскому советнику Реброву собрать сведения (именные списки) о рабах, проживавших в Кавказской области. Также он распорядился, чтобы представители кочевых народов не приобретали себе новых ясырей, а также не продавали, уже имеющих, без разрешения пристава. Однако, в 1823 г. генерал А.А. Вельяминов предложил ногайцам купить горских пленных числом около 2 тыс. человек по цене от 150 до 250 рублей за каждого. Подобным распоряжением он перечеркнул прежние ограничения работорговли на Северном Кавказе и ногайцы, воспользовавшись возможностью, стали покупать себе новых холопов [Рудановский 1861].

В 1827 г. в Ставрополе для обсуждения вопроса о положении ясырей в кочевых обществах были собраны представители местных народов. Итогом этого собрания стало решение о том, что все рабы остаются у своих владельцев, однако

запрещалась их дальнейшая продажа. В особенности не позволялось продавать ясырей армянам и грузинам. Последние, не имевшие привилегий дворян, лишались этого права, согласно утвержденного 19 декабря 1827 г. областным советом законопроекта о ясырях (рабах), принадлежащих азиятцам. Таким образом, российская правовая система, в период инкорпорации кочевых обществ в социально-экономическую систему российского государства, пошла на уступки, сохраняя прерогативу владения рабами. Однако права пользования услугами холопов ограничивались некоторыми поправками. В частности, всем российским подданным позволялась выкупать невольников у кочевых народов, но выкупаемые ясыри прекращали именоваться рабами и становились подданными империи. Ясырям, принадлежащим по праву приобретения ногайцам, необходимо было прослужить определенное количество лет, после чего ясырь объявлялся совершенно свободным. Помимо этого, ногайским холопам предоставлялось право выкупа у владельца за 100 рублей [АКАК. Т. 7. 1878: 933–937]. Данное постановление получило резолюцию Государственного совета 17 мая 1835 г. «Об отношении кавказских ясырей или холопов к их владельцам» [ПСЗРИ. Т. 10 (1). 1836: 421–424].

В последующие годы, по мере укрепления позиций региональных властей на Северном Кавказе, местные власти предпринимали более решительные меры по ограничению и запрещению рабства в регионе. В результате воздействия и наставления некоторые владельцы рабов освобождали их без выкупа [Шамрай 1907: 235–236, 266–274].

По данным Ставропольского гражданского губернатора в начале 1865 г. всех ясырей в губернии оставалось 153 души обоего пола. Практически все они выслужили необходимые сроки, указанные в постановлении, и были освобождены от власти владельцев [Шамрай 1907: 242–243].

29 ноября 1866 г. император Александр II утвердил положение Кавказского комитета «Об освобождении ясырей Ставропольской губернии от зависимости их от владельцев и о распространении на них действия Положения 19 февраля 1861 г. об устройстве дворовых людей» [ПСЗРИ. Т. 41 (2). 1868: 314.]. Данное положение подвело итог большой и планомерной работы, проведенной имперской властью по ликвидации рабства в регионе.

Во второй половине XIX в. социальная структура ногайцев быстро трансформировалась на фоне разорения традиционных кочевых отраслей хозяйства: коневодства, овцеводства и разведения крупного рогатого скота. Кризис экстенсивного кочевого скотоводства стал основным источником изменений в социальной структуре обществ кочевых ногайцев. Основными факторами упадка численности скота выступали сокращения пастбищных пространств необходимых для выпаса животных, природные явления (бураны и засухи), особенности климатических условий (особенности почв, доступность водных ресурсов), постепенно вводивших традиционные отрасли экономики ногайцев в состояние рецессии, а затем стагнации [Джумагулова 2022: 392–393].

Экономическое положение ногайцев Северного Кавказа ярко выражено в следующих сведениях. В 1874 г. в Караногайском приставстве кочевало 35 353 человека, из них 117 семей не имело даже ни одной лошади. Они составляли 22% от общего населения приставства. 99 семей имело от 20 до 50 лошадей, 61 семья владела лошадьми от 50 до 100 голов и 115 семей содержала от 101 до 200 лошадей. В этом же приставстве числилось 95 213 овец, при этом 70% караногайских семей не имело ни одной овцы, а 6% богатых караногайских семей имели от 200 до 500 овец каждая и всего 1% семей владело количеством овец от 2000 до 3000 штук [Сборник 1876: 24–25].

Богатыми среди ногайцев можно было назвать лишь 4% от всего народа, в их руках находилось 99% верблюдов, 70% лошадей, 40,9% крупного рогатого скота и 55% овец и коз. На долю остальных ногайцев приходилось лишь 34% всего скота [Капельгородский 1914: 50].

К концу XIX – началу XX в. имущественное неравенство среди караногайцев было настолько резко выражено, что привело к укрупнению социальной прослойки байгушей – нищих и бродяг. Из 5500 кибиток, т.е. караногайских семей, таких нищих было 500 семей. Они выживали, нанимаясь к богатым членам общества, а 3000 семей в приставстве занимались отхожими промыслами [Капельгородский 1914: 50].

У ногайцев Ачикулакского приставства в 1874 г. 86,91% полуоседлых ногайских семей не имело ни одной овцы, а среди кочующих ногайцев 70% семей не имело ни одной овцы в хозяйстве [Сборник 1876: 39–40].

Подобное положение наблюдались и в других обществах. В 1885 г. среди кубанских ногайцев было 1287 человек не имевших ни одной лошади в хозяйстве, 2269 человек имело по одной лошади, 31 человек – от 2 до 25 лошадей, 31 человек – от 25 до 50 лошадей и лишь незначительное число людей владело от 500 до 600 лошадейми [Народы 1957: 135].

В условиях сложного экономического и социального положения, наблюдавшихся у ногайцев с начала XIX в., часть ногайцев Северного Кавказа идет на радикальные меры – переселение в Османскую империю [Джумагулова 2015: 258–277]. Одной из наиболее важных причин, побудивших ногайцев к эмиграции, выступали изменения основных институтов власти и общества, затронувшие кочевые общества в процессе этатизации в административно-правовую систему Российской империи в первой половине XIX века. Ногайская знать боялась потерять власть над народом и холопами, и наиболее простым решением было переселение в страну, к которой она испытывала культурную и ментальную предрасположенность. Немаловажное значение в этом процессе сыграло разорение скотоводческих хозяйств ногайцев. В это время турецкие власти распространяли информацию о всяческой материальной помощи переселенцам [Джумагулова 2015: 262–263]. Таким образом, из четырех ногайских приставств, сформированных российской администрацией осталось два – Ачикулакское и Караногайское.

На рубеже XIX–XX вв. ногайцы перестают нести в пользу своей знати традиционные повинности. Источники сообщают, что «все мурзы уже лишены пользы от общества и уже ничего не получают от народа потому, что они исполняют повинность царскую» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 23–25]. К. Сталь также отмечал, что простые ногайцы отказываются нести традиционные подношения и повинности своим владельцам, т.к. несут ее в пользу российской администрации [Сталь 2014: 342].

Важно подчеркнуть, что в течении всего XIX столетия сословные институты кочевых ногайцев подвергались изменениям. Традиционная социальная структура обществ кочевых ногайских была изменена. Подобные тенденции были характерны и для других кочевников юга России в рассматриваемый исторический период [Лиджиева, Кидирниязов 2021: 74–87; Батыров и др. 2014: 26–30].

Таким образом, проведенное исследование позволяет автору сделать следующие выводы:

1. Социальная стратификация ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. подверглась коренным изменениям. Основным фактором, повлиявшим на процесс трансформации социальных связей ногайцев стало обнищание значительной части ногайского населения, происходившего на фоне уменьшающегося пастбищного фонда, неблагоприятных климатических условий, а также повторявшихся на протяжении всего XIX – начала XX вв. бурянов, засух и эпизоотий, окончательно разоривших ногайские хозяйства.

2. На фоне кризиса экстенсивного кочевого скотоводства, достигшего ногайцев во второй половине XIX – начале XX в., экономическое положение широких масс ногайцев сильно ухудшается на фоне сокращения поголовья скота. Часть привилегированных слоев населения в следствии потери своего основного

богатства – скота – переходит в разряд «простых ногайцев». На фоне усилившейся имущественной дифференциации ногайцев в XIX в. утверждается социальная группа байства, сумевшая потеснить в социальной структуре общества привилегированные слои населения (султанов и мурз) и наряду с ними составить обновленную элиту ногайцев. К концу XIX – началу XX в. кроме небольших услуг и уважения, оказываемого народом, ногайская знать не пользовалась властью, которую имела ранее.

2. Административное реформирование отдельных социальных групп ногайцев (сеитов, тарханов и ясырей) российскими властями было направлено на их экономическую интеграцию в социально-экономическую структуру российского государства. Важно отметить, что преобразования, внедряемые центральными властями, проводились осторожными методами с учетом местных национальных и религиозных специфик.

3. На рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в. происходят структурные изменения в жизни обществ кочевых ногайцев. Привилегированные слои населения, вследствие нивелирования значения высших сословий и утверждения власти российских административных институтов власти, утрачивают свою власть в обществах. Традиции постепенно уходили в прошлое, им на смену утверждалась имущественная дифференциация общества.

Список источников

АКАК — *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1878. Т. 7. 1011 с.; 1881. Т. 8. 1033 с.

Акты 1918 – *Акты* времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и редактировал А.М. Гневушев. Москва: [б. и.], 1918. Вып. 2. 421 с.

Батыров и др. 2014 – *Батыров В.В., Лиджиева И.В., Оконова Л.В.* Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // *Известия АлтГУ*. 2014. № 4 (84). С. 26–30.

Бентковский 1879 – *Бентковский И. В.* Наши кочевники и их экономическое состояние // *Ставропольские губернские ведомости*: [газета]. 1879. № 32. С. 34–35.

Бентковский 1888 – *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. 134 с.

Берже 1859 – *Берже А. П.* Татарское племя на Кавказе // *Кавказ*: [газета]. 1859. № 87. С. 486–488.

ГАСК – *Государственный архив Ставропольского края.*

Джумагулова 2015 – *Джумагулова А.Т.* Причины и обстоятельства исхода ногайского населения в Османскую империю в 50–60-х гг. XIX в. // *В мире научных открытий. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2015. № 1 (1). С. 258–277.

Джумагулова 2019 – *Джумагулова А.Т.* Ногайская феодальная знать на российской службе (на примере деятельности генерал-майора Султана Менгли-Гирея) // *Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов*. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. Вып. 9. С.83–92.

Джумагулова 2022 – *Джумагулова А.Т.* Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков // *Научный диалог*. 2022. № 11 (7). С. 377–397.

Дубровин 1871 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 640 с.

Забудский 1851 – *Забудский Н. Н.* Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального Штаба, 1848–1858. Т. 16. Ч. 5: Ставропольская губерния, 1851. 274 с.

- Капельгородский 1914 – *Капельгородский Ф.О.* Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. 1914. № 10. С. 43–53.
- Кочекаев 1969 – *Кочекаев Б.-А.Б.* Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX веков. Алма-Ата: Казахский государственный университет имени С.М. Кирова: кафедра истории СССР, 1969. 60 с.
- Лиджиева 2018 – *Лиджиева И.В.* Источники о нормотворческой деятельности инородческих органов местного самоуправления на Юге России в XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 364–374.
- Лиджиева, Кидирниязов 2021 – *Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С.* Кочевники Степного Предкавказья в период великих реформ в России // Вестник РУДН. Серия: история России. 2021. № 1 (20). С. 74–87.
- Малявкин 1893 – *Малявкин Г.* Караногай: Этнографический очерк // Терский сборник. 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 133–173.
- Народы 1957 – *Народы* Карачаево-Черкесии: Историко-этнографические очерки / под ред. П.И. Балтина и М.М. Сакиева. Ставрополь: Книжное издательство, 1957. 154 с.
- Нахаева 2000 – *Нахаева И.Б.* Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00. Ставрополь, 2000. 300 с.
- ПСЗРИ – *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе.* 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 2. 1561 с.; 1836. Т. 10 (1). 917 с.; 1868. Т. 41 (2). 1411 с.
- Прозрителев 1925 – *Прозрителев Г. Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Часть вторая. Ставропол: [б. и.], 1925. 66 с.
- РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив*
- Ребров 1845 – *Ребров А.Ф.* Зима 1844–1845 гг. на степях прикумских на Кавказе // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1845. № 3. С. 220–292.
- Рудановский 1861 – *Рудановский А.* О ясырях // Санкт-Петербургские ведомости: [газета]. 1861. № 235.
- Самойлов 1881 – *Самойлов А.А.* Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1881. 56 с.
- Сборник 1876 – *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / Ставропольский губернский статистический комитет, под редакцией И.В. Бентковского. Ставрополь: Типография губернского правления, 1876. Вып. 7. 246 с.
- Сословное 2007 – *Сословное право горцев Кубанской области 1872–1903 гг.* // Генеалогия Северного Кавказа: историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. 2007. № 19. С. 3–122.
- Сталь 2014 – *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа / Кавказ: Черкесия. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. Вып. 17. С. 331–400.
- Трепавлов 2013 – *Трепавлов В.В.* Орда самовольная: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
- Шамрай 1907 – *Шамрай В.С.* Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу / Кубанский сборник // Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1907. Т. XII. С. 167–256.

References

- Akty vremeni pravleniya tsarya Vasiliya Shuiskogo. (1606 g. 19 maya – 17 iyulya 1610 g.)* [Acts of the reign of Tsar Vasily Shuisky. (1606, May 19 – July 17, 1610)] / collected and edited by A.M. Gnevushev. M.: [b. i.], 1918. Issue 2. 421 p. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissieyu:* v 12 t. [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols]. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1878. Vol. 7. 1011 p.; 1881. Vol. 8. 1033 p. (In Russian)
- BATYROV V.V., LIDZHIEVA I.V., OKONOVA L.V. *Soslovnaya struktura kalmytskogo obshchestva v kontekste gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi imperii XIX v.* [The Estate structure

of Kalmyk Society in the context of the State Policy of the Russian Empire of the XIX century] IN *Izvestiya AltGU*. 2014. № 4 (84). P. 26–30. (In Russian)

BENTKOVSKII I.V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Nogaitsy. Chast' I* [Historical and statistical review of non-native mohammedans wandering in the Stavropol province. Nogais. Part 1]. Stavropol': Tipografiya Gubernatorskogo Pravleniya, 1888. 134 p. (In Russian)

BENTKOVSKII I.V. *Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie* [Our nomads and their economic condition] IN *Stavropol'skie gubernskie vedomosti* [Stavropol provincial vedomosti]: [newspaper]. 1879. № 32. P. 34–35. (In Russian)

BERZHE A.P. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatar tribe in the Caucasus] IN *Kavkaz*: [newspaper]. 1859. № 87. P. 486–488. (In Russian)

DUBROVIN N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze: v 6 t. Ocherk Kavkaza i narodov ego naselyayushchikh* [The history of the war and the rule of the Russians in the Caucasus: in 6 vols. An essay on the Caucasus and the peoples inhabiting it]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departamenta Udelov, 1871. Vol. 1. Book 1. 640 p. (In Russian)

DZHUMAGULOVA A.T. *Prichiny i obstoyatel'stva iskhoda nogaiskogo naseleniya v Osmanskuyu imperiyu v 50–60-kh gg. XIX v.* [The reasons and circumstances of the exodus of the Nogai population to the Ottoman Empire in the 50–60s of the XIX century] IN *V mire nauchnykh otkrytii*. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2015. № 1 (1). P. 258–277. (In Russian)

Dzhumagulova A.T. *Nogaiskaya feodal'naya znat' na Rossiiskoi sluzhbe (na primere deyatel'nosti general-maiora Sultana Mengli-Gireya)* [Nogai feudal nobility in the Russian service (on the example of the activities of Major General Sultan Mengli-Giray)] IN *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov* [Archaeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of scientific papers]. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. Issue 9. P. 83–92. (In Russian)

DZHUMAGULOVA A.T. *Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogaiskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov* [Features of State of Economy Of Nogai Societies of North Caucasus in 19th – Early 20th Centuries] IN *Nauchnyi dialog*. 2022. № 11 (7). P. 377–397. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja [The State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russian)

KAPEL'GORODSKII F.O. *Karanogai* IN *Zapiski Terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Notes of the Tersk Society of lovers of Cossack antiquity]. 1914. № 10. P. 43–53. (In Russian)

KOCHEKAEV B.-A.B. *Klassovaya struktura nogaiskogo obshchestva v XIX – nachale XX vekov* [The class structure of Nogai society in the XIX – early XX centuries]. Alma-Ata: Kazakhskii gosudarstvennyi universitet imeni S.M. Kirova: kafedra istorii SSSR, 1969. 60 p. (In Russian)

LIDZHIEVA I.V. *Istochniki o normotvorcheskoi deyatel'nosti inorodcheskikh organov mestnogo samoupravleniya na Yuge Rossii v XIX – nachale XX v.* [Sources on the normative activity of foreign local self – government bodies in the South of Russia in the XIX – early XX century] IN *Vestnik arkhivista*. 2018. № 2. P. 364–374. (In Russian)

LIDZHIEVA I.V., KIDIRNIYAZOV D.S. *Kochevniki Stepnogo Predkavkaz'ya v period velikikh reform v Rossii* [Nomads of the Steppe Pre-Caucasus during the Great Reforms in Russia] IN *Vestnik RUDN. Seriya: istoriya Rossii*. 2021. № 1 (20). P. 74–87. (In Russian)

MALYAVKIN G. *Karanogai : Etnograficheskii ocherk* [Karanogaytsy: An Ethnographic essay] IN *Terskii sbornik* [Tersky collection]. 1893. Issue 3. Book 2. P. 133–173. (In Russian)

NAKHAEVA I.B. *Sotsial'naya stratifikatsiya u kochevykh narodov stepnogo Predkavkaz'ya v XIX – nachale XX veka* [Social stratification among the nomadic peoples of the steppe Pre-Caucasus in the XIX – early XX century]: PhD Diss. Stavropol', 2000. 300 p. (In Russian)

Narody Karachaev-Cherkessii: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The peoples of Karachay-Cherkessia: Historical and ethnographic essays] / pod red. P.I. Baltina i M.M. Sakieva [Edited by P. I. Baltin and M.M. Sakiev]. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 154 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting]. 1649–1825 gg.: V 45 t. Saint-Petersburg: Printing house II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1830. Vol. 2. 1561 p.; 1836. Vol. 10 (1). 917 p.; 1868. Vol. 41 (2). 1411 p. (In Russian)

PROZRITEL'EV G.N. *Stavropol'skaya guberniya v istoricheskom, khozyaistvennom i bytovom otnoshenii. Chast' vtoraya* [Stavropol province in historical, economic and domestic terms. Part Two]. Stavropol': [b. i.], 1925. 66 p. (In Russian)

REBROV A.F. *Zima 1844–1845 gg. na stepyakh prikumskikh na Kavkaze* [Winter of 1844–1845 on the Prikum steppes in the Caucasus] IN Zhurnal sel'skogo khozyaistva i ovtsevodstva [Journal of Agriculture and sheep breeding]. 1845. № 3. P. 220–292. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

RUDANOVSKII A. O yasyryakh [About slaves] IN Sankt-Peterburgskie vedomosti: [newspaper]. 1861. № 235. (In Russian)

SAMOILOV A.A. *Svedeniya ob inorodtsakh-magometanakh Stavropol'skoi gubernii, sobrannye Glavnym pristavom podpolkovnikom Samoilovym* [Information about the non-native Mohammedans of the Stavropol province, collected by the Chief Bailiff, Lieutenant Colonel Samoilov]. Stavropol': Tipografiya Stavropol'skogo gubernskogo pravleniya, 1881. 56 p. (In Russian)

Sbornik statisticheskikh svedenii o Stavropol'skoi gubernii [Collection of statistical information about the Stavropol province] / Stavropol'skii gubernskii statisticheskii komitet, pod redaktsiei I.V. Bentkovskogo [Stavropol Provincial Statistical Committee, edited by I.V. Bentkovsky]. Stavropol': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1876. Issue 7. 246 p. (In Russian)

SHAMRAI V.S. *Istoricheskaya spravka k voprosu o yasyryakh na Severnom Kavkaze i v Kubanskoj oblasti i dokumenty, otnosyashchiesya k etomu voprosu* [Historical background to the issue of yasirs in the North Caucasus and in the Kuban region and documents related to this issue] / Kubanskii sbornik [Kuban collection] IN Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta [Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee]. Ekaterinodar, 1907. Vol. XII. P. 167–256. (In Russian)

Soslovnoe pravo gortsev Kubanskoj oblasti 1872–1903 gg. [Estate law of the mountaineers of the Kuban region 1872–1903] IN Genealogiya Severnogo Kavkaza: istoriko-genealogicheskii nauchno-referativnyi nezavisimyy zhurnal. 2007. № 19. P. 3–122. (In Russian)

STAL' K. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic essay of the Circassian people] / Kavkaz: Cherkesiya. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T), 2014. Issue 17. P. 331–400. (In Russian)

TREPAVLOV V.V. *Orda samovol'naya: kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv.* [The Unauthorized Horde: the nomadic Nogai Empire of the XV–XVII centuries.]. M.: Kvadriga, 2013. 224 p. (In Russian)

ZABUDSKII N.N. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii: izdavaemoe po vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba* [Military Statistical Review of the Russian Empire: published by the highest order at the 1st Department of the Department of the General Staff]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departamenta General'nogo Shtaba, 1848–1858. Vol. 16. Part 5: Stavropol'skaya guberniya, 1851. 274 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate Science (History), Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, одобрена после рецензирования 10.12.2022, принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022, approved after reviewing 10.12.2022, accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-57-73

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ В БАЛКАРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2022

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из важнейших вопросов экономической истории Кабардино-Балкарии – становлению коммерческого предпринимательства в горских обществах Нальчикского округа. Анализируются отличительные черты присущие торговым операциям в Балкарии. В работе исследуется многообразие методов организации частной коммерческой инициативы предпринимателей, общие принципы и особенности функционирования их деятельности. Показано, что уже к началу XX в. в округе происходит становление стационарной торговой сети, специализирующейся на сбыте мануфактуры и товаров фабричного производства. На основе архивных материалов и данных периодической печати устанавливаются, что к 80-м гг. XIX в. в Балкарии имелись устойчиво действующие стационарные учреждения торговли, анализируется их специализация и условия функционирования. Выявлены формы участия горского населения Балкарии в развитии предпринимательских практик округа.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XIX–XX вв.; Нальчикский округ; Балкария; горские общества; финансово-промышленное предпринимательство; стационарная торговая сеть; товарно-денежные отношения

Для цитирования: Дзуганов Т.А. К вопросу о торговле в Балкарии (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 57–73. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-57-73

Original article

THE QUESTION OF TRADE IN BALKARIA (LATE XIX – EARLY XXTH CENTURIES)

Timur A. Dzuganov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzuganov, 2022

Abstract. Abstract. The article is devoted to the study of one of the most important issues of economic history of Kabardino-Balkaria – formation of commercial entrepreneurship in mountain societies of the Nalchik district. The distinctive features inherent in trading operations in Balkaria are analyzed. In work the variety of methods of the organization of private commercial initiative of businessmen, general principles, and features of functioning of their activity is investigated. It is shown that already by the beginning of the 20th century the formation of stationary trade network specializing in the sale of

manufactures and factory goods is taking place in the district. Based on archival materials and periodicals' data it is established that by the 80-es of the XIX century there were stationary trade establishments in Balkaria, their specialization and functioning conditions are analyzed. The forms of participation of the mountain population of Balkaria in the development of entrepreneurial practices of the district are revealed.

Keywords: North Caucasus; XIX–XX centuries; Nalchik District; Balkaria; mountain societies; commercial entrepreneurship; stationary trade network; commodity-money relations

For citation: Dzuganov T.A. The question of trade in Balkaria (late XIX – early XXth centuries). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 57–73. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-57-73

Одним из наименее изученных разделов экономической истории балкарских обществ остается вопрос развития товарно-денежных отношений в пореформенный период. Этот сюжет еще ни разу не становилась объектом специального научного исследования и рассматривался лишь в общем контексте развития социально-экономических отношений в пореформенный период. В большей степени это обстоятельство было обусловлено крайней скудностью сохранившихся источников. Дореволюционная литература ограничивалась описанием традиционного хозяйственного уклада и масштабов торговли скотом в горах Балкарии. Вопросы организации розничной торговли, характер и особенности коммерческих сделок, влияние торговли на изменения в культуре потребления населения, занимали исследователей в меньшей степени. Тем не менее, анализ имеющейся литературы этого периода позволяет выделить материал, характеризующий особенности экономических связей, специфику торговых операций в горских обществах, ассортимент и схему оплаты товара.

Из документов ясно, что основой традиционного хозяйства балкарцев в XIX в. продолжало оставаться скотоводство, с упором на овцеводство, обеспечивавшее горцу «насущенный для себя и семейства кусок хлеба, одежду и вообще все» потребное для поддержания жизни [Крикунова 1960: 124–123]. В конце 60-х гг. XIX в., по свидетельству очевидцев, торговые связи горских обществ с русскими поселенцами все еще ограничены отсутствием дорог, в следствие чего «все для себя необходимое» они получали от грузинских и армянских торговцев, приходящих к ним из Закавказья (Рачинского уезда) [Нарышкины 1872: 334]. Пути из Балкарии по перевалам Гезевцик, Шеривцик, Штулувцик, Башиль-ауз и Донгуз-орун сходились в Имеретии и Сванетии, способствуя «довольно оживленным сношениям» Северного Кавказа и Закавказья [Сабанчиев 1989: 112].

Ситуация начинает изменяться к началу XX в. Несмотря на то, что в 1903 г. главными покупателями рогатого скота у горцев продолжали оставаться «имеретинцы Рачинского уезда Кутаисской губернии и соседняя Сванетия» [Тульчинский 1903: 187–188], значение торговых отношений со слободой Нальчик и жителями равнины начинает постепенно возрастать. Явление было обусловлено растущими потребностями Балкарии в зерновой продукции, так как, согласно Тульчинскому, 2/3 года горцы должны были покупать хлеб (кукурузу); эти покупки совершались на нальчикских базарах по понедельникам. Вот почему дороги, идущие из гор в Нальчик, играют чрезвычайно важную роль в экономическом быту горского населения [Тульчинский 1903: 190].

Вместе с тем труднодоступность региона затрудняла контроль административных органов и работу статистических учреждений, потому комплекс сохранившихся документов не позволяет в полной мере восстановить общую картину, сложившуюся в торговом секторе экономики балкарских обществ.

Путешественники, посещавшие ущелья Балкарии, оставили мало сведений по интересующему нас вопросу. Вместе с тем, в этих путевых записях можно выделить важные детали, позволяющие ученым реконструировать некоторые аспекты

эволюции торгового предпринимательства в балкарских общинах. Ценность отдельных сообщений ограничивается констатацией наличия торговых заведений, например, М. Кипиани, посетивший Чегем в 1881 г. застал в селении торговую лавку с красным товаром, принадлежащую некоему «русскому из Нальчика» [Кипиани 1884: 45]. Благодаря другим удастся проследить ключевые этапы генезиса торговых отношений и их влияние на изменения в традиционном хозяйстве горцев, в их жизненном укладе.

В историографии советского периода проблема развития торгового предпринимательства в Балкарии также не получила достаточного освещения. Свою роль в этом сыграли и отмеченная выше скудность источников и, политические последствия сталинской депортации балкарского народа. Тем не менее, в начале 60-х гг. XX в. вопрос развития торговых отношений балкарцев в пореформенный период возникает в научной повестке. Одной из первых к его изучению приступила Е.О. Крикунова. Подчеркивая влияние транспортной инфраструктуры на развитие капиталистических отношений, она связывала возникновение постоянных торговых учреждений с открытием дорог в горских обществах Балкарии. Ассортимент «лавок с красным товаром», по мнению ученого, заключался в поставках из Москвы и других городов России «ситца, спичек, железных изделий» и прочего [Крикунова 1960: 141].

Одной из главных заслуг Крикуновой Е.О. как исследователя стало введение в научный оборот комплекса архивных материалов, позволяющих говорить о наличии стационарной торговой сети в Балкарии. Согласно этим сведениям в 1896 г. в Хуламском обществе имелась одна мелочная и две мануфактурных; в Чегемском – три лавки мелочные и одна мануфактурная; в Урусбиевском обществе – три мануфактурных лавки, в Безенгиевском имелись две лавки, которые торговали мелкими вещами, а в селении Гунделен даже четыре мануфактурные лавки и одна мелочная [Крикунова 1960: 142]. Из этого следует, что в описываемый период на территории горских обществ уже имелась структурированная и разветвленная сеть постоянных пунктов розничной торговли.

Анализ имеющихся материалов убеждает нас в том, что процесс формирования сети еще не завершился. Торговцы, как это явствует из архивных источников, нащупывали оптимальное соотношение торговых заведений применительно к количеству населения и его потребностям. То, что это соотношение в стационарной сети еще не было окончательно установлено подтверждается данными Е.Г. Муратовой [Муратова 2019], по сведениям которой в 1897 г. в Хасауте имелась 1 мелочная и 1 мануфактурная лавки, в Хуламе – 1 мелочная и 3 временных мануфактурных лавки, в Гунделене – 1 мелочная и 3 мануфактурных лавки, в Урусбиевском поселке – 3 мануфактурных лавки, в Чегеме – 2 мелочные и 7 мануфактурных лавок [Муратова 2019: 29]. Заметное увеличение количества коммерческих заведений в течение года свидетельствует о продолжающемся процессе модернизации стационарной сети, вовлечении в орбиту торговых отношений большего числа населения.

Общие положения Крикуновой Е.О. развивает Кучмезова М.Ч [Кучмезова 1967]. Характеризуя развитие торговли в балкарских ущельях, исследователь приходит к схожим выводам о влиянии дорог на развитие местного коммерческого предпринимательства, отмечает, что из-за дальности рынков и отсутствия времени, балкарские крестьяне вынуждено продавали свои изделия на месте скупщикам за более низкую цену [Кучмезова 1967: 68]. Такие коммерческие сделки осуществлялись в торговых заведениях, появившихся в Балкарии в пореформенный период.

В ходе работы автором были выявлены материалы, позволяющие подтвердить функционирование стационарной торговой сети в Балкарии несколько ранее 1896 г. Кучмезова ссылается на ведомость о состоянии фабричной и заводской

промышленности 2-го участка Нальчикского округа за 1893 г. В документе содержатся данные о наличии 9 точек стационарной торговли в Балкарском обществе и 2-х торговых заведений в Безенгиевском – 2 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 269. Лл. 50–51]. Эти неполные данные позволяют предположить, что начало формирования стационарной торговой сети Балкарии пришлось на конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.

Немаловажное значение для изучения истории развития торговых отношений Балкарии имеет вопрос этнической идентификации владельцев торговых заведений в горских обществах. Дореволюционные авторы сходятся во мнении, что все торговые операции в горах находились в руках грузинских, армянских, реже еврейских и русских купцов.

Прибывающие в Балкарию к сезону стрижки овец коммерсанты нуждались в организации опорных пунктов, где могли бы храниться товары и заготавливаемая шерсть и другая животноводческая продукция. Здесь скупщики-прасолы проживали сами и производили торговые расчеты. В этих временных пунктах должны были храниться нереализованные за сезон товары и заготовленное сырье, которое по разным причинам не удалось вывести сразу. Именно эти опорные пункты со временем превращаются в торговые лавки, действовавшие уже на постоянной основе.

К началу XX в., не смотря на наличие стационарной инфраструктуры, увеличение количества торговых точек и расширение ассортимента реализуемой продукции, меновой характер торговли продолжал сохраняться. Закавказские торговцы продолжали эксплуатировать как ярмарочную форму торговли – «раскидывают свои сети-лавочки от Баксана до балкарского Череха» [Тульчинский 1903: 188–189], так и развозную «с колес». Вместе с тем, из списка фигурантов торговых операций в Балкарии постепенно исчезают армянские купцы, а число горских евреев, занимающихся развозным торгом «с колес», напротив, увеличивается.

Первенство в торговле в ущельях по-прежнему удерживали имеретинские торговцы, или саудюгерчи, как их называли балкарцы, «наводняющие» селения горцев в летнее время, «единственные скупщики горского сукна» [Тульчинский 1903: 190]. Обменный фонд, используемый ими, по словам очевидца, состоял из широкого спектра товаров: ситцы, бумазеи, канаус, шали, ярко-цветные платки и тому подобные «соблазны для горской женщины» [Тульчинский 1903: 190].

Вторыми по значимости выступали горские евреи, прозванные местным населением – къара урия (черные евреи), специализировавшиеся на заготовке разнообразного сырья. Зимой и летом они также «раскидывали свои сети-лавочки» в горских селениях, обменивали шелка, нитки, спички и мелкий красный товар на овчины, туры шкуры и рога, кожи от скота и лошадей, шерсть, полсти и т.п. [Тульчинский 1903: 190]. Следует отметить, что увеличению числа къара урия в горах Балкарии в известной степени способствовала протекционистская, в части развития внутренней коммерции, политика окружных властей. Вследствие действия упрощенной системы получения патента на право ведения коммерческой деятельности на территории Нальчикского округа, куда административно входили горские общины, любой желающий мог оформить необходимые бумаги, на месте, в слободе Нальчик, а не в Ставропольской казенной палате, как это предписывалось в других регионах. Например, желая заняться торговлей Азарья Ифраимов без проволочек и в короткие сроки получил в 1891 г. от Нальчикского слободского правления необходимое свидетельство и «производил торговлю красным товаром с воза» на одной из улиц сел. Гунделен [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 231. Лл. 15].

По подсчетам Тульчинского, совокупный доход от этих операций составлял не менее 200% [Тульчинский 1903: 190]. Закономерно предположить, что местные зажиточные крестьяне, как это происходило в соседних регионах Терской области, также включались в коммерческое предпринимательство. На это есть указания в статье анонимного корреспондента «Казбека» [Казбек 1896: 2], отмечавшего

наличие, наряду с пришлыми (горские евреи, имеретины), «служливых торгашей-кулаков» из горцев. Объединяло их, по замечанию автора, то, что и первые, и последние «редко продают что либо за деньги, а по преимуществу выменивают за несколько аршин ситцу, например, на бурки, сукна, скот и т. п.» [Казбек 1896: 2].

Документальное подтверждение включения зажиточных балкарских крестьян в торговые операции нашел Т.Х. Кумыков. Изучая материалы Ставропольской казенной палаты он обнаружил в перечне 57 негильдейских купцов Нальчикского округа в 1891 г. торговцев из представителей балкарского народа – Ахматов И. и А.-Х. Хакимов [Кумыков 1965: 300].

Архивные данные позволяют установить имена еще двух владельцев торговых заведений в Чегемском обществе, избежавших попадания в статистические отчеты округа. Инспектором Ставропольской казенной палаты Бежановым в ходе инспекции было установлено, что в 1895 г. в Чегемском обществе функционировали лавки, хозяева которых заручившись поддержкой старшины общества, смогли скрыть от фискальных органов сам факт своей деятельности и тем самым в течение длительного времени уходить от налогов. В списке, среди прочих, фигурируют А. Кудаев и З. Хулаев (Холаев – Т.Д.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 350. Л. 137].

Можно допустить, что список балкарцев, занятых в торговых операциях в горских обществах Нальчикского округа, был намного шире, однако стремление избежать регистрации в государственных органах и тем самым уйти от «лишних» налоговых платежей, удерживало последних от официальной легализации своих торговых заведений. Кроме того, в отдельных эпизодах, торговля вообще велась «от случая к случаю» и еще не стала основным занятием, потому и не замечалась соответствующими надзорными ведомствами и фискальными органами.

Важным подспорьем для специалистов, занимающихся исследованием истории развития пространства товарно-денежных отношений в Балкарии в пореформенный период могут стать данные торгово-коммерческой статистики, публиковавшиеся на страницах периодической печати в течении первого десятилетия XX в. В этой связи, особо следует отметить ежегодник «Вся Донская область и Северный Кавказ». По своей специфике издание сближается с большинством «адресных книг», популярных в Российской Империи в XIX столетии. Размещенные в нем на правах рекламы материалы помогают более детально реконструировать облик стационарной торговой сети Балкарии, уточнить схему ее локаций. Несмотря на отдельные допущенные ошибки и опечатки в фамилиях торговцев и названиях некоторых населенных пунктов, эти данные крайне важны для анализа общей ситуации в торговом предпринимательстве в Балкарии. Вместе с тем, учитывая общее неудовлетворительное состояние статистики в Нальчикском округе, не приходится сомневаться, что далеко не все владельцы торговых заведений попадали в эти списки. Возможно также, что отдельные коммерческие точки, осуществлявшие свою деятельность лишь периодически, также избежали упоминания в этом перечне. Тем не менее, опубликованные материалы издания являются значимым историческим источником, сведения которого заслуживают пристального внимания исследователей.

Показатели торгово-предпринимательской активности в горских обществах за первое десятилетие XX в. стали основой для составления обобщенных данных, сведенных, для удобства, в специальные таблицы, помещенные в Приложении.

В соответствии с данными издания, в Чегемском обществе в 1902 г. имелось две мануфактурные лавки принадлежавшие Гавашелиашвили П.Б. и Лобжанидзе Г.Н. [Таблица № 1]. Точного адреса их нахождения не указывалось, но можно предположить, что лавка Гавашелиашвили П.Б. находилась непосредственно в с. Чегемском, а Лобжанидзе Г.Н. – на одном из удалённых хуторов. В сведениях за следующий, 1903 г. в с. Чегемском обществе указаны уже три мануфактурных заведения, к имеющимся добавилась лавка Гавашелиашвили П.Б. и Лобжанидзе Ал.

[Таблица № 1]. В 1904 г. в обществе открывает свою торговую точку Рехвиашвили А.И. [Таблица № 1]. Он также специализировался на реализации мануфактурных изделий и товаров. В следующем, 1905 г. никаких изменений, судя по таблице не происходит, указаны все те же владельцы четырех мануфактурных заведений. Данные по состоянию дел за следующие четыре года отсутствуют, по неизвестным причинам журнал не публикует информацию о коммерческих предприятиях Чегемского общества, лишь в документах за 1910 г. мы находим упоминание о лавке братьев Гавашелиашвили, осуществляющей торговлю теперь уже и бакалейными товарами [Таблица № 1]. Справочная информация даже не содержит инициалов этих торговцев. Следует обратить внимание, что до 1910 г. сведений о бакалейной торговле в указанном обществе не встречается. С большой долей вероятности можно предположить, что это те же «братья Гавашелиашвили С. и М.», чья совместная с Лобжанидзе М. лавка указана за 1911 г. [Таблица № 1]. Примечательно, что на протяжении десятилетнего периода, судя по официальным данным, вся стационарная торговля в обществе была сконцентрирована в руках всего четырех закавказских торговцев.

Более сложной выглядит ситуация в Балкарском обществе. Уже к 1902 г. здесь имелось 9 лавок. Из шести мануфактурных заведений, пять торговали исключительно мануфактурой, одна, принадлежащая Рехвиашвили Н.П., мануфактурой и галантерейной продукцией и, два предприятия, специализировавшихся на бакалее [Таблица № 2].

За исключением мануфактурного предприятия Чегелишвили И.Ш., все остальные, как и в Хуламском обществе [Таблица № 4], содержались выходцам из грузинской купеческой клана Рехвиашвили [Таблица № 2]. В с. Мухол-Аул хозяином значится Рехвиашвили Н.П., а в с. Шканы – Рехвиашвили Б.М. Причем, первый, как это явствует из документов, помимо мануфактуры имел право торговать и галантерейным товаром, а второй специализировался исключительно на галантерее. Четверо из этой многочисленной купеческой династии – Рехвиашвили О.Г., Рехвиашвили С., Рехвиашвили С.И. и Рехвиашвили Т. – вели в обществе мануфактурный торговый оборот, а двое – Рехвиашвили К. и Рехвиашвили Т.К. монополизировали бакалейный сектор [Таблица № 2].

В следующем 1903 г. в структуре местных торговых заведений происходят заметные изменения. Количество мануфактурных лавок увеличивается до шести, а бакалейные и галантерейные заведения вообще исчезают из общего перечня. С 1903 по 1909 гг. включительно в Балкарском обществе торговля идет только мануфактурными изделиями [Таблица № 2]. В документах за этот период нет никаких данных, свидетельствующих о реализации лавочниками других видов товаров. Лишь в 1910 г. в ущелье вновь фиксируется торговля бакалеей, в соответствии с опубликованными данными, торговля галантерейными товарами не возобновлялась [Таблица № 2].

В 1903 г. списочный состав торговцев меняется. Добавились новые – Амшикашвили И.К. и Чагелиашвили О.Ш., а общее количество торговцев Рехвиашвили сократилось до 5, по-видимому происходит ротация в клановом предприятии. Теперь коммерческие интересы клана в Балкарском ущелье реализовывались Рехвиашвили Б.М., Рехвиашвили Н.П., Рехвиашвили К.Б., Рехвиашвили О.Г. и Рехвиашвили О. В следующем году к ним присоединился Рехвиашвили А.И. Такой состав сохранялся, как минимум, до 1905 г. включительно [Таблица № 2]. Данные за последующий период либо отсутствуют (1906–1907 гг.), либо скудны и противоречивы (1908–1909 гг.). Вместо 8–9 торговцев, как это было с 1902 по 1905 гг., в 1908 г. в Балкарском обществе указаны только трое. Это Чегемишвили А., Рехвиашвили Н.М. в «Кошкатхове» (Кошкатау – Т. Дзуганов), и Рехвиашвили Н.М. в с. «Боскерное» (Балкарское – Т. Дзуганов) [Таблица № 2]. Примерно такие же неточные данные и за следующий год. В документах указаны четыре

владельца мануфактурных лавок: Бузукашвили М. в «с. Болкарское», Рехвиашвили И. в «с. Боскеровое», Чегемишвили А. В «с. Болгарское», и Рехвиашвили Н.М. в «с. Кошкатхово» [Таблица № 2].

В последующие два года ситуация со статистикой и учетом торговых заведений в этом обществе заметно меняется в лучшую сторону. Подавляющее большинство торговцев зарегистрированы в «с. Балкарском», поменялся их состав, а также ассортимент предлагаемого товара. Шесть лавок из девяти специализировались на продаже мануфактурных изделий, остальные три – на бакалейной продукции. Жители и гости селения могли приобретать мануфактурный товар в заведениях Бузукашвили Д.А., Бузукашвили М.А., Рехвиашвили А.И., Рехвиашвили И.Н. и Рехвиашвили С.И. Имелась еще одна лавка, которую совместно содержали Амшикашвили М. и Амосев Авдей. Другие – Бузукашвили М.Я., Рехвиашвили Н.М. и Улубашев Х.М., предлагали покупателям бакалейные изделия. Помимо указанных, свою мануфактурную лавку в с. Кашкатау держал Гобеджешвили М.Г. [Таблица № 2].

В выявленных документах за следующий, 1911 г. фигурируют всего восемь торговцев, и все они числятся в «с. Балкарском». Все лавки, за исключением предприятия Улубашева Х.М., торговавшей бакалеей, предлагают своим клиентам смешанный, мануфактурно-бакалейный ассортимент товаров. Поменялся также и списочный состав торговцев. Содержателями отмеченных заведений значились: Амшикашвили Г., Бузукашвили Д., Губецешвили М., Рехвиашвили А. и Рехвиашвили В.З. Помимо отмеченных, имелась еще одна лавка, которую содержали братья Рехвиашвили Ф. и Рехвиашвили М. [Таблица № 2].

За 1912 г. указано только одно торговое заведение – мануфактурная лавка Бабугаева Х. [Таблица № 2].

Не менее интересным было положение дел в торговле и в Урусбиевском обществе. В 1903 г. двенадцать торговых заведений примерно пропорционально распределились между крупнейшими населенными пунктами – Урусбиевским аулом и Гунделеном, и только одно без точной привязки – принадлежавшее Ханукаеву Х.А. По-видимому, Ханукаев находил более выгодным вести дела, не будучи ограниченным рамками одного населенного пункта. К тому же он имел довольно серьезный торг в слободе Нальчик. После 1908 г. торговец вероятно решил сконцентрировать свои усилия на других коммерческих направлениях, т. к. сведений о его деятельности в Урусбиевском обществе более не встречается.

В ассортименте пяти заведений в Урусбиевском ауле официально торговля велась исключительно мануфактурными изделиями. Их владельцами, согласно документам, числились Гавашелиашвили Г.Ш., Лобжанидзе Ант., Шабоев И., Шабоев С.И. и Шабоева Ш.П. Особенно обращает на себя внимание последняя группа торговцев, с большой долей вероятности, являвшихся родственниками. В документах до 1905 г. фамилии этих коммерсантов встречаются регулярно. Данные за 1906 – 1907 гг. изданием не публиковались, а с 1908 г. в Урусбиевском ауле, в списке торговцев появляются некие «Шабаев З.И.» и «Шабаев М.И.» и так вплоть до 1911 г. Правда в 1910 это уже «Шабаев С.И.» и «Шабаев М.И.», а в 1911 г. – «Шабаев С.» и «Шабаев М.». Возможно «Шабаев С.» и Шабаев Сабук, указанный в документах Нальчикского округа в качестве владельца торговой лавки в с. Хату-Анзорово в 1912 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 28 об.], это одно и то же лицо.

В отличие от Хуламского [Таблица № 4] и Безенгиевского [Таблица № 5] обществ, Урусбиевское избежало монополизации всей торговли одним семейным кланом. Списочный состав предпринимателей весьма разнообразен. Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство составляли представители грузинского купечества, традиционно контролировавшего основную часть торговых операций в балкарских ущельях. Среди купцов, в разное время

торговавших в ущелье, помимо перечисленных выше, наиболее часто упоминаются: Рехвиашвили, Гавашелиашвили, Окроперидзе, Чегешвили и др. [Таблица № 3].

Нельзя не отметить и тот факт, что только в Урусбиевском, в отличие от всех других обществ горной Балкарии, в этот период в коммерции участвовали и женщины. Наряду с «Шабоевой» – Шабоевой Ш.П., которая фигурирует в документах с 1903 по 1905 гг., за 1910 г. упоминается некая Шлумова Г.З., чья лавка со «смешанным товаром» была расположена в «с. Урусбиевском», представлявшим наибольший интерес для предпринимателей [Таблица № 3], так как в этот период его активно начинают посещать путешественники и альпинисты.

Процесс усложнение системы функционирования коммерческих предприятий продолжался и позднее. Коммерсанты конкурентной борьбе предпочли объединение усилий, выразившееся в сокращении торговых заведений в процессе слияния. В 1908 г. в с. Гунделен объединяются мануфактурные лавки Чегешвили М. и Рехвиашвили В., там же действовало в это время предприятие Лобжанидзе И.Г. и Лобжанидзе Г. [Таблица № 6]. Эти «совместные» лавки работали в Гунделене и в следующем году, а вот в 1910 г. о них упоминаний уже не встречается, за-то мы находим свидетельство о наличии в этом селении двух «совместных» торговых заведений: мануфактурного – братьев Рехвиашвили М. и Рехвиашвили А., и бакалей, опять же братьев, Лобжанидзе [Таблица № 6]. В 1911 г. количество таких предприятий возрастает вдвое. В Урусбиевском ауле действовали мануфактурно-бакалейные заведения Гавашелиашвили В. и Лобжанидзе М., а также Гавашелиашвили А. и Гавашелиашвили Н. [Таблица № 3]. В Гунделене – торговые точки Рехвиашвили О. и Окроперидзе А., и Рехвиашвили М.И. и Рехвиашвили И. [Таблица № 6].

О продолжавшемся развитии и усложнении форм организации торговли свидетельствует и другой факт – увеличение доли бакалейной продукции в ассортименте торговых точек, в том числе. Прослеживается прямая связь с возросшим материальным благополучием крестьянских масс Балкарии, ощутимыми изменениями в культуре потребления. По неполным данным, в 1909–1910 гг. суммарное количество бакалейных лавок в Урусбиевском ауле [Таблица № 3] и Гунделене [Таблица № 6] не превышало 9, а в 1911 г. их насчитывалось уже 13. В бакалейную торговлю активно включались местные жители. Данные по стационарной сети с. Гунделен помогают установить имена еще двух коммерсантов из числа местного населения. Это Ахматов Ю.М. и Чеченов Т.И. С 1904 г. торговое предприятие Ахматова специализировалось на продаже мануфактурных и бакалейных товаров. Чеченов Т.И. начиная свою деятельность в 1910 г. с мануфактурной торговли, в следующем 1911 г. совмещал ее с бакалейной.

Более сдержанная динамика развития сети торговых заведений наблюдалась в Хуламском обществе. Здесь к началу XX в. вся коммерция была монополизирована семьей Рехвиашвили [Таблица № 4] и к 1902 г. насчитывалось всего три торговых предприятия, хозяевами которых значились: Рехвиашвили И.Н., Рехвиашвили П.К. и Рехвиашвили И.О. Первый вел торговлю мануфактурой, второй смешанную, мануфактурой и бакалейными товарами, третий – только бакалейными [Таблица № 4].

В следующем 1903 г. клан Рехвиашвили владел в Хуламском ущелье уже семью торговыми заведениями [Таблица № 4]. Это количество оставалось неизменным и в 1905 г. [Таблица № 4]. Примечательно, что только одно из них – бакалейная лавка Рехвиашвили И.Н., находилась в селении Хулам. Остальные, по-видимому, базировались в других населенных пунктах общества [Таблица № 4], и преимущественно занимались реализацией мануфактурных изделий. Исключением являлось предприятие Рехвиашвили П.Г. и упомянутого выше Рехвиашвили И.Н. Первый вел торговлю мануфактурой и бакалеей, второй – бакалейными товарами [Таблица № 4]. С 1908 по 1910 гг., по свидетельству документов,

представительство торгового клана сокращается до двух человек [Таблица № 4]. В 1911 г. в с. Хуламском значатся три торговых заведения – мануфактурная лавка Рехвиашвили И. Н., имеющего параллельно вторую лавку в с. Жемтала, бакалейную Рехвиашвили Ивана, и мануфактурно-бакалейную Рехвиашвили П.Г. [Таблица № 4].

В Безенгиевском обществе на протяжении первого десятилетия XX в. официально значатся только два торговых заведения. С 1902 г. – лавка Гогричиани Г., и с 1903 г. – Лобжанидзе М.И. [Таблица № 5].

Сравнивая положение дел в торговле во всех пяти обществах Балкарии в первом десятилетии XX в., мы заметим, что наиболее устойчивая динамика прослеживается в Урусбиевском и Балкарском. Хулам [Таблица № 4] и Безенги [Таблица № 5] ощутимо уступали по показателям роста числа торговых заведений и разнообразию предлагаемого ассортимента. Чегемское общество хоть и имело внушительное количество торговых предприятий, но их ассортимент ограничивался мануфактурными изделиями, к 1911 г., если верить документам, здесь официально действовала только одна бакалейная торговая точка, принадлежавшая Лобжанидзе М. и братьям Гавашелиашвили [Таблица № 1].

Другое важное обстоятельство, мимо которого нельзя пройти, это фиксация данными периодической печати факта участия в финансово-промышленной деятельности коммерческих предприятий торговцев из числа местного населения: «Улубашев Х.М.» и «Бабугаев Х.» в Балкарском обществе [Таблица № 2]; Ахматов Ю.М. и Чеченов Т.И. – в с. Гунделен [Таблица № 6].

Выявленные в архивохранилищах КБР документы позволяют существенно расширить данный список. В составленном в 1912 г. перечне «лиц не менее года владеющими в Нальчикском округе торговыми или промышленными предприятиями» среди других значатся: «с. Безенги» – Хулаев Хусейн [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 23 об.], «с. Болкарское» – Амаев А., Макаев И., Сарибашев З., Таукенов Кипик, Тетуев Х., Улубашев Х.-Х. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 23 об.]. В с. Гунделен: Ахматов Н., Чеченов Б., Чеченов Баби [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 24]. В «с. Урусбиево» – Этезов Сулейман [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 37 об.], в «с. Кашхатау» – Чеченов И., Атабиев К. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 24].

К этому перечню следует добавить владельца торгового предприятия в с. Хабаз – Глашева Яхью [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 840. Т. 1. Л. 28 об.].

Таким образом, опираясь на изученные материалы, можно утверждать, что в первом десятилетии XX в. в финансово-промышленной деятельности в Балкарии были задействованы не только разбогатевшие крестьяне, но и представители горской знати. Помимо отмеченного выше Атабиева К., заведение которого располагалось в с. Кашхатау, в 1913 г. в местности Карасу в Хуламском обществе находилась «торговая лавка» Жанхотовых [Темукуев 2015: 31], а в слободе Нальчик в 1908 г. открывается типография и «магазин канцелярских принадлежностей» И.А. Урусбиева, обеспечивавшие широкий спектр потребностей местной окружной администрации и деловых кругов в канцелярской продукции [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 811. Л. 137–138].

Подводя общие итоги, можно констатировать, что к началу XX в. в Балкарии сложилась разветвленная сеть учреждений розничной торговли. Эти предприятия специализировались на реализации мануфактурной, бакалейной, в меньшей степени, галантерейной продукцией. Сеть создавалась выходцами из закавказской губернии, осуществлявших заготовительную деятельность в горских селениях. Основной их интерес заключался в скупке продуктов животноводства (шерсть, шкуры домашнего скота), ремесленных изделий и прочего. В обмен предлагался широкий ассортимент товаров фабричного производства, мануфактурные изделия, предметы роскоши.

Структура указанной сети не являлась статичной и находилась в состоянии непрерывной трансформации, зависящей от множества факторов: колебания цен на животноводческую продукцию и сырье, динамики роста населения, колебания внутреннего потребительского спроса и прочее. Базой для ее формирования служили временные торговые фактории-склады, организуемые закавказскими купцами в пределах горских общин. К началу XX в. предприниматели южных губерний России монополизировали всю внутреннюю торговлю Балкарии, сохраняли выгодную им меновую организацию торговых операций, тем самым препятствовали развитию непосредственно товарно-денежных отношений.

Влияние транспортной инфраструктуры на развитие товарно-денежных отношений в балкарских обществах, транслируемое советской историографией, по нашему мнению, преувеличено. Строительство колесных дорог, соединивших хозяйства горцев с рынками и ярмарками долины, способствовало не появлению торговых учреждений в Балкарии, а их легализации. Даже после строительства дорог именно закавказские купцы продолжают доминировать в торговом секторе экономики края. Владельцы постоянных заведений отныне подлежали официальной регистрации и постановки на налоговый учет. Вместе с тем создание транспортной инфраструктуры создало необходимые условия для проникновения в горские общины коммерсантов из Терской области и соседних регионов, что, в определенной мере, нарушило торговую монополию сванских и имеретинских купцов.

Активное включение местного населения в коммерческие операции в качестве владельцев стационарных торговых заведений наблюдается по документам с конца XIX в. Свои постоянные лавки в горских общинах открывали разбогатевшие на торговле скотом крестьяне и представители знати.

Отличительной чертой внутренней торговли Балкарии являлось многообразие форм ее организации, выразившееся в переплетении деятельности оптовых скупщиков-прасолов, коробейников, временных лавочников и стационарной торговой сети. Долгие годы действовавшие в условиях ограниченной доступности, предприниматели адаптировались к специфике местного рынка, заинтересованного в сочетании менового и товарно-денежного характера коммерческих операций, сохранявшегося и в первом десятилетии XX в.

Приложение

Таблица № 1

Владельцы торговых заведений в Чегемском обществе

Года	Владельцы торговых заведений		
	Мануфактурные лавки	Бакалейные лавки	Галантерейные лавки
1902	1. Гавашелишвили П.Б. 2. Лобжанидзе Г.		
1903	1. Гавашелишвили П.Б. 2. Лобжанидзе Ал. 3. Лобжанидзе Г.Н.		
1904	1. Гавашелишвили П.Б. 2. Лобжанидзе Ал. 3. Лобжанидзе Г.Н. 4. Рехвишвили А.И.		

1905	1. Гавашелиашвили П.Б. 2. Лобжанидзе Ал. 3. Лобжанидзе Г.Н. 4. Рехвиашвили А.И.		
1908			
1909			
1910	1. Гавашелиашвили братья	1. Гавашелиашвили братья	
1911	1. Лобжанидзе М. и братья Гавашелиашвили С. и Гавашелиашвили М.	1. Лобжанидзе М. и Гавашелиашвили С. и Гавашелиашвили А.	
1912			

[Вся Донская... 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Таблица № 2

Владельцы торговых заведений в Балкарском обществе

Года	Владельцы торговых заведений		
	Мануфактурные лавки	Бакалейные лавки	Галантерейные лавки
1902	1. Рехвиашвили О.Г. 2. Рехвиашвили С. 3. Рехвиашвили С.И. 4. Рехвиашвили Т. 5. Рехвиашвили Н.П. 6. Чегелишвили И.Ш.	1. Рехвиашвили К. 2. Рехвиашвили Т.К.	1. Рехвиашвили Б.М. 2. Рехвиашвили Н.П.
1903	1. Амшикашвили И.К. 2. Рехвиашвили Б.М. 3. Рехвиашвили Н.П. 4. Рехвиашвили К.Б. 5. Рехвиашвили О.Г. 6. Рехвиашвили О. 7. Чагелиашвили И.Т. 8. Чагелиашвили О.Ш.		
1904	1. Амшикашвили И.К. 2. Рехвиашвили Б.М. 3. Рехвиашвили И.П. 4. Рехвиашвили К.Б. 5. Рехвиашвили О.Г. 6. Рехвиашвили А.И. 7. Чагелиашвили И.Т. 8. Чагелиашвили О.Ш.		
1905	1. Амшикашвили И.К. 2. Рехвиашвили А.И. 2. Рехвиашвили Б.М. 3. Рехвиашвили Н.П. 4. Рехвиашвили К.Б. 5. Рехвиашвили О.Г. 6. Рехвиашвили О.		

	7. Чагелиашвили И.Т. 8. Чагелиашвили О.Ш.		
1908	1.Чегемишвили А.		
1909	1. Амшикашвили М. и Амаев А. 2. Бузукашвили Д.А. 3. Бузукашвили М.А.		
1910	1. Рехвиашвили А.И. 2. Рехвиашвили И.Н. 3. Рехвиашвили С.И.	1. Бузукашвили М.Я. 2. Рехвиашвили Н.М. 3. Улубашев Х.М.	
1911	1. Амшикашвили Г. 2. Бузукашвили Д. 3. Губедашвили М. 4. Рехвиашвили А. 5. Рехвиашвили В.З.		
1912	1. Бабугаев Х.		

[Вся Донская... 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Таблица № 3

Владельцы торговых заведений в Урусбиевском обществе

Года	Владельцы торговых заведений		
	Мануфактурные лавки	Бакалейные лавки	Галантерейные лавки
1902			
1903	1. Гавашелиашвили Г.Ш. 2. Лобжанидзе Ан. 3. Ханукаев Х.А. 4.Шабоев И. 5.Шабоев С.И. 6.Шабоева Ш.И.		
1904	1. Гавашелиашвили Г.Ш. 2. Лобжанидзе Ан. 3. Ханукаев Х.А. 4.Шабоев И. 5.Шабоев С.И. 6.Шабоева Ш.И.		
1905	1. Гавашелиашвили Г.Ш. 2. Лобжанидзе Ан. 3. Ханукаев Х.А. 4.Шабоев И. 5.Шабоев С.И. 6.Шабоева Ш.И.		
1908	1.Лобжанидзе А. 2. Шабоев З.И. 3. Шабоев М.И.		

1909	1. Лобжанидзе А. 2. Шабаев З.И. 3. Шабаев М.И.		
1910	1. Акуваев И.Н. 2. Шабоев М.И. 3. Шабоев С.И. 4. Шагобаев Адинагу	1. Акуваев И.Н.	
1911	1. Гавашелиашвили В. и Лобжанидзе М. 2. Гавашелиашвили А. и Гавашелиашвили Н. 3. Шабаев С. 4. Шабаев М.	1. Акуваев И.Н. 2. Гавашелиашвили В. и Лобжанидзе М.	
1912			

[Вся Донская... 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Таблица № 4

Владельцы торговых заведений в Хуламском обществе

Года	Владельцы торговых заведений		
	Мануфактурные лавки	Бакалейные лавки	Галантерейные лавки
1902	1. Рехвиашвили И.Н. 2. Рехвиашвили И.К.		
1903	1. Рехвиашвили А 2. Рехвиашвили Г.А. 3. Рехвиашвили И.А. 4. Рехвиашвили Ив.П. 5. Рехвиашвили П.Г. 6. Рехвиашвили П.	1. Рехвиашвили И.Н. 2. Рехвиашвили Г.Г.	
1904	1. Рехвиашвили А 2. Рехвиашвили Г.А. 3. Рехвиашвили И.А. 4. Рехвиашвили Ив.П. 5. Рехвиашвили И.Г. 6. Рехвиашвили П.	1. Рехвиашвили И.Н. 2. Рехвиашвили П.Г.	
1905	1. Рехвиашвили А 2. Рехвиашвили Г.А. 3. Рехвиашвили И.А. 4. Рехвиашвили Ив.П. 5. Рехвиашвили И.Г. 6. Рехвиашвили Н.		
1908	1. Рехвиашвили И. 2. Рехвиашвили П.К.		
1909	1. Рехвиашвили И. 2. Рехвиашвили П.К.		
1910	1. Рехвиашвили И.Н.	1. Рехвиашвили П.Г.	
1911	1. Рехвиашвили И.Н. 2. Рехвиашвили П.Г.	1. Рехвиашвили И. 2. Рехвиашвили И.Г.	
1912			

[Вся Донская... 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158-160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Таблица № 5

Владельцы торговых заведений в Безенгиевском обществе

Года	Владельцы торговых заведений		
	Мануфактурные лавки	Бакалейные лавки	Галантерейные лавки
1902			
1903	1. Гогричиани Г.О. 2. Лобжанидзе М.И.		
1904	1. Гогричиани Г.О. 2. Лобжанидзе М.И.		
1905	1. Гогричиани Г.О. 2. Лобжанидзе М.И.		
1908			
1909	1. Лобжанидзе М.		
1910	1. Гогричиани Г.О. 2. Лобжанидзе М.И.		
1911			
1912			

[Вся Донская... 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Таблица № 6

Владельцы торговых заведений в с. Гунделен

Года	Владельцы торговых заведений		
	Мануфактурные лавки	Бакалейные лавки	Галантерейные лавки
1902			
1903	1. Ахматов Ю.М. 2. Дегиллов Ш. 3. Лобжанидзе И.И. 4. Лобжанидзе М.К. 5. Шаулов Р. 6. Шегобаев М.	1. Ахматов Ю.М.	
1904	1. Ахматов Ю.М. 2. Дегиллов Ш. 3. Лобжанидзе И.И. 4. Лобжанидзе М.И. 5. Шаулов Р.	1. Ахматов Ю.М.	
1905	1. Ахматов Ю.М. 2. Дегиллов Ш. 3. Лобжанидзе И.И. 4. Лобжанидзе М.И. 5. Шаулов Р. 6. Шегобаев М.	1. Ахматов Ю.М.	

1908	1. Ахматов Ю.М.; 2. Гриднев Ш. 3. Лобжанидзе И.Г. и Лобжанидзе Г. 4. Рехвиашвили О.А. 5. Рехвиашвили О.Ф. 6. Чегешвили М. 7. Рехвиашвили В.		
1909	1. Ахматов Ю.М. 2. Гриднев Ш. 3. Лобжанидзе И. Г. и Лобжанидзе Г. 4. Чегешвили М. 5. Рехвиашвили В.		
1910	1. Дегиллов Ш. 2. Рехвиашвили И.Г. 3. Рехвиашвили М. и Рехвиашвили А. (братья) 4. Чеченов Т.И.	1. Лобжанидзе (братья)	
1911	1. Дисидов Р. 2. Лобжанидзе Г.Г. 3. Рехвиашвили О. и Окроперидзе А. 4. Рехвиашвили М.К. и Рехвиашвили И. 5. Рехвиашвили М. и Рехвиашвили Ф. (братья) 6. Чеченов Т.	1. Диклов Р. 2. Лобжанидзе Г.Г. 3. Лобжанидзе И.Н. 4. Рехвиашвили О. и Окроперидзе А. 5. Рехвиашвили О. и Рехвиашвили С. 6. Рехвиашвили М.И. и Рехвиашвили И. 7. Чеченов Т.	
1912			

[*Вся Донская...* 1901: 244–245; 1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904: 158–160; 1905: 156–159; 1908: 278–280; 1909: 139–140; 1910: 94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].

Список источников

Вся Донская ... – Вся Донская область и Северный Кавказ: Учреждения и должностные лица. Промышленные и торговые предприятия. Ростов/Д: Вып.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912.

Казбек 1896 – *Казбек*. 1896. № 76. 1896. С. 2.

Кипиани 1884 – *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ: Типография Тер. обл. правл., 1884. С. 47.

Крикунова 1960 – *Крикунова Е.О.* Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период / *Ученые записки КБНИИ.* Т. XVII. Нальчик, 1960. С. 123–149.

Кучмезова 1967 – *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период / *Ученые записки КБНИИ.* Т. XXV. Нальчик, 1967. С. 59–73.

Кумыков 1968 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. С. 419.

Муратова 2019 – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // *Кавказология.* 2019. С. 12–36.

Нарышкины 1872 – *Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году* // Известия императорского русского археологического общества. Т. № 7. СПб., 1872. С. 325–368.

Сабанчиев 1989 – *Сабанчиев Х.-М.А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии*. Нальчик, 1989. С. 230.

Темукуев 2015 – *Темукуев Б.Б. Под сенью гор: взлеты и падения*. Кн. 1. Нальчик, 2015. С. 506.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды* // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 152–216.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

Vsya Donskaya ... – *Vsya Donskaya oblast' i Severnyi Kavkaz: Uchrezhdeniya i dolzhnostnye litsa. Promyshlennyye i torgovyye predpriyatiya* [The whole Don Region and the North Caucasus: Institutions and officials. Industrial and commercial enterprises]. Rostov/D: Vyp.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912. (In Russian).

Kazbek. 1896. № 76. 1896. P. 2. (In Russian)

KIPANI M.Z. *Ot Kazbeka do El'brusa: Putevyye zametki o nagornoj polose Terskoj oblasti* [From Kazbek to Mount Elbrus: Notes on the Terek Highlands]. Vladikavkaz: Tipografiya Ter. obl. pravl., 1884. 47 p. (In Russian).

KRIKUNOVA E.O. *Nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Balkarii v poreformennyi period* [Some issues of socio-economic development of Balkaria in the post-reform period]. IN: Uchenyye zapiski KBNII. Tom XVII. Nal'chik, 1960. P. 123–149. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.Ch. *Proniknovenie kapitalisticheskikh otnoshenii v ekonomiku balkarskikh obshchestv v poreformennyi period* [The Penetration of Capitalist Relations in the Economy of Balkar Societies in the Post-Reform Period]. IN: Uchenyye zapiski KBNII. Tom XXV. Nal'chik, 1967. P. 59–73. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and Cultural Development of Kabarda and Balkaria in the 19th Century]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 419 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Balkarskie gorskie obshchestva v usloviyakh imperskoj modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitie* [Balkar Mountain Societies in the Imperial Modernization of Russia: Ethno-Social Consolidation and Development]. IN: Kavkazologiya. 2019. P. 12–36. (In Russian)

Otchet gg. Naryshkinykh, sovershivshikh puteshestvie na Kavkaz (Svanetiyu) s arkheologicheskoi tsel'yu, v 1867 godu [Report of Messrs. The Naryshkins, who made a trip to the Caucasus (Svaneti) for archaeological purposes in 1867] // Izvestiya imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva. T. № 7. SPb., 1872. P. 325–368. (In Russian)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Poreformennaya Balkariya v otechestvennoy istoriografii* [Post-reform Balkaria in Russian historiography]. Nal'chik, 1989. 230 p. (In Russian)

TEMUKUEV B.B. *Pod sen'yu gor: vzlety i padeniya. Kniga 1* [Under the shadow of the mountains: ups and downs. Vol. 1]. Nal'chik, 2015. 506 p. (In Russian)

Tul'chinskii N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy* [The Five Highland Societies of Kabarda] IN: Terskii sbornik. Vladikavkaz, 1903. Вып. 5. P. 152–216. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, одобрена после рецензирования 10.12.2022, принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022, approved after reviewing 10.12.2022, accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.638)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-74-80

ИЗ ИСТОРИИ РЕГИОНА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД: АДЫГСКИЕ И АБАЗИНСКИЕ ТОПОНИМЫ

Владимир Александрович Фоменко

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»», Нальчик, Россия, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© В.А. Фоменко, 2022

Аннотация. В статье рассмотрены основные адыгские и абазинские топонимы на территории современного региона Кавказских Минеральных Вод. Эти названия преимущественно упоминаются в исторических документах и на картах. В разговорной речи они лишь частично сохранились до наших дней. Данные топонимы связаны с историей адыгского (кабардинского) населения Центрального Предкавказья.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью и разобщенностью сведений об адыго-абазинской топонимии изучаемого региона. Новизна исследования состоит в том, что в нашей работе адыгские и абазинские топонимы Кавказских Минеральных Вод рассмотрены на современном уровне развития отечественного кавказоведения.

Автором впервые в историографии проведен типологический и хронологический анализ адыго-абазинского слоя топонимии в пределах изучаемого региона (выделены группы (оронимы, гидронимы и названия населенных пунктов) и высказано предположение о различных периодах их возникновения).

Сделаны выводы об исторической ценности, необходимости сохранения и ревитализации адыго-абазинской топонимии Кавказских Минеральных Вод. Высказано предположение, что динамика исторических и этнокультурных связей адыгов и абазин может быть конкретизирована и детализирована при дальнейшем изучении топонимики региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, регион Кавказских Минеральных Вод, эпоха древности, Средние века, Новое время, адыгские и абазинские топонимы, проблемы сохранения

Для цитирования: Фоменко В.А. Из истории региона Кавказских Минеральных Вод: адыгские и абазинские топонимы // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 74–80. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-74-80

Original article

FROM THE HISTORY OF REGION OF CAUCASIAN MINERAL WATERS: ADIGE AND ABAZA TOPONIMES

Vladimir A. Fomenko

The Institute for the Humanities Research – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»», Nalchik, Russia, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© V.A. Fomenko, 2022

Abstract. The article considers the main Adyghe and Abaza toponyms on the territory of the modern region of the Caucasian Mineral Waters. These names are mostly mentioned in historical documents and on maps. In colloquial speech, they are only partially preserved to this day. These toponyms relate to the history of the Adyghe (Kabardian) and Abaza population of the Central Ciscaucasia. The relevance of the study is due to insufficient knowledge and disunity of information about the Adyghe-Abaza toponymy of the region under study. The novelty of the study lies in the fact that in our work the Adyghe and Abaza toponyms of the Caucasian Mineral Waters are considered at the current level of development of domestic Caucasian studies. The author for the first time in historiography carried out a typological and chronological analysis of the Adyghe and Abaza layer of toponymy within the studied region (groups (oronyms, hydronyms and names of settlements) were identified and an assumption was made about different periods of their origin).

Conclusions are drawn about the historical value, the need to preserve and revitalize the Adyghe and Abaza toponymy of the Caucasian Mineral Waters. It is suggested that the dynamics of historical and ethno-cultural ties between the Circassians and the Abazins can be concretized and detailed in the further study of the toponymy of the region.

Keywords: North Caucasus, the region of the Caucasian Mineral Waters, the era of antiquity, the Middle ages, Modern times, Adyghe and Abaza toponyms, conservation problems

For citation: Fomenko V.A. From the history of region of Caucasian Mineral Waters: adige and abaza toponimes. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 74–80. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-74-80

Изучение адыго-абазинских топонимов региона Кавказских Минеральных Вод проводилось Дж.Н. Коковым [Коков 2000], автором этих строк и другими исследователями. Более или менее детально рассматривались происхождение и этимология некоторых названий гор, водоемов и иных географических объектов. Однако связь развития этой части топонимии с историей местного населения на конкретной территории не была темой отдельного научного исследования.

Целью настоящей статьи является обзор и обобщение данных об адыгских и абазинских топонимах региона, а также общая оценка их исторического значения.

В работе использованы принципы системности, локальной (региональной) принадлежности, историзма, а также историко-типологический, сравнительно-исторический, ретроспективный и ряд другим методов научного исследования. Особенностью авторского подхода к исследованию является его междисциплинарность, позволяющая понимать и выявлять историческое и этнокультурное содержание топонимов, используя данные западнокавказской филологии, в т.ч. ономастики и фольклористики.

Рамки нашего исследования включают юго-западную часть Ставропольского края и частично соседние Зольский район Кабардино-Балкарии и Малокарачаевский район Карачаево-Черкесии.

История Кабардино-Балкарии и сопредельного региона Кавказских Минеральных Вод теснейшим образом связана с древнейших времен, со времен когда начал создаваться эпос Нарты.

Население бассейнов Малки и Баксана было близким по культурно-этническому составу с жителями бассейна реки Подкумок и верховий Кумы. Эта закономерность связана с близостью территорий и сходством природных условий, что отмечено исследователями археологических памятников, а также адыгских и абазинских поселений Нового времени. В истории региона топонимика является одним из важных оснований исторических исследований, подтверждением изменений этнического состава населения на протяжении различных временных периодов.

Еще в XIII–XV вв., во время формирования феодального образования Кабарда, в сложении кабардинского этноса, вместе с адыгами, приняли участие группы этнически и культурно родственных абазин. В XIX в. политика военно-казачьей администрации привела к переселению адыгов и абазин из региона Кавказских Минеральных Вод в Кабарду. В результате чего население современного

Зольского и части Баксанского районов Кабардино-Балкарии в большинстве состоит из потомков переселенцев.

Назовем основные группы топонимов адыго-абазинского происхождения, характеризующие историю адыгов и абазин изучаемого региона и приведем характерные примеры наиболее типичных и интересных названий, сохранившихся здесь или обозначенных на старинных картах.

К наиболее древним и фрагментарно сохранившимся топонимам относятся названия гор района Кавказских Минеральных Вод (Бештау, Золотой курган, Машук).

Гора Бештау (Рис. 1) (с тюркского – пять гор) – самая высокая вершина района Кавминвод, имеет высоту 1401 м. Время появления современного (тюркского) названия горы Бештау, так же, как и всей окружающей местности (Пятигорье), относится ко времени не позднее XIV в. По данным историка П.Г. Акритаса, существовало древнее название пятиглавой горы на кабардинском языке Ошхитху (Іуашхьитху) [Акритас 1954]. Гора Бештау упоминается в «Песне старых нартов» – одной из древнейших песен адыгского эпоса [Нарты 1974: 280–281].

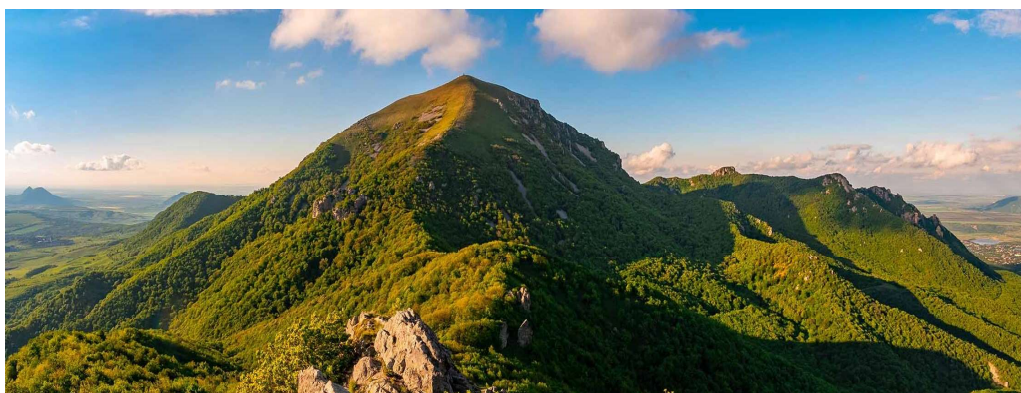

Рис. 1. Гора Бештау.

Вполне вероятно, что гору Золотой курган (Рис. 2) на юге Кавказских Минеральных Вод можно отождествлять с Хьэрэмэ Іуашхьэ (горой дележа добычи), название которой сохранилось в эпосе нартов [Нарты 1974: 409].

Рис. 2. Гора Золотой курган.

Согласно легенде, название возвышающейся над городом Пятигорском горы Машук (Рис. 3) связано с именем героя. Бесстрашный кузнец Машуко защищал простой народ от притеснений феодалов [Батчаев, Стефанеева 1969: 40–43].

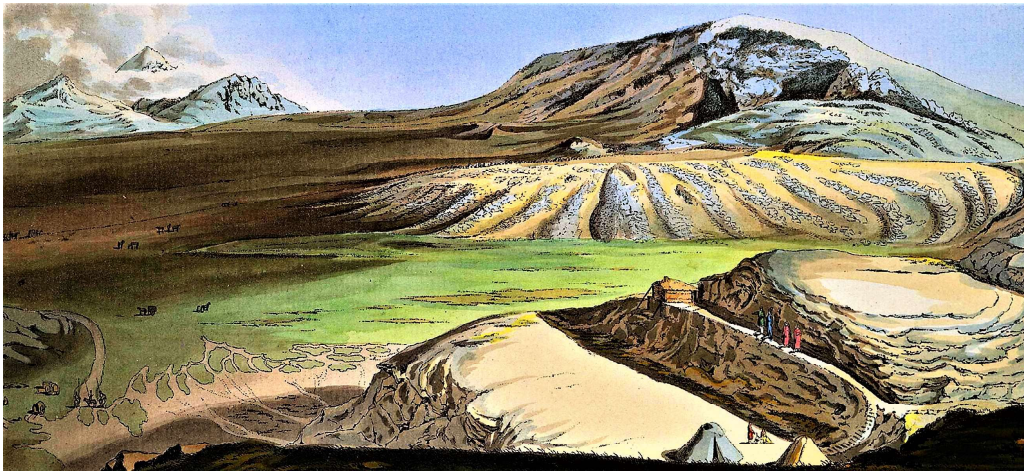

Рис. 3. Гора Машук на фоне горы Бештау. Конец XVIII в., по П.С. Палласу.

Археологическим подтверждением плотной заселенности региона Кавказских Минеральных Вод адыгами и абазинами являются данные о существовании здесь десятков кладбищ XIV–XVIII вв., представленных группами курганов старокабардинской культуры (Рис. 4) [Фоменко 2002: 61–63]. Интересно, что значительная часть этих могильников находилась у подножия горы Машук.

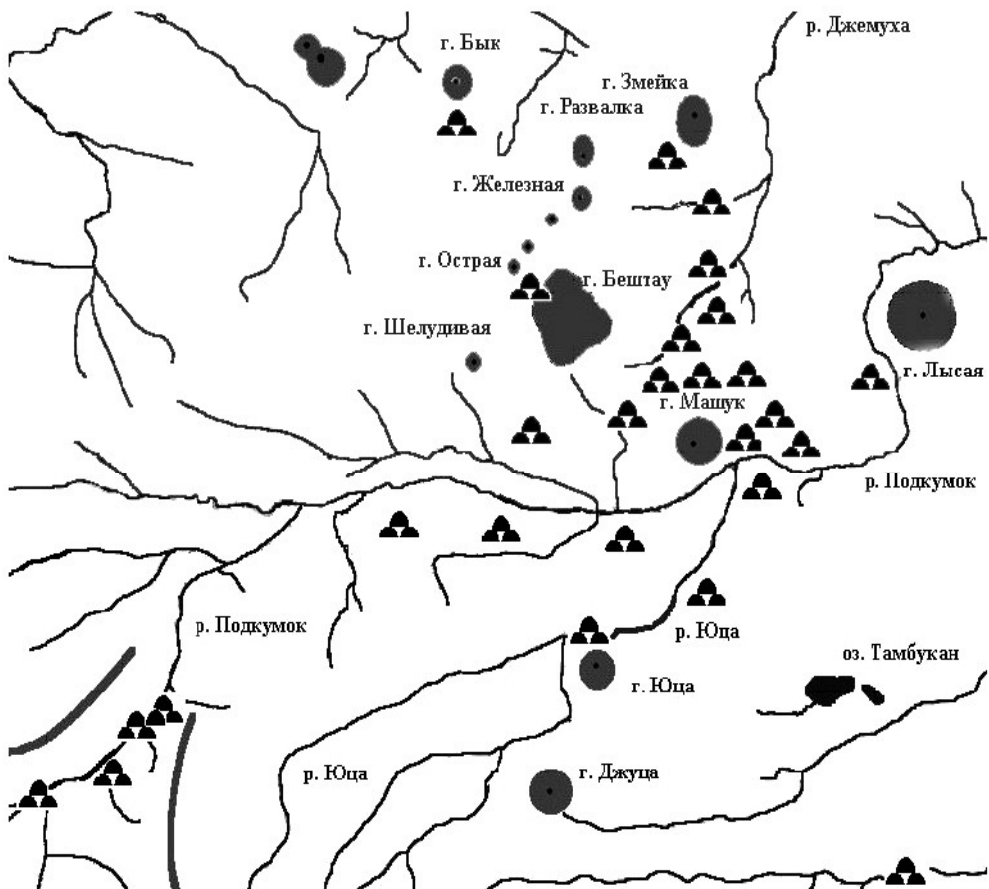

Рис. 4. Группы курганов старокабардинской культуры XIV–XVIII вв. на территории Кавказских Минеральных Вод, по Фоменко В.А. 2002.

Адыго-абазинские названия рек и озер (Джемуха, Эссентучок, Жемгата, Золка, Золотушка, Тамбукан, Этока) также представлены в изучаемом районе и входят в ранний слой топонимики региона. Приведем в качестве примера заметно искаженное к нашему времени название небольшой речки.

Гидроним Большой Эссентучок и название города-курорта Эссентуки связаны с холмообразной возвышенностью Эссентук (Рис. 5) у устья упомянутой реки. В современном кабардинском языке словосочетание Эсен тЫгу переводится как край (область или граница) Эсена / Эсена. Тюркско-монгольское личное имя Эсен, распространенное в эпоху Средневековья, сохранилось и в антропонимии адыгов (современная фамилия Эсенкуловы, фамилия героев фольклора Ешаноковы) [Фоменко 2020].

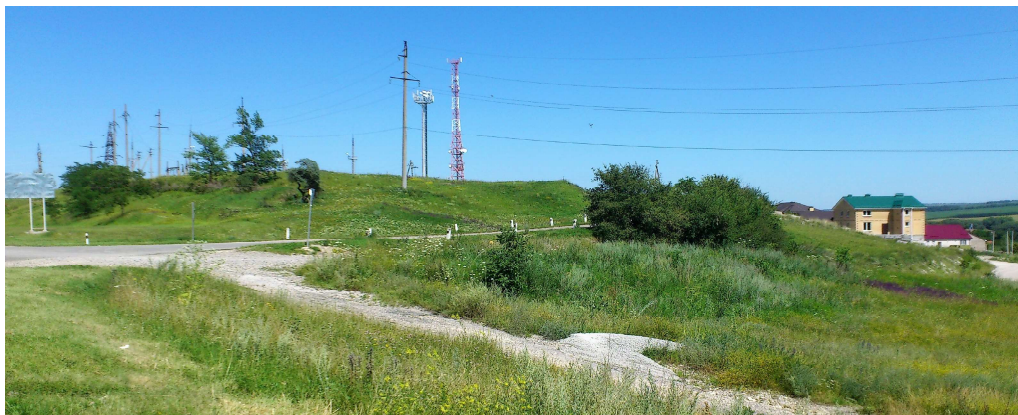

Рис. 5. Вершина холма Эссентук.

С фамилиями, реже именами, кабардинских и абазинских князей и дворян связаны названия населенных пунктов, существовавших в XVIII – начале XX в. в районе Кавказских Минеральных Вод (Абуков, Аджиев, Аликонов, Арсланбек (Росламбек), Атажукин, Бабуков, Джантемиров, Кармов, Лоов, Махуков, Тамбиев, Трамв и другие) [Фоменко 2002: 25–52].

Например, в изучаемом районе известны три селения, основанные с XVIII по начало XX в. дворянами Абуковыми, в том числе: Абыкъухьэблеж на месте современного Первомайского (Малокарачаевский район) и Абуково на реке Золка (современный поселок Залукокоаже). Абуковы – дворянский род Большой Кабарды, имеющий абазинское происхождение. Название фамилии Абуковы (по-кабардински – Абыкъу/Абыкъуэ) происходит от абазинского слова абхъв, что переводится как скала, гора, горный [Фоменко, Яновский 2021].

Часть селений в XVIII – середине XIX в. в районе Кавказских Минеральных Вод были полиэтничными (Каррас, Кошев и др.). В них жили кабардинцы, абазинцы и татары (ногайцы – В.Ф.). Так, по сведениям Дж.Н. Кокова, близ нынешнего города Минеральные Воды рядом с ногайским селением Канглы существовало поселение Шеркеш Коколар (ног. «черкесы Коковы»), основанное в XIX в. группой переселенцев из Кабарды, спасавшихся от эпидемии [Коков 2000: 425].

Таким образом, на территории современного района Кавказских Минеральных Вод сохранился пласт исторических названий гор, рек, озер и селений адыгского и абазинского происхождения. Эти топонимы относятся к различным хронологическим эпохам от древности до середины XIX в.

Географические названия остаются важнейшим источником по истории адыгского и абазинского населения региона. Существует необходимость составления полного свода этих топонимов и программы ревитализации исторической топонимии Кавказских Минеральных Вод.

Места расположения адыго-абазинских и ногайских аулов XVIII – середины XIX в. в изучаемом регионе необходимо считать историческими памятниками и поэтапно принимать меры против их застройки и других разрушений. Важно также приводить данные об этих старинных селениях (например, карты, объяснения топонимов) в учебных пособиях, шире использовать в музейно-выставочной и экскурсионной работе.

История адыго-абазинских селений Кавказских Минеральных Вод познавательна и научно ценна. К ней следует бережно относиться, в том числе и по причине расположения этих памятников вне территории современной Кабардино-Балкарии.

Вместе с тем, обзор сохранившихся топонимов, к сожалению, пока не позволяет говорить о полной реконструкции системы топонимов адыго-абазинского населения региона Кавказских Минеральных Вод. Дальнейшее изучение топонимики региона позволит конкретизировать и детализировать эволюцию расселения и его структуру, а также динамику исторических и этнокультурных связей здешних адыгов и абазин.

Список источников

Акритас 1954 – *Акритас П.Г.* Древнейшее название горы Бештау // Сборник статей по истории Кабарды / гл. ред. П.А. Лебедев. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1954. Вып. 3. С. 208–214.

Батчаев, Стефанеева 1969 – *Батчаев М., Стефанеева Е.* Горы и нарты. Кавказские легенды. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1969. 96 с.

Коков 2000 – *Коков Дж.Н.* Избранные труды: в 2 т. Нальчик: Эльбрус, 2000. Т. 1. Адыгская топонимия. 486 с.

Нарты 1974 – *Нарты. Адыгский героический эпос* / отв. ред. В.М. Гацак. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 415 с.

Фоменко 2020 – *Фоменко В.А.* О происхождении названий Эссентук, Эссентучок и Эссентуки // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 8. С. 26–33. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33721

Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. / под ред. В.А. Казначеева. Пятигорск: Технологический университет, 2002. 76 с.

Фоменко, Яновский 2021 – *Фоменко В.А., Яновский В.С.* Об истории и памятниках селений Абуковых второй половины XVIII – начала XX в. // *Кавказология*. 2021. № 3. С. 12–43. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-12-43

References

AKRITAS P.G. *Drevnejshee nazvanie gory Beshtau* / gl. red. P.A. Lebedev [The oldest name of Mount Beshtau] IN: *Sbornik statej po istorii Kabardy* [Collection of articles on the history of Kabarda / ch. red. P.A. Lebedev]. Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1954. Issue 3. P. 208–214. (In Russian)

BATCHAEV M., STEFANEEVA E. *Gory i narty. Kavkazskie legendy* [Mountains and heroes. Caucasian legends]. Stavropol: Stavropolskoe knizhnoe izdatelstvo, 1969. 96 p. (In Russian)

KOKOV DZH.N. *Izbrannye trudy. Vol. 1. Adygskaya toponimiya* [Selected works. Vol. 1. Adyghe toponymy]. Nalchik: Elbrus, 2000. 488 p. (In Russian)

Narty. Adygskij geroicheskij epос / red. V.M. Gatsak [Narts. Adyghe heroic epic / ed. V.M. Gatsak]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatelstva «Наука», 1974. 415 p. (In Russian)

FOMENKO V.A. *O proiskhozhdenii nazvanij Essentuk, Essentuchok i Essentuki* [On the origin of the names Yessentuk, Essentuchok and Essentuki] IN: *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research]. 2020. No. 8. P. 26–33. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33721. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Pyatigorie v XV – seredine XVIII v. / pod red. V.A. Kaznacheeva* [Pyatigorye at the 15th – the middle of the 18th century. Edited by V.A. Kaznacheev]. Pyatigorsk: Technologicheskij universitet, 2002. 76 p. (In Russian)

FOMENKO V.A., YANOVSKY V.S. *Ob istorii i pamyatnikah selenij Abukovyh vtoroj poloviny XVIII – nachala XX v.* [On the history and monuments of the Abukov villages in the second half of the 18th – early 20th centuries] // *Kavkazologiya* [Caucasology]. 2021. №. 3. P. 12–43. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-12-43. (In Russian)

Информация об авторе

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии.

Information about the author

V.A. Fomenko – Candidate of Science (History), assistant professor, Head of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 07.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-81-92

АДЫГЭ БЭЭЦЭНЬГЭ ФЭШЦЫГЭЭЦЭХЭР ЗЭРЫЗЭТЕУВАМРЭ АХЭР ДЯПЭКЛЭ ЗЭРЕБГЭФЭКЛЭГЭНУ ШЦЫКЛЭМРЭ

Бицло Борис Чмал и кьуэ

Гуманитар кьэхутэныгэхэмклэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шлэныгэ Луэхушлалэ «Урысейм шлэныгэхэмклэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шлэныгэ центр» Федеральнэ шлэныгэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Бицло Б.Ч., 2022

Аннотацэ. Тхыгэр теухуаш адыгэбзэм (кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм) и бээцлэныгэ фэшцыгэцлэ системэм мы зэманым и Луэху зытетымрэ ар дяпэклэ еггэфлэклауа, абы зегъэужба зэрыхунум и Лэмал, хэклэплэхэр кьэлыхьуэнымрэ зэхэгэклынм. А мурадхэр зэдгэхьулэн папшлэ мы Луэхугуэм и кьэжаплэ хьуамрэ абы кьиклуа гьуэгуанэмрэ я тхыдэр шлэдопщытыклэ, япэ кьэбэрдей-шэрджэс грамматикэр зэхэзылхьа Нэгумэ Шорэ и деж кьышцышлэдзауэ ди нобэм кьэсыху. Гулгытэ хэха худощлэ япэ адыгэ бээцлэныгэллэхэм ящыц Борыкьуей Тутлэ и Луэжым, кьыдоггэлыгьуэ иджырей адыгэ бээцлэныгэ флэшыгэцлэхэм ипэжыплэклэ ар и льябжьэггэтылгыу зэрышцытыр. Лэжыггэм нэлурыт шохьу бээцлэныгэ флэшыгэцлэхэр кьэггэщын Луэхур 1950 гьэхэм шцышлэдзауэ кьызырыувылар икли абы и зэранклэ езы бзэр и льябжьэу иджыпсту апхуэдэ термину дилэхэр икьуклэ зэрымащлэр. Флэшыгэцлэ куэдым дызэрыхушцышлэр зэран мэху бээцлэныгэ кьэхутэныгэхэр анэдэлхубзэклэ еггэклэуэнымыклэ, апхуэдэ тхыггэу кьыдэклэ мащлэми хамэбзэ псалгэхэр кьобэклэ, лэпкьэ шлэныгэ стилиым знужба хьуркьым. А шцышлэныгэхэр шцымылэжын папшлэ жэрдэм кьыхыдолхьэ тхуримыкьу псалгэхэр иклэшлэплэклэ шлэуэ кьэдггэшлэну – абыклэ шапхэ тхуэхун хуейш адрей бзэхэм, псом япэу урысыбзэм, а Луэхугуэмклэ зраггэхьуллахэр. Мы проблемэр зэфлэха зэрыхуну шлэклэмклэ шылэ хэклэплэхэм пыухыклауэ я гугьу шцытшлэц статгьам.

Кьэхутэныггэм кьышцыггэсэбэпащ ящыгьупщэжа, куэд зышцымыгьуазэ, дунейм кьызыртехьэрэ зэманьфлэ дэкла тхылыггэмрэ архив материалхэмрэ – абыхэм кьызышлэуабыдэ XIX лэшцыгьуэм щеггэжьауэ 1920-1930 гьэхэм кьэс лэжхэнэ. Абыхэм нэмышлэ зэпкьырыдох 1940 гьэхэм щеггэжьауэ мы зэманым кьэсыху адыгэбзэклэ кьыдэклауэ шылэ бээцлэныгэ литературэр, бээцлэныгэ флэшыгэцлэхэм я псалгальгэу урысыбзэми, нэггэуэцлэ бзэхэми хуэхалхьа псалгальгэхэр.

Кьэхутэныггэм щедггэклэуэклэ шлэныггэм и Лэмал зэмылэужыгьуэхэр – кьэтхэклэныггэ, зэпкьырыныггэ, зэггэщэныггэ, бээцлэныггэ интерпретацэ, н.кь.

Статгьам кьыкьуаш кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм и бээцлэныггэ терминологиэм и иджырей шцытыклэр налуэ кьызырытшлар, абы хэлэ шцышлэныггэхэр кьышлэггэща, ар ебггэфлаклэуэ зэрыхуну хэклэплэр убзыхуа зэрыхуар. Мыхьэнэшхуэ зилэ кьалэныр – бээцлэныггэ флэшыгэцлэхэм я лэпкьэ системэ нэс зэггэпэщыныр – палгэ клэшлэклэ ехьулэныггэ пылыггэзэщлэ хьумэ, абы Лэмал кьыдытынуш дяпэклэ ди бзэм теухуауэ едггэклэуэклэ кьэхутэныггэхэр анэдэлхубзэклэ дунейм кьытедггэхьэну, апхуэдэ шлэклэкли адыгэбзэм и шлэныггэ стиль нэггэса зэтэдггэуэну.

Зэрыгьуазэ псалгэхэр: кьэбэрдей-шэрджэсыбзэ, бээцлэныггэ флэшыгэцлэхэр, урысыбзэ, клэхэбзэ (адыгеибзэ), нэггэуэщыбзэ псалгэхэр, стиль

Цитатэ кызырэхынур: Бишо Б.Ч. Адыгэ бзэшэныгъэ флэшыгъэцлэхэр зрызэтевамрэ ахэр дяпэклэ зэрэбгъэфлэжлуэну шыкэмрэ // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 81–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-81-92

Original article

THE CURRENT STATE OF KABARDINO-CIRCASSIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY AND WAYS TO IMPROVE IT

Boris Ch. Bizhiov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhiov1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhiov, 2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the state of the system of linguistic terms of the Kabardino-Circassian language and the search for ways for its further development. For this purpose, the history of its formation is traced, starting from the author of the first Kabardian grammar to modern Adyghe literature. Particular attention is paid to the activities of one of the first linguists who came out of the native speakers of the Kabardino-Circassian language T.M. Borukaev, who is actually the founder and creator of the main fund of modern linguistic terminology. It has been revealed that the process of its expansion and development has actually stopped since the 1950s, as a result of which there is a clear lack of special terms created on the basis of the native language, and linguistic literature in the Kabardino-Circassian language is characterized by oversaturation with foreign names. To eliminate this shortcoming, it is proposed to quickly form the missing terms, using the experience of other languages – primarily Russian, as well as closely related Adyghe. The article suggests specific ways to implement this task.

The study for the first time involved unknown currently inaccessible publications and archival materials of the late 19th century and 1920-1930s, as well as the main linguistic literature in the Kabardino-Circassian language, published from the 1940s to the present, special dictionaries of linguistic terms in Russian, Adyghe and a number of other languages.

Descriptive-analytical method, comparative method, contextual analysis, linguistic interpretation are used.

The article managed to present the current state of the Kabardian-Circassian linguistic terminology, identify shortcomings and determine the way to improve it. The prompt and successful solution of an important task – the creation of a self-sufficient and complete system of special linguistic designations will allow to intensify the research and publication activities of specialists in the Adyghe languages in their native language, which, in turn, will contribute to the formation of the scientific style of the Kabardino-Circassian language.

Keywords: Kabardino-Circassian language, linguistic terminology, Russian language, Adyghe language, borrowings, style

For citation: Bizhiov B.Ch. The current state of Kabardino-Circassian linguistic terminology and ways to improve it. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 81–92. (In Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-81-92

Научная статья

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПУТИ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-

Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhoev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2022

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния системы лингвистических терминов кабардино-черкесского языка и поисков путей для ее дальнейшего развития. Для этой цели прослеживается история ее становления, начиная от автора первой кабардинской грамматики до современной адыговедческой литературы. Особое внимание уделено деятельности одного из первых языковедов, вышедших из носителей кабардино-черкесского языка, Т.М. Борукаева, который фактически является основоположником и создателем основного фонда современной лингвистической терминологии. Выявлено, что процесс его расширения и развития фактически приостановился с 1950-х годов, в результате чего ощущается явная нехватка специальных терминов, созданных на базе родного языка, а лингвистическая литература на кабардино-черкесском языке характеризуется перенасыщенностью иноязычными названиями. Для устранения указанного недостатка предлагается оперативно сформировать недостающие термины, используя опыт других языков – прежде всего русского, а также близкородственного адыгейского. В статье предложены конкретные пути осуществления данной задачи.

В исследовании впервые привлечены неизвестные, малодоступные в настоящее время издания и архивные материалы конца XIX века и 1920–1930-х годов, а также основная лингвистическая литература на кабардино-черкесском языке, вышедшая в свет с 1940-х годов до настоящего времени, специальные словари языковедческих терминов по русскому, адыгейскому и ряду других языков.

Использованы описательно-аналитический метод, сравнительный метод, контекстуальный анализ, лингвистическая интерпретация.

В статье удалось представить нынешнее состояние кабардино-черкесской лингвистической терминологии, выявить недостатки и определить путь ее совершенствования. Оперативное и успешное решение важной задачи – создание самодостаточной и полноценной системы специальных языковедческих обозначений позволит активизировать исследовательскую и публикационную деятельность специалистов по адыгским языкам на родном языке, что, в свою очередь, будет способствовать формированию научного стиля кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, лингвистическая терминология, русский язык, адыгейский язык, заимствования, стиль

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Современное состояние кабардино-черкесской лингвистической терминологии и пути ее совершенствования // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 81–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-81-92

Статьям дыщроплъэж бзэщӀэныгъэ фӀэщыгъэцӀэхэм къакӀуа гъуэгум ди япӀэрэй грамматикэмрэ псалъальэмрэ зи ІэдакъэщӀэкӀ уэщӀакӀуэ НӀгумэ Шорэ деж къыщыщӀэдзауэ ди нобэм къэс. Мы Іуэхугъуэм увыӀӀӀэ хэха щыӀыгъщ Борыкъуей ПугӀэ – езым ипӀкӀи, иужькӀи абы хэльхъэныгъэ ищӀамкӀэ хуэбгъэдэн диӀэкъым, ноби къэдгъэсэбӀп фӀэщыгъэцӀэхэм я нэхъыбапӀэр аращ къзыгупсысар. Абы къыхэкӀыу Борыкъуейм и лӀжыгъэхэм нэхъ убгъуауэ дакытыувыӀэ. Къыхыдогъэщ фӀэщыгъэцӀэхэм 1950 гъэхэм яужькӀэ зыри къаззрыхэмыхуар икӀи апхуэдэ псалъэу куэд дызэрыщыщӀӀэр. Дримыкъухэр нӀгъуэщӀыбзэхэм, нэхъыбэу урысыбзэм, къызэрыхыхым къыхэкӀыу бзэщӀэныгъэ къэхутэныгъэ анэдэльхубзэкӀэ къыдӀахэмрэ адыгӀбзэ еджапӀэхэм зрыщадж еджальэхэмрэ я бзэр дыкъуакъуэ мэхъу. Мыр дӀэри кӀахэ адыгӀэхэми ди зэхуэдэ щыщӀэныгъэщи, ди Іуэху зыӀутыр зӀпӀтлыгӀурэ къыдогъэлыгъуэ икӀи дызэщӀыгъуу проблемэр зӀфӀӀтхын зэрыхуейм тыдогъэчыныхь.

Адыгэ бзэщӀэныгъэ терминхэр зтеуэу щыхуежьбар адыгӀбзэм и зэхэльыкӀӀэр къахутэу щыщӀадза япӀ лъэхъэнэхэрщ. Абы нэхъ хэльыфыхъа къэхутакӀуэхэм я цӀэр НӀгумэ Шорэ деж къыщыщӀэдзэн хуейщ. Абы зэхилъхъа адыгӀбзэ грамматикэм (1840 гъэ) къыщыгъэсэбӀпӀащ езым къыгупсысыжа фӀэщыгъэцӀэ зыбжанэ. НӀгумэм и лӀжыгъэхэр куууэ зӀпкӀрызыха Турчанинов Г.Ф. къызэригӀэлыгъуащи, 1840 гъэм хъэрып графикэм тету игъэхъэзыра Іэрытхым НӀгумэр щытетщ хъэрып

терминологиём, адыгэбзэкIэ абыхэм цIэ яфIищыну яужь щихъар урыс графикэм тет вариантырщ [Ногма 1958: 47]. Куэди хъуркыым зи гугъу тцIы фIэщыгъэцIэхэр – мис ахэр, иджырей тхэкIэм кыигъэзэгъауэ, нобэ абыхэм зэреджэри къапыту:

1. *ЗэрытыпIэ – пкыыгъуэ*
2. *ЦIэ зи фаццэуэ цыIэр – цыIэцIэхэр*
3. *ПлыфэцIэхэр – плыфэцIэхэр*
4. *ЦIэм и пIэ итхэр – цIэпапцIэхэр*
5. *Пкыыгъуэхэр – глаголхэр*
6. *Лажьэхэр – причастиехэр*
7. *Бзэ нальэхэр – наречиехэр, деепричастиехэр*
8. *Псалъэпыдзэ – префикс, суффикс*
9. *Бзэ къуэдзэ – союз*
10. *Бзэ им-щым – междометие*

Мы псалъыпщIым зэтехуэу яхэтыр зыщ – Нэгумэм *плыфэцIэ* зыфIищам ноби а цIэмкIэ доджэ, мыдрейхэм ехъэлIауэ, гу зэрылыгъыгъуафIэщи, нэхъ «гъуэгу тыншым» дытету нэгъуэщIыбзэ псалъэхэр кыдогъэсэбэп. А зы зэтехуэу жыхуэтIэри зэрымыщIэкIэ къэхъуа Iуэхущ, сыгу жыпIэмэ Шорэ и Iэрытхыр тхылгым щихуар 1959 гъэраш, абы и пэкIэ абы шыгъуазуу щытар закъуэтIакъуэщ. ЕтIуанэу «плыфэцIэр» ди грамматикэм 1920 гъэхэм кыыхыжьжауэ щытащ. «*ЦIэ зи фаццэуэ цыIэр*» жыхуиIэм нобэрей щыIэцIэм и мыхъэнэр къокI, терминыр апхуэдэу зэрызельфауэ щытын зэрыхуэмейр Iуэхум кыхомылыгътэмэ, ари «*псалъэпыдзэри*» (псалъэ лъабжьэм пыувэ префикс, суффиксхэр эщIыгъуу, «аффикс» мыхъэнэ иIэу) къэбгъэсэбэпынкIэ лажьэ яIэкъым. Ар яхуэжыпIэфынукукыым «*бзэ им-щым*», итIанэ нэгъуэщI зы щыпIэ гуэр кыыхэхуэ «*кIуэдыпIэ*» (падеж мыхъэнэ кыригъэкIыу) жыхуиIэхэм хуэдэхэм. Ауэ Нэгумэм фIыщIэ лей кыщIилэжьыр абы япэу бзэщIэныгъэм ехъэлIа гурыуэгъуэхэр адыгэбзэм кыригъэзэгъэну яужь зэрихъарщ.

Дызэрышыгъуазэщи, адыгэбзэр джыныр къэрал Iуэху щыхъуар Совет властыр зэтеува нэужыщ. Мис абы и япэ лъэхъэнэхэм нэхъ жыджэру а Iуэхум пэрытахэм ящыщ Борыкъуей ПIутIэ. А щIэныгъэм узэрыпэрытын Iэмэпсымэ папщIэу терминхэри уиIэн хуейти, абы и лъэныкъуэкIи ПIутIэ хузэфIэкIар мащIэкъым. Дриплъэнти абы и Iэдакъэ кыщIэкIа тхыльхэм.

1930 гъэм дунейм кытехъащ «Япэ лъэбакъуэ, къэбэрдей Iэлыфбей» (Букварь) еджалъэр [Борыкъуей 1930]. Мыбдеж нэхъ зэхэхауэ щыубзыхуа хъуауэ щытащ цIэпапцIэ лэужыгъуэу адыгэбзэм хэтхэр, абыхэм ящыщ дэтхэнэми цIэ яфIищыгъащ. Мис ахэр:

- ЦIэ папцIэхэр – иджы щхъэ цIэпапцIэ жыхуэтIэхэрщ.*
ЦIэ гъэлыгъуэхэр – зыгъэлыгъуэ цIэпапцIэхэр
ЦIэ зыгъэзэгъэхэр – зыгъэзэгъэ (?) цIэпапцIэхэр
ЦIэ щIыпIэгъэлыгъуэхэр – щIыпIэ превербхэр (?)
Еигъэ кызыэрыкI цIэхэр – еигъэ цIэпапцIэхэр
Пыбзыгъэ зыщI цIэхэр – белджылыгъэ цIэпапцIэхэр
Пыбзыгъэ зымыщI цIэхэр – белджылынышагъэ цIэпапцIэхэр

Зэрытлыгъуэщи, а псо дыдэр зэрыщытым хуэдэу кыызэтемынами, Борыкъуейм абыхэм ярита мыхъэнэхэр лъабжьэ яхуэхъуащ иужькIэ зэтеува фIэщыгъэцIэхэм.

Ар дыдэр яхужыпIэ хъунуц мыбыхэми: *ззылыт цIэхэр* (н. 81), *псалъэ лъабжьэхэр* (н. 86), *плыфэ кызыэрыкI цIэхэр* (н. 87), *зэрыуницIэхэр* (н. 104), нэгъуэщIэхэми. Ноби дытетщ Борыкъуейм кыигъэсэбэпа мыпхуэдэ фIэщыгъэхэм: *макъ, пычыгъуэ, макъзешэ, макъ дэкIуашэ, цIэ уней, цIэ зэдай, псалъэ зэхэль...*

Закъуэ, куэд бжыгъэ жыхуэтIэхэм япэгъунэгъуш Борокъуейм и зырэ къомрэ-р.

ФIэщыгъэцIэхэр къэгъэщIыным Борыкъуейм щыпишащ Адыгэбзэ грамматикэм 1932 гъэм кыдыгъэкIам [Борукаев 1932].

Термину тхылгым кышцихьахэм я списокэ 111–119 напэкцэуэццлэхэм итым дрикцэуэнц:

аморфный – формэниэ

аналогия – зэлытын, зэггэццлэхьын

атрибут – плгыфэ, щифэт (?)

вид – теплэ

время – зэман

вопросительный знак – унцицэ наггыщэ

восклицание – гу лгыггэтэныггэ

второстепенные члены предложения – псалгэ мыпажэхэ пкыгыгуэхэр

главные члены предложения – псалгэ пажэхэр

глагол – глагол, лэжгыггэ зыхэлт псалгэ

гласные звуки – макъзеиэхэр

глухие согласные – макъ дэкцэуэиэ дэгүхэр

губные звуки – цупэ (макъхэр)

деепричастие – деепричастие, хьэл

долгие звуки – макъ укцэуэдия

дополнение – лэжгыггэ зылгэцэ

единственное число – закцэуэ (бжгыггэ)

желательное наклонение – флэщыгуаггэ зыхэлт лэжгыггэ псалгэ

звук – макъ

звонкие согласные – макъ жьгыжьгыггэхэр

знаки препинания – теувылэпцэ наггыщэхэр

знаменательные слова – мыхьэнэ тэмэм кызырэкцэ псалгэхэр

инфикс – цинфикс

инфинитив – инфинитив, кыхэкцэуэцэ

корень – кцэуэцэ

лицо – увыггэуэ

местоимение – ццэ папцэцэ

определение – белджылыггэ

орфография – тхэкцэ

подлежащее – зылгэжь

предикат – лэжгыггэ псалгэ

предложение – псалгэ едзыггэуэ

прилагательное – плгыфэ

речь – хьыбар

слово – псалгэ

слог – пычыггэуэ

согласный звук – макъ дэкцэуэиэ

союз – псалгээзэх

существительные – хьэпшытыцэ, щыццлэхэм я ццэ

твердые звуки – макъ быдэ

термин – зэреджэ ццэ

ударение – хэцэтыкцэ

Мы псор кышцидбжэкцэам щхьэусыггэуэ ицэщ – мыбы ипэкцэ апхуэдэу «уэру» бзэццлэныггэ флэщыггэццлэхэр зы адыгэ тхылгы ихуактым, мыбыхэм я нэхьыбапцэри ноби кыдоггэсэбэп. Пэжщ, арэзы дызыдэмыхьу гуэрхэри яхьыдолбаггэуэ. Псалгэм папцэцэ, *псалгэ едзыггэуэ, тхэкцэ, увыггэуэ, гу лгыггэтэныггэ*, н. кь. я пцэцэ нобэ дызытет флэщыггэццлэхэр – *псалгэуа, пэжырытхэ, щхьэ, хэцэтыкцэ* – жыхуэццлэхэр, шэч хэмылгуэ, нэхь цэрыхуэщ. Адэкцэ «теувылэпцэ» жыхуэццлэхэм кызыщцэуэбыдэркыым «знаки препинания» псори, Борыкцэуэйм и псалгэр нэхь хуокцэуэ «пауза» гурыцэуэггэуэм, н.кь.

Нэггүэщл зы лъэныкыуэкIи, ди бзэм щызэтеува мыхъуами, лажьэ яIэтэккым мыхъуэдэ фIэщыгъэхэми: *кыыхэкIыплэ* (инфинитив), *псалъээзпх* (союз), *хэIэтыкIа* (ударение), псалъэухам и пкыыгъуэхэм яфIища *пажэ, мыпажэ* жыхуиIэхэми (*иджырей нэхъыщхъэ, пкыыгъуэ етIуанэ*-хэр урысыбзэм кытращIыкIа калькэщ: *главный, второстепенный*), «*фIэигъуагъэ*» (наклоненэ) терминри зыкIи нэхъ Iейкыым иджырей «*фIэфIыныгъэм*».

Борыкыуейм кыкIэлъыкIуэ илъэсхэм еджапIэхэм яхузэхильхъауэ щытащ еджалъэ Iыхъищ хъур. Абыхэм кыщигъэсэбэп фэщыгъэцIэхэр, кьанэ щымыIуэ, ищхъэкIэ дызытепсэлъыхъахэрщ. Ауэ кыщхъэщыкIыныгъэ гуэрхэри щыIэщи, абыхэм я гугъу тIцIынщ.

Япэ Iыхъэм кыыхыдогъуатэ «*гъэщIэгъуэныгъэ зыхэлъ псалъэ едзыгъуэхэр*» жиIуэ – ар иджырей «*хэIэтыкIа псалъэухариц*» [Борыкыуей 1933 (а): 33], *хэIэтыкIа зытемыхъа* (безударный) [Борыкыуей 1933 (а): 51], *хьэрф тIуащIэ* (двойная, сдвоенная буква) [Борыкыуей 1933 (а): 55], «*псалъэ кIапэхэр*» [Борыкыуей 1933 (а): 57]. Мы иужьрейм шапхъуэ кьахуехъ мыхэр: *цIагъ, ибгъу, ипэ, икIэ, и кIуэцI...*

Ещанэ Iыхъэм [Борыкыуей 1933] кыщыхъащ «*зэрызыхуагъазэ*» фIэщыгъэр (обращение) [Борыкыуей 1933: 7], *зылэжь, зэлэжь причастие* [Борыкыуей 1933: 10], *лиц* (лицо) [Борыкыуей 1933: 12], *пкыыгъуэ зэлъапкыэгъу* [Борыкыуей 1933: 19], *псалъэ едзыгъуэ зэхъиIыхъа* (сложное предложение) [Борыкыуей 1933: 21], *псалъэ едзыгъуэ зэкIэлъыхъыкIэ* (сочинительная связь предложений) [Борыкыуей 1933: 23].

АдэкIэ зэкIэлъыхъыкIэ лIэужыгъуих кыыхегъэщхъэхукIри, абыхэм яфIищар я шапхъэхэри ящIыгъуу къэтхъынщ:

1) *зэдэкIуэ кыызэкIэлъыкIуэкIэ (перечисление): Тыкуэнхэр хуащIыжахэщ, уэддыгъэхэр цIагъэнахэщ, Налшык урамыр нэху хъуащ* [Борыкыуей 1933: 23];

2) *зэпэщIуэ кыызэкIэлъыкIуэкIэ (противоположение): Жьым хоцI, цIэм хохъуэ* [Борыкыуей 1933: 24];

3) *зэлъыта кыызэкIэлъыкIуэкIэ (сравнение): Ахъшэр абы кыыхъащ – джэдур гыкыуащ (мыр Борыкыуейм ищIа калькэщ: Денег он принёс – кот заплакал)* [Борыкыуей 1933: 25];

4) *зэрыгъэбелджылы кыызэкIэлъыкIуэкIэ (объяснение одного действия или явления другим как причиной): Сэ иджытсту стын слъэкIырккыым: сэ сиIэккыым ахъшэ* [Борыкыуей 1933: 25];

5) *зэригъэкъу кыызэкIэлъыкIуэкIэ (пояснение или дополнение одной мысли другой): Сэ уэ укызгуролуэ: уэ си дэIэпыкыуныгъэм уоплэ* [Борыкыуей 1933: 27];

6) *зэтеувыIэ кыызэкIэлъыкIуэкIэ (обусловленность одного действия или явления другим): Ахъшэ кыызэптыниц – тхыль къэсцэхуниц* [Борыкыуей 1933: 27].

Япэу мы тхыль зи гугъу тIцIым дыщрохъэлIэ «*псалъэ едзыгъуэ кIэрыгъэницIа*» жыхуиIэми [Борыкыуей 1933: 28] – иджыштусту псалъэуха гуэдзэкIэ дызэджэрщ (урыскIэ – придаточное предложение). Ар дьдэр яхужыпIэ хъунуц *псалъэ заныцIэ* (прямая речь), *псалъэ зэдзэкIа* (косвенная речь) фIэщыгъэцIэхэми [Борыкыуей 1933: 33–35], «*Iэмэпсымагъэ кызырыкI префиксми*» (орудный или инструментальный префикс) [Борыкыуей 1933: 60], зэман формэхэм яфIищами: *блэкIа, дызэрыт, кьэкIуэн* [Борыкыуей 1933: 60].

1935 гъэм Борыкыуейм щIэрыщIуэ кыдигъэкIыжащ пэщIэдзэ классхэм я еджалъэр [Борыкыуей 1935]. ИлъэситI ипэкIэ кыдэкIам хэмыту мыбы щIэуэ хигъэхъащ *псалъэ кьехъэкIын* (перенос слова) [Борыкыуей 1935: 24], *псалъэ едзыгъуэ щызхэмрэ щымызхэмрэ* (калькэщ: полные и неполные предложения) [Борыкыуей 1935: 47], *гъэщIэгъуэныгъэ зыхэлъ псалъэ едзыгъуэ* (восклицательное предложение) [Борыкыуей 1935: 53], *цIагъ, цIыIу* кызыэрыкI псалъэ кIапэхэр – мыбы и шапхъэхэр: *ибгъу, ипэ, икIуэцI*; кьинэмышI кызыэрыкI: *бгъу-, бгъэдэ-, гуэ-, кIэры-, хэ-, дэ-*. Иужьрейхэр, зэрытIагъуши, глагол провербхэр аращ.

Бзэщлэныггэ флэщыггэцлэхэр адыгэбзэм щызэтеувэным Тутлэ хищлэхьам хуэдиз зыхузэфлэкла абы ипэкли, иужькли щылауэ дыщыггуазэкьым. Шэч хэмылыу, абы а Гуэхур адэкли иггэклуэтэнут, ауэ 1930 ггэхэм щыла политикэ залымыггэхэм хиубыдэри яггэклуэдащ, иужькли паллэ клыхьклэ (1956 ггэм кьэсыху) илжьями, езым и цлэ кьудеи жалэну хуимыту кьеклуэклащ.

Борыкьуейм иужьклэ ди бзэм теухуа лэжыггэхэр анэдэлъхубзэклэ нэхь жьдждэру дунейм кьытезыггэхьар Елберд Хьэсэнщ. Зауэ нэужькым (1945 ггэ) щеггэжьауэ 1960 ггэхэм кьэсыху школхэм адыгэбзэ зэрыщаджар абы зэхилъхьа тхылъхэмклэщ. Абы кьимыдэклэ Хьэсэн Кьэбэрдей-Балькьэр щлэныггэ-кьэхутакуэ институтым и адыгэбзэ кьудамэм и лэжьаклуэу щытклэрэ, дунейм кьытриггэхьащ щлэныггэ статья зыбжанэрэ зы монографиерэ [Елберд 1959] – а псори адыгэбзэклэ. Дауикл, Елбердым теггэщлалэу илэщ япэ итахэм я Гуужьхэр, ауэ Хьэсэн псом япэу и флэщлэщ ди бзэщлэныггэм быдэу зэрыщызэтеувар ноби убггуауэ кьэдггэсэбэп флэщыггэцлэхэр – *щылэцлэ, пльыфэцлэ, бжыггэцлэ, псалгэ зэпха, псалгэуха, закгуэ, куэд бжыггэ, блэкла, дызэрым, кьэклуэну зэман, макъзешэ, макъ зэлуха, макъ жьыггэжьыггэрэ дэгурэ* жыхуэтлэхэр.

Елбердым и деж щихуауэ жытлэ хьунущ бзэщлэныггэ флэщыггэцлэхэр кьэггэщыныр. Иужьклэ ди бзэм анэдэлъхубзэклэ тетхыхьахэм шэчыншэу щлэныггэ стилим зраггэужьащ, ауэ лэпкь флэщыггэцлэхэм зраггэубггун Гуэху зэрахуакьым – е тегушхуакьым, е дыхуейуэ кьалгытакьым. Аращи, нэхь иужьбу мы Гуэхум пэрытахэм я лэжыггэхэм дызэхуеплэмэ, ахэр зы лэныкьуэклэ зэщхьщ – а псоми яхьдолгаггуэ уэру кьаггэсэбэп хамэбзэ флэщыггэцлэхэр – *наречие, причастие, деепричастие, глагол, наклоненэ, нэггуэщлэхэр*. Псом хуэмыдэжу апхуэдэхэмклэ «бейщ» синтаксисыр: *подлежащэ, сказуемэ, дополненэ, определенэ, обстоятельство*, н.кь.

Мыр ягу кьеуэу Гэджэрэ Гуэху кьалэтащ, прессэми тхыггэхэр кьытрадзащ. Абы кьыщымынэу хамэбзэ терминхэм я плэ ибггэуэвэ хьуну псалгэщлэхэр кьыхалъхьащ. Псо дыдэр кьытхузэщлэмыкьуэми, я цлэ кьыхэдггэщынщ мы Гуэхум нэхь хэллыфыхьа зыбжанэм: Кьэбэрдей-Балькьэрымклэ Джэдггэф Хьусен, Бэтокьуэ Нияз, Молэ Султган, Кьардэн Мусэдин, Кьэрэшей-Шэрджэсымклэ – Шэрджэс Алий, Шыбзыхьуэ Хьэжмурат. Мыбыхэм я Гэдакьэцлэклэхэм сэбэп хьун, теггэщлалэ пщын мымащлэу яхьдолгаггуэ. Псалгэм папщлэ, Шэрджэс Алий кьигупсысахэм ящыщу мы псалгальгэм хэдггэхьащ *псалгэзешэ* (падеж), *цлэлуэ* (именительный), *зыхьуэжэ* (эргативный), *зыунэти* (последложный), *зэрыхьу* (обстоятельственный), *кьэхьуклэцлэ* (наречие), *псалгэзэпшыщлэ* (союз), *псалгэкланэ* (частица), *макьыцлэ* (междометие) жыхуиэхэр [Шэрджэс 2009]. Кьапщтэ хьуну доплэ Шыбзыхьуэ Хь. кьыхилъхьа *псалгэтхьыдэджэ* (этимологии) флэщыггэри [Шыбзыхьуэ 2011: 373], абы кьытрищлэклэ *псалгэтхьыдэджэ псалгальгэри* (этимологический словарь) [Шыбзыхьуэ 2011: 372].

Бзэщлэныггэллэ Бэтокьуэ Нияз кьыщыхьуари щлэныггэ щызэриггэггуэтари Сириерщ. Нияз и адэжэ хэкум кьыггэзэжа нэужь (1990 ггэхэм) япэщлэклэ Кьэбэрдей-Балькьэр кьэрал университетым и еггэджаклуэу лэжьащ, и гьащлэм и иужьрей ильэсхэм Гуманитар кьэхутэныггэхэмклэ Кьэбэрдей-Балькьэр институтым адыгэбзэмклэ и кьудамэм и щлэныггэллу щытащ, глагол превербхэм ехьэллауэ кьэхутэныггэ ириггэклуэклащ. Ди жаггуэ зэрыхьунщи, темэ кьыщтар и клэм нэмысауэ езыр дунейм ехьжащ. Абы кьыщлэна Гэрытхым (адыгэбзэщ зэрытхар) флэщыггэцлэ зыбжанэ езым кьигупсысыжауэ хэтщ. Апхуэдэхэщ *хьуыцлэ* (глагол), *пэрыув* (префикс), *клэрыув* (суффикс), нэггуэщлэхэри.

Флэщыггэцлэхэм (терминхэм) я адыгэбзэ псалгальгэ нэхь иужьбу икли нэхь куэд кьызэщлэубыдэу дунейм кьытехьар зи Гэдакьэ кьыщлэклар Зеклуэрей Нурдинщ [Зекореев 1999]. Бзэщлэныггэ флэщыггэцлэ мы тхылтым итхэр, кьанэ щлагуэу щымылэу, нэхьапэлэуэклэ кьыдэкла лэжыггэхэм кьыщаггэсэбэпхэрщ, ауэ, дауэ щымыггми, тегушхуэри урыс термин зыбжанэм адыгэцлэ кьахуигупсысащ. Мис ахэр:

дефис – екѷа кІэщІ
многозначность – мыхьэнэбэ
орфоэпия – пэжырыпсальэ
подлежащее – подлежащэ, зыхужаІэр
родство языковое – бзэхэр зэлэпкьэгъуныгъэ
сказуемое – сказуемэ, хужаІэр
ударение – хэкъузэныгъэ
частица – псальэкІэпыс, частищэ
числительное порядковое – зэрызэкІэлъахь бжыгъэцІэ
число нечетное – зэпэмыбж бжыгъэ
число четное – зэпэбж бжыгъэ
чистописание – кьабзэрытхэ

Проблемэ дызыхэтыр, шэч хэмылыу, нэхъ зэфІэхыгъуафІэ хьунт кьэбэрдейхэри кІахэм шыщхэри мыбыкІэ зэдэлэжъауэ шытамэ. Ди бзэхэр апхуэдэ дыдэу шыцэтемыкІа кІэ, Іэмал диІэт фІэшыгъэцІэхэри зэщІыгъуу зэхэтлъхьэну. АрщхьэкІэ, ди жагъуэ зэрыхьуши, нобэр кьыздэсым абыкІэ дызэкъуэмыувэфауэ кьокІуэкІ. Дриплэнти Адыгейм 2002 гъэм кьыщыдэкІа лингвометодикэ фІэшыгъэцІэхэм я псальбальэм [Шаов, Меретуков, Шхалахова 2002]. Я нэхъ «элементарнэ» жыхуэтІэхэми дыщызэтехуэркьым! Мис абы и шапхьэхэр:

адыгеймкІэ	кьэбэрдеймкІэ
<i>агъэІорыщІэрэ</i>	<i>зэрагъакІуэ</i>
<i>бзэзукІэ</i>	<i>бзэгу лъэдакъэ</i>
<i>бзэ гущыІэхэр</i>	<i>псальэ лъэпкьыгъуэхэр</i>
<i>гуадзэ</i>	<i>гуэдзэ</i>
<i>гущыІэлъапс (э)</i>	<i>псальэ лъабжъэ</i>
<i>кІако</i>	<i>кІэщІ</i>
<i>макъ зэрашэ</i>	<i>макъ дэкІуашэ</i>
<i>мыдэныгъэ</i>	<i>мыхьуныгъэ</i>
<i>пкьыгъоцІэ</i>	<i>щыІэцІэ</i>
<i>пытэпІэ</i>	<i>зэхуэщІа</i>
<i>пэрыІо</i>	<i>пэкІуэцІ</i>
<i>ткІоны</i>	<i>точкэ</i>
<i>уахьтэ</i>	<i>зэман</i>
<i>хадзэ</i>	<i>вводнэ</i>
<i>чан</i>	<i>жъгъыжъгъ</i>
<i>шъхьэфэхьыжъ</i>	<i>зыгъэзэж</i>
<i>шъуащ</i>	<i>формэ</i>
<i>шъуирэ</i>	<i>щІэфие</i>
<i>щысэхэр</i>	<i>щапхьэхэр</i>
<i>Іэтыгъэ</i>	<i>хэІэтыкІа</i>

Мы кьедбжэкІахэм я нэхьыбапІэр, ухуеймэ, зэтехуэу пхуэщІынуш, абы шыгъуэми кІахэм ейр нэхъ шыІэрыхуи, кьэбэрдейр нэхъ шытынши урохьэлІэри, зым адреим хуигъэкІуатэурэ елэжьын хуейуэ арат. Пэжщ, а зы псальэр зэмышхьу кьыщапсэлхэм деж нэхъ гугъуш, ауэ сыт лъэпощхьэпо хьууэ шыІэ *макъ дэкІуашэмрэ макъ зэрашэмрэ* зым тешэным? Е дэ ди «псальэм» адыгейбзэм нэхьыбэм кьыщыпэхьур «гушыІэрщ», ауэ а «псальэри» хэтщ кІахэбзэм, ауэ дэ ди деж «гушыІэр» нэгъуэщІ мыхьэнэм шытехьащи, зым дыхуэкІуэнумэ, «псальэр» бзитІми кьэтщтэн фІэкІа, нэгъуэщІ хэкІыпІэ шыІэкьым. Иджы адыгей фІэшыгъэцІэхэм кьахэтхын и ІуэхукІэ дахэплэмэ, сэ сфІэкьабылу кьэсщтащ абыхэм я *ткІоны* (точка), *ткІонаб* (многоточие), *ткІонимІу* (двоеточие)

псалъэхэр икИ ахэр кьэбэрдей кьэпсэлъыкIэу си лэжыггэм кыщызохь: **ткIуанэ, ткIуанитI, ткIуанэбэ**. Иджыри нэгъуэщI зы шапхэ. Дэ «**лэабжэ**» жыхуэтIэм клахэр «**лэапсэкIэ**» йоджэ. Дыдейр, шэч хэмылгу, урыс «корень»-ыр калкэ ящIауэ аращ, ауэ **лэапсэм** ещхьыркэабзэу мы гурыгуэгъуэм хуокIуэ, н.ж. зым дыхуэкIуэнуэмэ, дэтхэнэри кыхэтх хьунуш ди зэхуэдэу. А **лэапсэм** кытращIыкIри адыгейхэм префиксыр **лэапсап** (лэапсэпэ), суффиксыр **лэапсах** (лэапсэкIэ) ящIащ. А бггэдыхьэкIэр сфIэкэабылу сэри флэщыггэццэ кьэзггэщIащ **лэабжэпэ, лэабжээкIэ** жиIэу. МыдэкIэ фонетикэмкIэ дыIэбэмэ, абыхэм я **лэылылэ** (шипящий) жыхуиIэри гунэс кысщыхьури кьэсщтащ.

ЩыIэццэ урыс **существительное** жыхуиIэм и калкэщ, адыгейхэр абы **пкыггэуэццэ** зэреджэр. Мыбдеж, сэ сызэрэплъымкIэ, «пкыггэуэ»-м и кьэухьыр нэх зэщ мыбы кыкIын хуей мыхьэнэм елытауэ – дапщэщи **пкыггэуэкым** абы кыггэзлэаггэуэр, мыпыухыкIа (отвлеченные) мыхьэнэ щыIэри гьунэжщ. Абы кыхэкIкIэ кьэбэрдей варианттым «бжыпэр» етыпхэщ.

Мы кьэхьукIэм тет **плыфэццэ, бжыггэццэ** терминхэр бзитIми щызэтохуэ, фонетикэ и лэаныкыуэкIэ ди кьэпсэлъыкIэхэр зырызщ жумыIэмэ: **плыфэццэ – плышыуацI, бжыггэццэ – пчэггэацI**. Ауэ мыбыхэм я лэужыггэуэхэм деж нэсамэ, зэтехуэныггэуэ щыIэр нэх мащIэщ, зэщхьым нэхьрэ. Девггэплъыт: **щытыкIэ кьэзыггэзлэаггэуэ плыфэццэ – нэццэнэ плышыуацI** (качественное прилагательное), **еиггэ кьэзыггэзлэаггэуэ – ехьылIэггэ** (относительное); **зэрабжэ бжыггэццэ – пчэггэ пчэггэацI** (количественное числительное), **зэрызкIэлъыкIуэ – зэкIэлъыкIокIэ** (порядковое), **кьутахуэ бжыггэццэ – зэтеут пчыггэацI** (дробное числительное), **кызэрытриггэзэжэ – ггэкIэкI** (кратное), **зыгуэши – гощын** (разделительное), **хуэггэфэща – фэдизыныггэ** (приблизительное), **мыггэнэхуа – мыггэнэфггэ** (неопределенное).

Зэрытлэаггэуши, иужьрей шапхэ закьуэм и дежщ ди бггэдыхьэкIэр щызэтехуэр. Ауэ щыхьукIи адрей псори гуггэуэ удемыхьу зым хуэбггэкIуэфынуш.

Мыпхуэдэ щытыкIэ дыдэ хыболэаггэуэ цIэпапщIэхэм и дежи. Ди **цIэпапщIэри**, адыгей **цIэпапкI**-ри урысыбзэ «местоимением» и калкэщ (цIэм и пIэкIэ кьаггэсэбэп жиIэу аращ), ауэ абы и разрядхэм Iуэхур нэсмэ, аргуэрыжыщ: **еиггэ цIэпапщIэ – зие цIэпапкI** (притяжательное местоимение), **зыггэзлэаггэуэ – кьэзггэзлэаггэ** (указательное), **зэрыуиццэ – уицIэ** (вопросительное)... Гу зэрылэытэггэуафIэщи, бзитIми мы терминхэр кызытращIыкI псалъэхэр зэлабжэггэуш, я гьэпсыкIэхэр зым теггэуэвэжын хуей кьудейуэ аращ. Мыдрей лэужыггэуэхэм деж нэх дызэщхьэщокI: **белджылыггэ – ггэнэфггэ** (определенное), **белджылынишаггэ – мыггэнэфггэ** (неопределенное), **мыхьуныггэ – мыдэныггэ** (отрицательное). ЯпэреитIым деж сэ нэх сфIэкэабылщ хамэбзэ «белджылым» и пIэкIэ **ггэнэхуа, мыггэнэхуа** адыгэ псалъэхэр кыхэтхмэ, ещанэм и варианттиIми зэраггэхь щыIэкьым, дэтхэнэри хьунуш. Си псалъальгэм сэ **мыхьуныггэр** хэзггэуващ, мыхьэнэ иIэн хуейр абы нэх кызэццэиубыдэу кьэслытэри: зыгуэр кьэмыхьуныр дапщэщи зыгуэрым ар зэрымэдэм кыхэкIыркьым.

«Наклонение» урыс терминыр бзитIми иджыпсту зэрамыдзэкIыу кыщаггэсэбэп. Дэ кыхэтлэаггэщ мыри калкэ ныкыуэ тщIыуэ **тешэ** фIэтщыну. Тешэ лэапкыггэуэхэм я дежи зэщхьэщыкIыныггэхэр щыдолэаггэу: **зэрагуатэ-кьэзыIотэрэ** (изъявительное), **фIэфIыныггэ – шIоиггэ** (желательное), **елыта – зэлытыггэ** (условное), ауэ мыхэри апхуэдизу зэггунэггэуши, зэщхь дыдэ пщIыным гуггэуехь пылкъым.

Дэ **зэман категория** жыхуэтIэр адыгейхэм я деж **уахьтэ категория**. А Iури хамэбзэ псалъэщ, абыхэм япэхьун адыгэ псалъэ ди бзэм хэмытынкIэ Iэмал иIакьым, ауэ куэдэр кызэрыхьу хабзэу «хамэхьэр кыхьэри унэхьэр ирихуащ». Iури «дыдейуэ» щыщымыткIэ, языхэзыр «зэдыдей» тщIы хьунуш гукьанэ лэапкь кыхэхьмыкIыу. Зэман гьэпсыкIэхэм я деж ди флэщыггэццэхэр нэх зокIуалIэ: **блэкIа – блэкIыггэ** (прошедшее), **кьэкIуэну – кьэкIошт**, ауэ **ит зэман** закьуэр

кІахэмкІэ *мы уахъту* шыжалэри, дэ дызэрэплъымкІэ, зыгъэлыагъуэ цІэпапщІэр фІэщыгъэцІэ пщІыну къезэгъыщэркъым, къэгъэсэбэпыгъуейщ.

Дополненэм, езыр зэрамыдзэкІыу къызэрытщтам къыщымынэу, и лІэужыгъуитІри къэбэрдейхэм урыс терминхэм къытеднащ, *прямой, косвенно* жыдоІэ, адыгейхэми дополненэр шыдэполненэщ, ауэ абы и лІэужыгъуэхэм къыхуагупсысаш *едзэкІыгъэ* (косвенное), *нэблэгъэ* цІэхэр. Къезэгъыу къытщохъу, нэгъуэщІ мыхъуми анэдэльхубзэр я лъабжэщ. Мы псалъальэм дэ урыс термин *дополнение*-р калкъэ щытщІри *хэгъэхуэн*, мыдрей абы и лІэужыгъуитІым *заницІэрэ мыблагъэрэ* шафІэтщаш.

Сытми, зэ мыхъуми зэ апхуэдээрэ Іэмал зэриІэкІэ ди псалъэкІитІри зэрызтшэлэным, гъунэгъу зэрызэхуэтщІыным яужь дихъэпхъэщ.

Гупсысэ дызыхуэкІуэжыраши, куэд щІащ дэ ди бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэ системэ диІэн зэрыхуейрэ. Щхъэ иджыри къэс зэрамыгъэпэщарэ атІэ, жытІэу дыхъурджауэкІэ мыхъэнэ иІэкъым, мыр гувэ-щІэхми зэ зэфІэхын хуей Іуэхугъуэти, сэ сытегушхуаш, дапхуэдизу къиину щымытми, абы зеспшыгыну. ЗэрыжысІаши, тегъэщІапІэ сщІыну диІэр машІэщ, зы тІощІырыпщІым фІэкІырккъым ди нобэм къэса апхуэдэ псалъэхэр. Чэнджэщу къыхалъхъахэми апхуэдиз къахэпхыжыфынуш. Ауэ дызыхуэныкъуэр щэ бжыгъэ зыбжанэ и нэхъ машІэ хъуркъым. Иджы абыхэм яхуэфэщэн адыгэцІэ къащыхуэслыхъуэм бгъэдыхъэкІэ нэхъыщхытІ сІащ. Япэр цІэ зыфІэсщ къэхъугъэм иІыгъ увыпІэрщ, абы къалэн игъэзашІэрщ, етІуанэр сыт хуэдэбзэми къыщагъэсэбэп Іэмалырщ – хамэбзэ терминыр калкъэ щІынырщ, н. ж. и мыхъэнэкІэ зэдзэкІынырщ.

Ди бзэм къыхэхыпІэ имыІэу шыщ хъуа *щыІэцІэ, пльыфэцІэ, бжыгъэцІэ* жыхуиІэхэр Іэрыхуэу, хуэкІуэу зэгуэр къыхалъхъэри къэщтэгъуафІэ абы ищІащ. Ар къэслыгъэри а псалъэщІэ къэхъукІэм къыпысщаш: *глагол* урыс псалъэм и пІэ изгъэуващ *лэжыгъэцІэр, наречие* *къэхъукІэцІэ* сщІащ.

Урысыбзэ дэ тегъэщІапІэ нэхъыщхъэу диІэм и фІэщыгъэцІэхэм я нэхъыбэр латин терминхэм я калкъэу аращ, уеблэмэ езы урыс фІэщыгъэцІэхэм къадэкІуэу ахэр къызытращІыкІа (латин, франдж, нэмыцэ, инджылыз) терминхэри къыщагъэсэбэп фонетикэми, морфологиими, синтаксисми. ИтІанэ мыри къыхэгъэщыпхъэщ – мы иужьу къэтхъа псалъищми къызэригъэлыагъуэши, фІэщыгъэцІэу хъуар уэ уи бзэкІэ къэбгъэщІыжын хуейуэ Іэмалыншэккъым, зы ІыхъэфІ абыхэм ящыщу шызэтохуэ бзэхэм я нэхъыбэм. Сэри, занщІэу къыжысІэнши, а принципым сытетщ, интернациональнэ, н.ж. лъэпкъ куэдым зэдай фІэщыгъэцІэхэр а зэрыщыту къызоштэ, е, зэдзэкІыу шытми, ахэри ІэщІыб сымыщІу дыдейм и гъусэу бзэм къыхызонэ, псалъэм папщІэ, *гъэзэщІэн – предикат, гъэзэщІакІуэ – субъект, хэгъэхуэн – объект*, н.кь. АдэкІэ бзэм къыхонэ пІалъэ кІыхъ хъуауэ къэдгъэсэбэп, дызэсагъэххэ фІэщыгъэцІэхэри – *макъэшэ, макъ дэкІуашэ, щыІэцІэ, пльыфэцІэ, псалъэуха пажэ, псалъэуха гуэдзэ*, н.кь. – нэхъыбэІуэу шытыгъамэ арат мыпхуэдэхэр, сыту жыпІэмэ фІэщыгъэцІэхэр бзэм къыхэпшэныр Іуэху гугъусыгъуш, абы зэманышхуэ ехъ. Мы тхылъым щІэуэ къыщыхэслыхъэхэр хуэдэ зыбжанэкІэ диІэм нэхърэ нэхъыбэши, ахэри къэщтэгъуафІэ зэрымыхъунур къызгуроІуэ, ауэ ди бзэр адэкІи дунейм тетыну, абы адэкІи зедгъэужыну, едгъэфІэкІуэну дыхуеймэ, мыри абыкІэ Іэмалу, хэкІыпІэу щыІэхэм языхэзщ. Согугъэ дяпэкІэ ди лъэпкъ зэхэщІыкІым зиІэтыну, нэгъуэщІхэм дахэмышыпсыхъыжу дыкъызэрызэтенэным нэхъ делІалІэ дыхъуну, псом япэу ди анэдэльхубзэр къабзэу дэтхэнэ зыми зэрытІурыллыным дыхушІэкъуну.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Ахманова 1966 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

[School Russian-Kabardino-Circassian terminological dictionary]. Nalchik: Elbrus, 1999. 288 p.

NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy* [Philological works]. Т. 2. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 199 p.

SHAOV A.A., MERETUKOV K.KH., SHKHALAKHOVA R.A. *Russko-adygejskij i adygejsko-russkij slovari lingvometodicheskikh terminov* [Russian-Adyghe and Adyghe-Russian dictionaries of linguo-methodological terms]. Maykop: Adygejskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. 80 p.

SHYBZYKH'UE KH'.M. *Adyge psal'al'er bejshch* [Adyghe vocabulary is rich]. Cherkessk: RGU«KCHIPKRO», 2011. 320 p.

SHERDZHES A.I. *Yahuemyfashcheu l'enyk'ue edg'eza psal'ekher. Adyge psal'eg'enuhem shchlyg'uzhyph'ekher* [Undeservedly bypassed words for the Kabardino-Circassian explanatory dictionary]. Nalchik, 2009. 172 p.

Авторым теухуауэ

Биццо Б.Ч. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, адыгэбзэ секторым и унафэщІ.

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, заведующий сектором кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhоеv – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-93-100

ПКЪЫГЪУЭ ЗЭЛЪЭПКЪЭГЪУХЭМКІЭ ГЪЭГУГЪУА ПСАЛЪЭУХА КЪЫЗЭРЫКІУЭХЭР АДЫГЭБЗЭМ КЪЫЗЭРЫШЦЫГЪЭЛЪЭГЪУАР

Жылэтеж Хъэжысмел Чылэний и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Жылэтеж Хъ.Ч., 2022

Аннотацэ. Адыгэбзэ псалъэуа къызэрыкІуэм и лІэужыгъуэщ гъэгугъуа псалъэуахэр. Ахэр гуп зыбжанэу гуэшыжа мэхур. Псалъэуа гъэгугъуахэм ехъэлауэ бзэщІэныгъэм еплъыкІэ зэхуэмьдэхэр шыІэщ, апхуэдэ псалъэуа шымыІэу къэзылътэхэми урохьэлІэ. Ар шыхъэт тохъуэ мы Іуэхугъуэр нэгъэсауэ джа зэрымыхъуам. Ди лэжыгъэм наІуэ зэрышыхъуаши, псалъэуа гъэгугъуахэм гъэпсыкІэкІэ я шытыкІэ нэхьышхъэщ предикату зы фІэкІэ зэрыхэмытыр, и мыхъэнэкІэ псалъэуа къызэрыкІуэм нэхърэ нэхъ гугъуу, нэхъыбэу зэрызэхэтыр. Пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуу адыгэбзэм къыщокІэ мыхъэнэкли синтаксискли зэтэхуэ пкъыгъуитІ е нэхъыбэ. Зэлъэпкъэгъуу къэкІуэфынуш дэтхэнэ псалъэуахэм и пкъыгъуэри. Къэхутэныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуамкІэ, пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуэхэм псалъэуахэр нэхъ ин ящІ къудейкъым, атІэ езы пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуэхэм я кум мыхъэнэ, синтаксис зэхушытыкІэхэр дэлъ мэхъу. Апхуэдэ зэхушытыкІэхэр зыгъэгъуэт зэпызыщІэ зэпыщІэныгъэм псалъэуахэр и мыхъэнэкІэ нэхъ къулей ещІ, псалъэуахэр зыгъэгугъу мыхъэнэ-синтаксис плъыфэ ирегъэгъуэт. Пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуэхэр зэпха мэхъу макъшыкІэкІэ (къэпсэлъыкІэкІэ), псалъэзэпыщІэкІэ, псалъэзэпыщІэ-псалъэужькІэ. Ди лэжыгъэм наІуэ зэрышыхъуаши, адыгэбзэм псалъэуа гъэгугъуахэр я зэхэлыкІэкІэ, мыхъэнэкІэ къалэн пыухыкІахэр шагъэзашІэ. Абы кыхэкІыу мы Іуэхугъуэр адэкли къэхутэным мыхъэнэшхуэ иІэу къыдолъытэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, псалъэуа, пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуэ, зэпызыщІэ зэпыщІэныгъэ

Цитатэ къызэрыхэтхыну: Жылэтеж Хъ.Ч. Пкъыгъуэ зэлъэпкъэгъуэхэмкІэ гъэгугъуа псалъэуа къызэрыкІуэхэр адыгэбзэм къызэрышцыгъэлъэгъуар // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 93–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-93-100

Original article

A SIMPLE SENTENCE WITH COMPLICATED HOMOGENEOUS TERMS IN KABARDINO-CIRCASSIAN

Khazhismel Ch. Zhiletzhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Kh.Ch. Zhiletzhev, 2022

Annotation. Modern linguistics is characterized by insufficient study of a complicated sentence. The purpose of the study is to study the structure of simple Kabardino-Circassian sentences complicated by homogeneous terms. The relevance of the study is determined by the increasing demand for complicated sentences with homogeneous terms in different spheres of speech, the urgent need for their further study. The scientific novelty of this study consists in a comprehensive coverage of the construction with homogeneous syntactic elements in the modern Kabardino-Circassian language. Various methods and techniques of linguistic research of the material are used in the work, in particular, the method of complex functional analysis of linguistic material, the structural-semantic method, methods of observation, description. Simple sentences in the Kabardino-Circassian language can be complicated, while the ways of complication can be different. Sentences complicated by homogeneous terms are the most widespread in the Kabardino-Circassian language. The analysis of the material allows us to conclude that in this language uniformity is expressed in the simultaneous, parallel subordination of a number of members to one or another member of the sentence or in domination in relation to it – with complete independence from each other, with complete syntactic equality. A compositional combination of words is established between homogeneous members, in which none is the main, dominant one. The components that complicate a sentence can be at the beginning, end, or inside a simple sentence. Based on the involvement of a large illustrative material, it is established that in the Kabardino-Circassian language, all members of the sentence can be homogeneous. The article substantiates the idea that the means of expressing uniformity in a given language are intonation, conjunctions, union-suffixes. The author comes to the conclusion that the characteristic features of the Kabardino-Circassian sentence complicated by homogeneous members are: explain the same sentence member; answer the same question; are the same sentence member; belong most often to the same part of speech; are connected by a compositional connection or enumerative intonation.

The article summarizes new material on the topic under study, introduces new linguistic terms in the Kabardino-Circassian language into scientific circulation.

Keywords: Kabardino-Circassian language, sentence, homogeneous terms, compositional connection

For citation: Zhiletezhiev H.Ch. A simple sentence with complicated homogeneous terms in Kabardino-Circassian. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 93–100. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-93-100

Научная статья

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ОСЛОЖНЕННЫМИ ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Хажисмель Чиляниевич Жилетежев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Х.Ч. Жилетежев, 2022

Аннотация. Современное языкознание характеризуется недостаточной изученностью осложненного предложения. Цель исследования – изучение структуры простых кабардино-черкесских предложений, осложненных однородными членами. Актуальность исследования определяется возрастающей востребованностью осложненных предложений с однородными членами в разных сферах речи, острой необходимостью их дальнейшего изучения. Научная новизна данного исследования состоит в комплексном освещении конструкции с однородными синтаксическими элементами в современном кабардино-черкесском языке. В работе использованы разнообразные методы и приемы лингвистического исследования материала, в частности, метод комплексного функционального анализа языкового материала, структурно-семантический метод, приемы наблюдения, описания. Простые предложения в кабардино-черкесском языке могут быть осложнены, при этом способы осложнения могут быть различными. Предложения, осложненные однородными

членами, являются наиболее распространенными в кабардино-черкесском языке. Проведенный анализ материала позволяет сделать вывод о том, что в данном языке однородность выражается в одновременном, параллельном подчинении ряда членов тому или иному члену предложения или в господстве по отношению к нему – при полной независимости друг от друга, при полном синтаксическом равенстве. Между однородными членами устанавливается сочинительное сочетание слов, в котором ни одно не является главным, господствующим. Компоненты, осложняющие предложение, могут находиться в начале, конце или внутри простого предложения. На основе привлечения большого иллюстративного материала установлено, что в кабардино-черкесском языке однородными могут быть все члены предложения. В статье обосновывается идея о том, что средствами выражения однородности в данном языке являются интонация, союзы, союз-суффиксы. Автор приходит к выводу, что характерными признаками осложненного однородными членами кабардино-черкесского предложения являются: поясняют один и тот же член предложения; отвечают на один и тот же вопрос; являются одним и тем же членом предложения; принадлежат чаще всего к одной части речи; связаны сочинительной связью или перечислительной интонацией.

В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, предложение, однородные члены, сочинительная связь

Для цитирования: Жилетежев Х.Ч. Простое предложение с осложненными однородными членами в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 93–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-93-100

Псалъэуха гъэгугъуахэр псалъэуха кызырыкIуэм и гуп, лIэужыгъуэ, лъэпкыгъуэ щхьэхуэу кыхэгъэкIыныр хабзэ хъуауэ щытщ. Псалъэуха гъэгугъуауэ кьокIуэ зэхэтыкIэ зэмылIэужыгъуэхэр, и гъэпсыкIэкIэ псалъэуха кызырыкIуэм и щытыкIэ нэхыщхьэр – предикату зы фIэкIа хэмытыныр щыIэу, и мыхьэнэкIэ псалъэуха кызырыкIуэм нэхьрэ нэхь гугъуу, нэхьыбэу зэхэту икIи мыхьэнэ и IуэхукIэ нэхьыбэу (нэхь куэду) зэрызэхэтыр Iыхьэ гуэрхэмкIэ кьэгъэлъэгъуауэ, нэгъуэщIу жыпIэмэ а псалъэуха лIэужыгъуэхэр псалъэуха кызырыкIуэхэмрэ псалъэуха зэхэлхэмрэ я кум итщ.

Псалъэуха гъэгугъуахэм я лIэужыгъуэу кьакIуэ хабзэщ:

1. Пкыгыгуэ пыщхьэхукIа (е предикат ныкыуэ зиIэ зэхэлъыкIэ) зыхэт псалъэухахэр;
2. Пкыгыгуэ зэльэпкыгъу (зэпыщIэныгъэ зи якум дэль псалъэ зэпха) зыхэт псалъэухахэр;
3. Хэдзэ зэхэлъыкIэ зыхэт псалъэухахэр;
4. Зэрызыхуагъазэ псалъэ зыхэт псалъэухахэр.

ЗэмылIэужыгъуэ синтаксис ухуэкIэ зиIэ а псалъэуха лIэужыгъуэхэм (псалъэуха гъэгугъуахэм) я зэтэхуэныгъуэ щытщ гъэгугъуауэ зэхэмыт псалъэуха кызырыкIуэхэм елытауэ гупсысэ нэхьыбэ кьэIуэтэфыным ахэр нэхь хуэщIауэ зэрыщытыр [Урыс 1994: 93]. Абыхэм (псалъэуха гъэгугъуахэм) зы кьэхьугъэкьым, атIэ тIу е нэхьыбэ кьэгъэлъэгъуэфынущ. Кьэхьугъэ, гупсысэ (гурылъ) куэд кьэгъэлъэгъуэфыныр нэхьыбэу зэлытар пкыгыгуэ пыщхьэхукIа (предикат ныкыуэ зиIэ зэхэлъыкIэ) зыхэт псалъэухахэмрэ пкыгыгуэ зэльэпкыгъу (зэпыщIэныгъэ зи якум дэль псалъэ зэпха) зыхэт псалъэухахэмрэщ. А псалъэуха лъэпкыым щыщу адрей кыкIэлъыкIуитIым щIагъур псалъэр жызыIэм кызырыщыху е псалъэр зыхуэгъзар кьэгъэлъэгъуэныр аращ.

Пкыгыгуэ зэльэпкыгъукIэ зэджэр мыхьэнэкIи синтаксискIи зэтэхуэ пкыгыгуитI е нэхьыбэщ. Зэльэпкыгъуу щытынкIэ хьунуш дэтхэнэ пкыгыгуэм хуэдэри – гъэзэщIэныри, гъэзэщIакуэри, хэгъэхуэныри, гъэнэхуакуэри, хьэлхэри. Пкыгыгуэ зэльэпкыгъухэр зы упщIэм жэуап хуоху, псалъэухам хэт зы псалъэм синтаксискIэ епхауэ щытщ, псалъэухам и зы пкыгыгуэу хоувэр, нэхьыбэм зы псалъэ лъэпкыгъуэу кьакIуэ хабзэщ. Пкыгыгуэ зэльэпкыгъухэр зэпыщIэныгъэ

зэпхыкIэкIэ щызэпхакIэ, абыхэм ящыщу зыр нэхьыщхьэу, адреир кIэрыдзэну щыткьым, ахэр зэхуэдэщ. Пкьыгьуэ зэльэпкьэгьухэм псалъэухар нэхь ин ящI кьудейкьым, атIэ езы пкьыгьуэ зэльэпкьэгьухэм я кум мыхьэнэ, синтаксис зэхушытыкIэхэр дэль мэхьу. Апхуэдэ зэхушытыкIэхэр езыгьэгьуэт зэпызыщIэ зэпыщIэныгьэм псалъэухар и мыхьэнэкIэ нэхь кьулей ещI, псалъэухар зыгьэгьугьу мыхьэнэ-синтаксис плъыфэ ирегьэгьуэт.

Хэгьэхьуэн зэльэпкьэгьу. *Вабдзэхэр, фIэбзхэр зэрахьэр* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 94] псалъэухам *вабдзэхэр, фIэбдзэхэр* пкьыгьуэхэр дэтхэнэри *зэрахьэр* гьээщIэным зэрыхушыткIэ зэхуэдэщ – объект хушытыкIэ щыIэщ, лэжьыгьэр зытехуэу щытыр хэгьэхьуэн занщIэхэращ. ЗэпыщIэныгьэ зэпхыкIэр мыбдеж псалъэзэпыщIэншэ IэмалкIэ мэхьу. – *Иджьыри лы, цы, кхьуей вгьуэшыи хуэдэщ* [Къашьыргьэ 1957: 134] псалъэухам хэгьэхьуэн зэльэпкьэгьухэр гьээщIэным щепхаш зыгьэIурыщIэ зэпхыкIэкIэ, езыхэм яку зэпыщIэныгьэ зэпхыкIэ зэрыщыIэм нэмыщI. ПсалъэзэпыщIэкIэ зэпхауэ щапхьэ: *И лъэнэдри, и бостейри, и джанэри дыгьанIэм иредз Залинэ* [ЩоджэнцIыкIу 1973: 124].

Хэгьэхьуэн зэльэпкьэгьухэм щыщу япэ итым псалъэзэшэ кIэух пымыту, етIуанэм пыту гьэпсауэ щытынкIэ хьунуш. Щапхьэ: *...И гьусэфIхэм кьахохьэжери яш, я Iэщэм кIэлъегьэплъхэ* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 376]; *Лыхьугьэ цэныр кьызэращIэфри и шырэ и IэщэкIэ зэпэщыпарт* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 249]. ЕтIуанэ псалъэухам хэт псалъэзэпыщIэ-псалъэужь **-рэ-**кIэ зэпха пкьыгьуитIыр (етIуанэ пкьыгьуэм **-рэ-**м кьыщытригьээзэжыркьым) зы псалъэм хуэдэу зыунэтI псалъэзэшэм иуващ, ауэ кIэух **-кIэ-**р тIуми зэдайщ.

ГьээщIакуэ зэльэпкьэгьу. *Махуэхэри мазэхэри блэкIащ* [Къашьыргьэ 1957: 62]; *Ди нанэрэ абырэ [ХэпащIэрэ] зэсаушIэгьуш* [ЩоджэнцIыкIу 1973: 36]; *Мыбы щылажьэрт МТС-м и техникэри, колхозым и автомашинэхэри, цIыху щитхум нэсыни* [Къашьыргьэ 1957: 133] псалъэухахэм зэпызыщIэ псалъэзэпыщIэкIэ зэпха гьээщIакуэ пкьыгьуэ зэльэпкьэгьухэр зегьэкуэныгьэкIэ щепхаш гьээщIэным.

ГьээщIэн зэльэпкьэгьу. *Хьэуар къабзэу, гуакIуэу щытт* [Къашьыргьэ 1957: 98] псалъэухам гьээщIэн зэхэт-зэльэпкьэгьухэм яIэр гьээщIэн Iыхьэ нэхьыщхьытIми зэдай зы лэжьыгьэцIэ дэлэпыкьуэгьуш. *Иджьышту нэхьыбэу узыхуейр зышыIэрэ Iэмалрэщ, армышуамэ лыгьэжьым* [КIэрашэ 1963: 34] псалъэухам гьээщIэн зэльэпкьэгьухэм псалъэзэпыщIэ-лъабжьэужь **-рэ – -рэ-**кIэ зэпхаш, тIуми зы лъабжьэужь **-щ** яIэу. *Абы сыкIуэмэ, зы тхьэмахуэ, тхьэмахуитIтэкьым сызэрыщыIэр, илъэс псо сыщыщыIэ кьэхьуащ* [Къашьыргьэ 1957: 68] – псалъэзэпыщIэншэу зэпха гьээщIэнитIым яIэщ суффикс **-кьым**, яужь итым пыту.

ЛэжьыгьэцIэ-гьээщIэн зэльэпкьэгьухэр зы зэман гьэпсыкIэм тет хабзэщ.

ГьээщIэн зэльэпкьэгьухэр щы хьумэ, блэкIа зэманым деж япэ ит гьээщIэныр ящI хабзэщ **-щ** зыпыт аористу, етIуанэр **-ри** зыпыт аористу, ещанэр блэкIа зэман гьэпсыкIэ **а-**р зиIэу: *Василь шыр Iушшу шыхьуэхэм шы фIэдзапIэу яIэ жыг кьуагуэм ирипхьыну и гугьащ, арицхьэкIэ Кьемэт фIыщIэ кьыхуищIи, ихуэмьлакIэр IэщIыхьэжери шым и пцэм фIидзэжащ* [КIэрашэ 1963: 27–28]; *Ауэрэ дэжIуэм, япэм ит Кьемэт заниIэу и Iэпхуампэр иIэтиц, кьэувыIэри зэщIэдэIуащ* [КIэрашэ 1963: 61]; *Тхьэ сIуэни, псори ябзиц, псори ядри хьэзырыбзэу ягьэтIылыжэжакIэ* [ЩоджэнцIыкIу 1973: 102].

ГьээщIэн зэльэпкьэгьухэр плIы хьумэ, япэ, етIуанэ гьээщIэнхэр **-щ** зыпыт аорист, ещанэр **-ри** зыпыт аорист, епланэр блэкIа зэманым и лъабжьэужь **-а** зиIэ ящIынкIэ хьунуш, псалъэухар шагьэпскIэ: *Ауэ Батыр Iэбэщ, абы [Уэзрэдж] и жьакIэр кьызэщIуубыдэщ, щIишири жьакIэкIэ жыгым ирипхаш* [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 10]; *Рамазан псалъэ жимыIэу Локьан IэплIэ хуищIи, и пыIэр фIыуэ кьрикьухиц, и шым шэсри кьуаажэм кIуэну ежьащ* [КIэрашэ 1963: 162].

Лъабжьэужь **-ри** зиIэ аористыр зэпхьуэкI хьунуш **-щ** зыпыт аористкIэ, псалъэзэпыщIэ *аби* щIыгьуу, е щыIэцIэм (гьээщIакуэм) псалъэзэпыщIэ-

л'абжьэужь **-и** пыту: – *Умыгъ, си дахэ, – жиIэщ Къемэти абы [Зарэ] и нэпсыр бэл'токукIэ хуил'гъэщIащ* [КIэрашэ 1963: 46].

ГъээщIэнитI зэльэпкыэггум япэ итым л'абжьэужь **-рэ**, етIуанэм **-у** пыту, а тIуми зэдай зы лэжыгъэцIэ дэIэпыкыуэггу яIэу шытынкIэ хьунуш: *Ар укIытэхрэ гухэ цIыкIуу кыыщIэкIыныц* [ЩоджэнцIыкIу 1973: 33]. Морфемэ **-рэ**, **-у**-хэр псалъэм пытыныр кызышэр *кыыщIэкIын* дэIэпыкыуэггурщ. Л'абжьэужь **-рэ-р** **-у**-кIэ зэпхуэкI, етIуанэм **-у** пумыгъэувэу хьунуш.

ГъээщIэн зэльэпкыэггухэм шыщу яужь итым пытынкIэ хьунуш тIуми зэдай л'абжьэужь, гъээщIэнагъ кызыгъэлыагъуэ: *Краснэ уголокми абы щил'гъэгуар пцыхъэщхъэеджэ хыд'жэбзхэмрэ ахэр езыгъаджэ Залинэрэм* [ЩоджэнцIыкIу 1973: 290].

ГъээщIэн зэльэпкыэггухэм дэтхэнэми IэщIэлыщ гъээщIакIуэр, абы и псалъэзешэ гъэпсыкIэр кыыхаху. ГъээщIэн зэльэпкыэггухэр дэтхэнэри щхъэкIэ екIуу шытщ гъээщIакIуэм. ГъээщIакIуэ зэльэпкыэггухэм, гъээщIэн зэльэпкыэггухэм деж синтаксис зэпхыкIэ шыIэщ: пкыгыгуэ зэльэпкыэггухэм яку зэпыщIэныгъэ зэпхыкIэ шыIэщ; гъээщIэнхэр дэтхэнэри гъээщIакIуэм щхъэкIэ, бжыгъэкIэ йокIу; гъээщIакIуэхэр дэтхэнэри гъээщIэным ирегъэувэ е цIэиIуэ, е зыхъуэж псалъэзешэм.

ГъээщIэн зэльэпкыэггу зэхэт псалъэухам гъээщIакIуэр зезыгъакIуэр. Псалъэухам хэт гъээщIэн зэльэпкыэггухэр псори лэжыгъэцIэ л'эмыIэсмэ е нэгъуэщI псалъэ л'эпкыгыгуэмэ, гъээщIакIуэр цIэиIуэ псалъэзешэм йоувэ: *Жмал шым шэри ежъэжащ* [Къашыргъэ 1957: 47]; *КIыфIкыым ди цIыхухэр, еджахэщ, жанхэщ, гъэсахэщ, хуэпахэщ...* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 287]. ГъээщIэн зэльэпкыэггухэр псори лэжыгъэцIэ л'эIэсмэ, л'эIэс зыгъээжмэ, гъээщIакIуэр зыхъуэж псалъэзешэм йоувэ: *Сэ псори згъэвынт, псори сшэчынт, ауэ...* [Къашыргъэ 1957: 8].

ГъээщIэн зэльэпкыэггухэр лэжыгъэцIэ л'эIэс-л'эмыIэскIэ зэщхъэщыкIмэ, гъээщIакIуэр зезыгъэкIуэнур, зэрыувэну псалъэзешэр мыраш: гъээщIакIуэр гъээщIэн зэльэпкыэггухэм япэ итмэ, гъээщIакIуэр зезыгъэкIуэнур япэ ит гъээщIэнырщ (*ЩакIуэм фочыр кыищтэри цIэкIащ*). ГъээщIакIуэр гъээщIэн зэльэпкыэггухэм яужькIэ шытмэ, гъээщIакIуэр зезыгъэкIуэнур яужь ит гъээщIэныр араш (*Фочыр кыищтэри цIэкIащ щакIуэр*).

ГъээщIакIуэр гъээщIэн зэльэпкыэггухэм я кум дэту къакIуэмэ, гъээщIакIуэр зезыгъэкIуэнур абы (гъээщIакIуэм) и ужь итырщ, гъээщIэн зэльэпкыэггухэр зэпызыщIэ-л'абжьэужь **-и**-кIэ зэпхамэ е IуантIэкIэ зэкIэлыхьамэ (*Фочыр кыищтэри щакIуэр цIэкIащ*), ауэ гъээщIэн зэльэпкыэггухэр псалъэзэпыщIэ **икIи**-кIэ зэпхауэ шытмэ, гъээщIакIуэр зезыгъакIуэр абы и пэ къит гъээщIэнырщ (*Тхыл'ылыэр кыищтащ еджакIуэм икIи цIэкIащ еджапIэм кIуэну*).

Хьэл зэльэпкыэггухэр гъээщIэным IэщIэлыщ, дэтхэнэри абы щхъэхуэу егъэщIыIэныгъэ, зегъэкIуэныгъэ зэпхыкIэкIэ епхэхэщ: *Абы цыгъуэ л'агъуныгъэр сэ кыыздэIэпыкыурт: дунейр цIэращIэу, гъащIэр IэфIу, си пкыыр жану, си гупсысэр нэхуу, си гур хуиту сыпсэурт...* [Къашыргъэ 1957: 130]; *Дэ сым цыгъуу: махуэми, жэщми, гъэмахуэми, цIымахуэми ди лэжыгъэр къабзэу, ди Iуэхур цапхъэу дыщытыну и чэзуц* [Къашыргъэ 1957: 168].

Зэльэпкыэггу зэхуэхуэу пкыгыгуэхэр зы псалъэ л'эпкыгыгуэу шыт хабзэщ: *Уафэри, уэрамхэри, жыгхэри махуэ кIэгъэпшагъэм сырыхуфэ ищIат* [КIэрашэ 1953: 16]. Ауэ ахэр шытынкIэ хьунуш псалъэ л'эпкыгыгуэкIэ зэтемыхуэу: *НасыпфIэу, нэфIэгуфIэу, дамэ кыитекIам хуэдэу жану, гуишуауэ, хик'уэу ар [Хъэишэ] макIуэ, Нэфисэт цIыгъуу* [КIэрашэ 1953: 362]; *Къуажэ исполкомым и пцIантIэр адрей пцIантIэхэм хэгъэщхъэхукIат, псэуал'гъэишэ икIи зеиншафэ* [КIэрашэ 1953: 45].

Пкыгыгуэ зэльэпкыэггухэр зэпха мэхуэ макыщIыкIэкIэ (к'эпсэл'ыкIэкIэ), псалъэзэпыщIэкIэ, псалъэзэпыщIэ-псалъэужькIэ.

Хьуплэм кыктыж мэл, **былымхэм я макъ** зэмылгужьыгыгуэ *Иджэ зэцлэггуахуэу кьуажэм цхьэццытыр зэпури, кьуажэр бжьыхьэ пшанэ кыфлым хэсабырыжащ* [Клэрашэ 1953: 60].

2. Ехьэллэ пльыфэцлэхэр гьэнэхуакгуэ зэльэпкыэггухуэ хэувэнущ псалъэухам: **Дыгуасэрей, нобэрей** газетхэм тетц зи гугуу тцла тхыгьэр; **Янэрей, етгуанэрей** призхэр ди республикэм и нэхь шы жэрхэм кыщыхьащ шыгьажэм; **Пасэрей, иджырей** уэрэдхэр зэцхькыым я макъкэ.

Гьэнэхуакгуэ зэльэпкыэггухэм кьагьэлбаггуэ предметыр зэманкэ зыщыщыр.

3. Зэрызэклэлъыкгуэ бжыгьэцлэхэр гьэнэхуакгуэ зэльэпкыэггухуэ хьунущ, зэклэлъыкгуэклэклэ предметхэр зыщыщыр кьагьэлбаггуэу: **Еплланэ, етхуанэ** курсхэр педагогическэ практикэм цылэц иджытсту; **Шыгьажэ** увылтэ тлоцлрэ тхум цыщу **япэ** увылтщыр, **етгуанэ** увылттыр, **ецанэ** зы увылтэр «Псэуклэцлэ» колхозым и шыгьажэхэм яубыдащ [Кьашыргьэ 1957: 292].

4. Цытыккэ гьэлбаггуэ пльыфэцлэхэр гьэнэхуакгуэ зэльэпкыэггухуэ хьунущ, абыхэм гьэнэхуакгуэ кьэс цылэцлэ игьэбелджылыуэ, ауэ цылэцлэр зэ флэкла жьымылауэ цытмэ. Апхуэдэ гьэнэхуакгуэхэм я зэхуакум зэпыугуэу цылэу кьапсэлъ иккэ дэтхэнэми псалъэзешэ клэух пыгыну кьозэгь. Цапхьэ: *Удз гьэгьа хужьхэр, пльыжьхэр, гьуэжьхэр, цлыхухэр, тхьэмбылыфэхэр* ди губгьуэхэм цыкуэддыклейщ гьэмахуэм; *Шы пцлэггуэпль, кьарэ, гьуабжэ, кьэбыфэ, пцлэггуэпль* – дэтхэнэм хуэдэри цыплэаггунущ гьэмахуэм Дзэлыкгуэ хьуплэм.

5. Гьэнэхуакгуэ зэльэпкыэггухуэ мэхуу зы цылэцлэ зыгьэбелджылы (зы лъэныкьуэжлэ) цытыккэ кьэзыгьэлбаггуэ пльыфэцлэхэр: *Шы кьарэ льякьуэху натлэггуджэр* псоми кьатежащ; *Жэм кьуэху бжьэккэрэф* псы лүфэм цыхьуакгуэрт; *Жыг баринэ даххэр* гьуэгубгьуэм егьэккэлащ.

Апхуэдэ гьэнэхуакгуэ зэльэпкыэггухэм зы псалъэзешэ клэухщ, куэдагь кьэзыгьэлбаггуэ зы псалъэужь -хэ-щ япыгуэ хабзэр, ягьэбелджылы цылэцлэри кьызэшлэубыдэу: *Бгы льяпэм цлэс кьуажэ кыхьыр пшэ льяхьыиэ лүвхэм цлауфат* [Кьашыргьэ 1957: 5].

Лэжыгьэм кызырыщыдгьэлгьэгуащи, пкыгыгуэ зэльэпкыэггухэмкэ гэгэгугуа псалъэухахэр бзэм куэдрэ кьышагьэсэбэп абыхэм кьэхьугьэ, гурыль куэд кьагьэлгьэгуэфу зэрыщытым кьыхэккэ. Мы псалъэуха лгужьыгыгуэхэр псалъэуха кызырыкгуэхэмрэ псалъэуха зэхэльхэмрэ я кум итщ. Пкыгыгуэ зэльэпкыэггухэр зэпыщлэныгьэ зэпхыккэклэ зэпхаш, абыхэм цыщу зыр нэхьыщхьэу, адреир клэрыдзэну цыткыым, ахэр зэхуэдэщ.

Тегьэщлэплэхэр Список источников

Адыгэ таурыхьхэр 2018 – *Адыгэ таурыхьхэр*. Етгуанэ том. Телъыджей таурыхьхэр / зэхэз. Тхьэмокьуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыльхэр тедзэным шыхуагьэхьэзыр кьудамэ, 2018. 592 н. (Адыгские сказки. Т. 2. Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 592 с.).

Джаурджий 1993 – *Джаурджий Хь*. Адыгэбзэ. Налшык: Эльбрус, 1996. 272 н. (Гяургиев Х. Кабардинский язык. Нальчик: Эльбрус, 1996. 272 с.).

Клэрашэ 1963 – *Клэрашэ Т*. Абрэдж. Налшык: Кьэбэрдей-Балькьэр тхыль тедзаплэ, 1963. 180 н. (Керашев Т. Абрек. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1963. 180 с.).

Клэрашэ 1953 – *Клэрашэ Т*. Гьуэгугуу насыпыфлэ. Налшык: Кьэбэрдей тхыль тедзаплэ, 1953. 367 н. (Керашев Т. Дорога к счастью. Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1953. 367 с.).

Кьашыргьэ 1957 – *Кьашыргьэ Хь*. Насыпым и хэкыплэ. Налшык: Кьэбэрдей-Балькьэр тхыль тедзаплэ, 1957. 309 н. (Каширгов Х. Источник счастья. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).

Урыс 1994 – *Урыс Хь*. Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 213 н. (Урусов Х.Ш. Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. Нальчик: Эльбрус, 1994. 213 с.).

ЩоджэңцЫкІу 2000 – ЩоджэңцЫкІу А. Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н. (Шогенцуков А. А. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 432 с.).

ЩоджэңцЫкІу 1962 – *ЩоджэңцЫкІу I*. Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапэ, 1962. 232 н. (Шогенцуков А.О. Весна Софият. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 232 с.).

ЩоджэңцЫкІу 1973 – *ЩоджэңцЫкІу I*. Уи цІэр фІэсщынщ. Налшык: Эльбрус, 1973. 304 н. (Шогенцуков А. О. Назову твоим именем. Нальчик: Эльбрус, 1973. 304 с.).

References

Adyge taurykh”kher [Adyghe fairy tales]. (Adygskie skazki. T. 2. Volshebnye skazki / sost. Zh.G. Tkhamokova (Braeva). Nal’chik: Redaktsionno-izdatel’skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. 592 s.) (In Kabardino-Circassian)

DZHEURDZHII KH’. *Adygebze* [Kabardian language]. Nal’chik: El’brus, 1996. 272 s.

KIERASHE T. *Abredzh*. [Abrek]. Nal’chik: Kabardino-Balkarskoe kn. izd-vo, 1963. 180 s. (In Kabardino-Circassian)

KIERASHE T. *G’uegu nasyphyfe* [The Road to Happiness]. Nal’chik: Kabardinskoe kn. izd-vo, 1953. 367 s. (In Kabardino-Circassian)

K””ASHYRG””E KH”. *Nasyym i khekyple*. [The source of happiness]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Publishing house, 1957. 309 p. (In Kabardino-Circassian)

URYS KH”. *Adyge grammatika. Sintaksis, punktuatse*. [Kabardian grammar. Syntax, punctuation]. Nalchik: Elbrus, 1994. 213 p. (In Kabardino-Circassian)

SHCHODZHENTSIYKIU A. Tkyhgy”ekher. [Selected works]. Nalchik: Elbrus, 2000. 432 p. (In Kabardino-Circassian)

SHCHODZHETSIIYKIU I. *Sofyat i g’atkhe*. [Spring Sofiyat]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Publishing house, 1962. 232 p. (In Kabardino-Circassian)

SHCHODZHETSIIYKIU I. *Ui tsler flesshchynshch* [I’ll call you by your name]. Nalchik: Elbrus, 1973. 304 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Жылэтеж Хь.Ч. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъақІуэ нэхъыжъ.

Информация об авторе

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

H.Ch. Zhiletezhov – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 11.11.2022 ; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-101-107

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ВЕКТОРНОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

Дина Мухарбиевна Кумыкова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), Нальчик, Россия, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© Д.М. Кумыкова, 2022

Аннотация. Статья посвящена наименее изученному в адыгском языкознании векторному типу антонимических корреляций, основанному на противоположной направленности движения, процессов, свойств и признаков. С учетом системно-структурных характеристик кабардино-черкесского языка проанализированы особенности реализации векторной противоположности. В зависимости от семантики глагольной формы определены два типа глагольных коррелятивных пар: собственно-векторные и результативные векторные корреляты. Показано, что первый тип коррелятов представлен морфологически маркированными разнокорневыми и однокорневыми глагольными образованиями с семантикой направленного движения. Анализ фактического материала продемонстрировал разнообразие средств и моделей экспликации семантики векторной противоположности, в числе которых основное место занимают модели с аблаутными чередованиями *е/ы, е/э* в основе глагольных образований в сочетании с локальными провербами и направлятельными аффиксами. Выявление и описание основных способов репрезентации глагольной оппозитивности имеет значение не только для решения в дальнейшем проблемы установления полного инвентаря словообразовательных средств, участвующих в создании антонимичности, но и в целом – для определения границ кабардино-черкесской антонимии.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, антонимические оппозиции, векторные корреляты, глагол, инвентарь словообразовательных средств

Для цитирования: Кумыкова Д.М. Особенности репрезентации векторной противоположности в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 101–107. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-101-107

Original article

**PECULIARITIES OF VECTOR OPPOSITE REPRESENTATION
IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE**

Dina M. Kumykova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© D.M. Kumykova, 2022

Abstract. The article is devoted to the least studied vector type of antonymic correlations in Adyghe linguistics, based on the opposite direction of movement, processes, properties and features. Taking into account the system-structural characteristics of the Kabardino-Circassian language, the features of the implementation of vector opposition are analyzed. Depending on the semantics of the verb form, two types of verb correlative pairs are defined: self-vector and resulting vector correlates. It is shown that the first type of correlates is represented by morphologically marked multi-root and single-root verb formations with the semantics of directional movement. The analysis of the factual material has demonstrated a variety of means and models of explication of the semantics of vector opposition, among which the main place is occupied by models with ablaut alternations *е/ы, е/э* in the basis of verb formations in combination with local preverbs and directional affixes. The identification and description of the main ways of representing verbal opposition is important not only for solving the problem of establishing a complete inventory of word-formation means involved in the creation of antonymy, but also in general for determining the boundaries of Kabardian-Circassian antonymy.

Keywords: Kabardino-Circassian language, antonymic oppositions, vector correlates, verb, inventory of derivational means

For citation: Kумыкова D.M. Peculiarities of vector opposite representation in the Kabardian-Circassian language. Vestnik KBIГИ = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 101–107. (in Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-101-107

Исследования антонимических оппозиций в кабардино-черкесском языке долгие годы ограничивались изучением противоположности в области слов качественной семантики [Яковлев 1948: 130–131], [Шагиров 1962: 45–47], [Апажев 2004: 70–76], [КЧЯ 2006: 43–47]. До настоящего времени за рамками исследовательского интереса лексикологов и лексикографов остаются антонимические корреляции, основанные на противоположной направленности движения, действий, процессов, свойств и признаков.

В статье рассмотрим особенности реализации векторной противоположности в кабардино-черкесском языке, а также проанализируем некоторые модели создания глагольной оппозитивности, что важно для установления в дальнейшем инвентаря словообразовательных средств, участвующих в создании антонимичности. Работа в данном направлении была начата нами ранее на материале контрадикторных антонимов [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020].

В кабардино-черкесском, как и в других языках, векторная оппозитивность может выражаться различными частями речи: глаголами (*джэлэн* «упасть» – *тэджы(жы)н* «подняться», *цлыхьэн* «зайти» – *цлэклын* «выйти», *дэциеин* «заползать наверх» – *ециыхын* «сползать вниз», *хыхьэн* «войти куда-н.» – *хэклын* «выйти откуда-н.», *пхэн* «завязать» – *тлэтэн* «развязать», *зэхухын* «открыть» – *зэхуэцлын* «закрыть», *цлэ(гьэ)нэн* «зажечь; включить» – *(гьэ)унклэфлын* «потушить; выключить»), существительными, образованными от глагольных основ с семантикой пространственного перемещения в сочетании с компонентом *нлэ* «место» (*дэгъэзеинлэ* «место подъема» – *егъэзыхынлэ* «место спуска», *ехынлэ* «место спуска» – *дэжлеинлэ* «место подъема», *цлыхьэнлэ* «вход» – *цлэклынлэ* «выход», *хыхьэнлэ* «место входа во что-л.» – *хэклынлэ* «место выхода откуда-л.»), наречиями с семантикой пространственного направления (*ицхьэмклэ* «сверху» – *ильабжьэмклэ* «снизу», *ипэклэ* «спереди; вначале» – *иужькклэ* «сзади; после»), существительными со значением «антиподной / диаметральной противоположности» в пространстве (по терминологии Дж. Лайонза) (*адрыцил* «заречь; та сторона» – *мыдрыцил* «этот берег; эта сторона», *ицхьэрэ* «север; низовье; нижняя часть (реки, населенного пункта и т.п.)» – *ипцэ* «юг; верховье; верхняя часть (реки, населенного пункта и т.п.)», *кьуэклынлэ* «восток; место выхода, восхода» – *кьухьэнлэ* «запад; место захода», *цыгу* «вершина; макушка» – *лпанэ* «подножие (горы); изножье») и др. [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2019: 139–140].

Значительная часть векторных оппозиций представлена именно глагольными антонимами. В их составе можно обозначить два типа коррелятивных пар в зависимости от семантики глагольной формы.

1) **Собственно-векторные корреляты** – глаголы, выражающие противоположные направления движения или процесса: *дэгъэзеин* «повернуть наверх» – *егъэзыхын* «повернуть вниз», *бгъэдэльэдэн* «подбежать к кому-чему-л.» – (*кбы*) *бгъэдэжын* «отбежать от кого-чего-л.», *зэбгъэдыхьэн* «подойти друг к другу» – *зэбгъэдэклын* «отойти друг от друга».

2) **Результативные векторные корреляты** (или реверсивные антонимы – в терминологии Д. Круза [Cruse 1986]), противопоставленность которых основана на противоположности результатов, к которым приводят процессы, передаваемые глагольными оппозитами; глагольные антонимы данного типа соотносятся с контрарно оппозитивными прилагательными, обозначающими контрастивные состояния, например: *гъэмэщлэн* «уменьшить (количество)» – *гъэкуэдэын* «увеличить (количество)» и *мащлэ* «мало» – *куэд* «много». Ср. еще: *гъэинын* «увеличить, сделать большим (размер)» – *гъэцлыкун* «уменьшить, сделать маленьким (размер)», *гъэклэщлын* «укоротить» – *гъэкыхьын* «удлинить», *гъэльэгэн* «повысить» – *гъэльэхьшэн* «понизить», *гъэльэпэн* «дорожить; делать дорогим» – *гъэпудын* «делать дешевым, дешевить», *гъэпсынцилэн* «облегчить» – *гъэхьэлэн* «утяжелить». В данную группу входят также корреляты, отношения между которыми выражаются схемой 'действие X' – 'уничтожение результата действия X' [Кронгауз 2005: 146]: *уфлеин* «загрязнить» – *гъэкъэбзэн* «почистить», *гъэуцлынын* «увлажнить» – *гъэгъуцын* «высушить», *гъэутхьуэн* «замутить, сделать мутным» – *гъэжэбзэн* «сделать прозрачным»,

Проиллюстрируем материалом из художественных произведений: *Маклэ* *къэувылэ* *зимылэ* *зэманьр*, *махуэу* *къэтпсэуар* *махуэ* *къэс* *зыклэ* *игъэкуэду*, *къэнэжар* *зыклэ* *игъэмащлэу* (Къармокъуэ М. Щихухэр иджыри мэкI). / «Время идет безудержно, ежедневно **увеличивая** на один день число прожитых дней и **уменьшая** на один число оставшихся». *Тоня* и *макъыр* *нэхъ* *игъэльэгащ*, *Нади* *ядищтац* *етлуанэ* *макъыу* (Дыгъужь Къу. Щымахуэ лэгъупыкьу). / *Тоня* **повысила** *голос*, *Надя* *ее* *подхватила* *вторым* *голосом*. – *Щэху* *ин* *ишутэ* *хуэдэ*, *егъэльэхьшэ* *Саний* и *макъыр* (Абазэ Л. Анэм и джэ макъ). / *Саний* **понизила** *голос*, *будто* *раскрывает* *какую-то* *большую* *тайну*.

Как видно из приведенных примеров, результативный тип векторных коррелятов в основном представлен разнокорневыми глаголами, что объясняется их «генетической» связью с градуальными адъективными антонимами; в них оппозитивность обусловлена семантической нагрузкой самих основ лексических единиц. Для целей нашего исследования особый интерес представляют собственно векторные корреляты, выраженные как разнокорневыми, так и однокорневыми глагольными образованиями с семантикой направленного движения, в которых противопоставленность актуализируется с помощью морфологических средств.

Возможно выделение двух основных видов глаголов направленного движения: группы глаголов векторной характеристики движения по вертикали и группы глаголов векторной характеристики движения по горизонтали. К *первой группе* относятся глаголы со значением движения **вверх** – **вниз**: *дэжеин* «бежать вверх» – *ежэхын* «бежать вниз», *дэльэфейн* «затащить, подтянуть наверх» – *ельэфэхын* «стащить, стянуть/натянуть вниз». Ко *второй группе* – глаголы, указывающие на направленность движения **к объекту** – **от объекта** (*бгъэдэклуэтэн* «придвинуться к» – *бгъэдэклуэтын* «отодвинуться от»), и глаголы с семантикой направленности движения **внутри** – **наружу** / **изнутри** (*дэльэфэн* «затащить куда-либо внутри» – *дэльэфын* «вытащить откуда-л. изнутри», *клуэцлыклуриен* «повалиться, завалиться во что-л.» – *клуэцлыклурииклын* «вывалиться из чего-л., например, из свертка»).

Рассмотрим наиболее продуктивные модели, актуализирующие векторную противопоставленность в группах производных глаголов.

В глаголах первой группы противопоставленность значений экспонируется направлятельными превербами *дэ-* (со значением направления *вверх*) в сочетании

с огласовкой корневой морфемы вокализмом **-е** и превербом **е-** (со значением направления *вниз*) в сочетании с направительным суффиксом **-х(ы)-** и аблаутом (**е/ы** или **е/э**): *дэ-гъэзе-и-н* «направить вверх» – *е-гъэзы-хы-н* «направить вниз», *дэ-жье-и-н* «зачесать наверх» – *е-жьы-хы-н* «расчесывать сверху вниз», *дэ-кӀуэте-и-н* «двигаться наверх» – *е-кӀуэтэ-хы-н* «двигаться вниз», *дэ-бле-и-н* «плести снизу вверх» – *е-блы-хы-н* «плести сверху вниз», *дэ-ше-ин* «повезти/повести вверх» – *е-шэ-хы-н* «повезти/повести вниз», *дэ-дзе-ин* «подкинуть вверх» – *е-дзы-хы-н* «скинуть вниз», *дэ-же-и-н* «бежать вверх» – *е-жэ-хы-н* «бежать вниз», *дэ-плъе-ин* «смотреть вверх» – *е-плъы-хы-н* «смотреть вниз». Ср. на материале художественных произведений: *ЗытӀуцрэ хъурейуэ къыкӀухъа нэужь, кӀэрымыщӀа къамэ Iэпцэмрэ къамэкӀэмрэ IутӀымкӀэ шыгъыу хитӀэу, дэпкӀейрэ* лъэуэ, *къепкӀыхыжрэ* лъапэ хэсэ ицӀу *Зырамыку къафэрт* (Теунэ Хь. Шэджемोकъуэ лъэпкъ). / «Обойдя круг пару-тройку раз, Зрамук начал танцевать, придерживая обеими руками невидимый клинок (на поясе), то **подпрыгивая** вверх, то **спрыгивая** вниз и становясь на пальцы». *Кургъокъуэ и хъуэхъу гъэщӀэрэщӀам цауэр едӀуафэ теткъым адэкӀэ-мыдэкӀэ зеплъыхъ, и адэм йоплъ, зи нэпс зылъэщӀ и анэм хуоплъэкӀ, и цхъэр егъэкӀэрахъуэ, йоплъых, доплъей* (Нало А. Нэхуш шу). / «Не похоже, что юноша слушает витиеватый тост Кургоко, (он) смотрит по сторонам, на своего отца, на мать, утирающую слезы, крутит головой, **смотрит вверх, (смотрит) вниз**». *УлӀу цытмэ, моуэ тӀэкӀу IукӀ, е дэгъззей, е егъззых, зыуцыхъ* (Шортэн А. Бгырысхэр). / «Если ты мужчина, отойди немного в сторону, **поднимись** или **спустись**, оглянись по сторонам». *Дыгъэр дэкӀуэтеуэ, махуэр хуабэт* (Теунэ Хь. Шэджемोकъуэ лъэпкъ). / «Солнце **поднялось** и день был теплый». — *Аузым и адрыщӀымкӀэ къыщыт къури лъагъшхуэм дыгъэр цхъэщыхъауэ хуэмурэ екӀуэтэхырт* (Теунэ Хь. Шэджемोकъуэ лъэпкъ). / «Солнце медленно **опускалось** за высокую гору, которая виднелась с другой стороны ущелья».

Большим разнообразием отличается инвентарь средств репрезентации семантики противоположности в группе глаголов векторной характеристики движения по горизонтали. Специфичным способом образования векторных однокорневых антонимов с направленностью движения типа **к объекту – от объекта** является аблаутное чередование **-э/-ы-** в основе однокорневых глагольных образований с локальными превербами **пэры-** (со значением «перед кем-чем-л.»), **бгъэдэ-** (со значением «возле кого-чего-л.»), **бгъуры-** (со значением «рядом с кем-чем-л.»): основа с исходом на **-э-** выражает действие, направленное к объекту, а основа с исходом на **-ы-** – действие, направленное от объекта. «В бессуффиксальных моделях именно аблаут выполняет функцию изменения направления действия, т.е. альтернатива корневых морфем изменяет направление действия, например, *пэры-кӀуэтЭ-н* «подойти к чему-л. близко» и *пэры-кӀуэтЫ-н* «отойти от чего-л.» [КЧЯ 2006: 275]. Ср.: *бгъэдэкӀуэтэ-н* «придвинуться к кому-чему-л.» – *бгъэдэкӀуэты-н* «отодвинуться от кого-чего-л.», *бгъурыхуэ-н* «подогнать кого-что-л. к чему-л.» – *бгъурыху(Ы)-н* «отогнать кого-что-л. от чего-л.», *бгъурышэ-н* «подвести кого-что-л. к чему-л.» – *бгъурышы-н* «отвести кого-что-л. от чего-л.», *бгъэдэдзэ-н* «подбросить кого-что-л. к кому-чему-л.» – *бгъэдэдзы-н* «отбросить кого-что-л. от кого-чего-л.». Ср.: *Абдулчэрим абы и нитӀым щӀэплъэри, нэхъри гъунэгъуу бгъэдэкӀуэтац* (Теунэ Хь. Шэджемोकъуэ лъэпкъыр). / «Абдулкерим посмотрел ей в глаза и **придвинулся** к ней еще ближе». – *Уи философьер сужэгъуац, – жи Заужан, лӀым бгъэдэкӀуэтурэ* (Нало З. Дыджым и IэфӀыгъэ). / «– Надоела твоя философия, – говорит Заужан, **отодвигаясь** от мужа». Ср. еще: *Шым йольэдэкъауэри и адэм бгъурехуэ* (Елгъэр К. Щыуагъэ). / «Пришпорил коня и **подогнал** к отцу». – *Iэщыр пыпхъуэм бгъурихуац* (СКЧЯ, С. 42). / «**Отогнал** скотину от скирды».

Векторная противопоставленность актуализируется бессуффиксальными моделями с направительными превербами **хуэ-** («направление в сторону **от**

говорящего: отсюда – туда)), **кь(ы/э)-** («направление в сторону говорящего: отсюда – сюда») например: *шэн* «вести, везти» – *хуэшэн* «повести/повезти к кому-чему-л.» – *кьэшэн* «привести / привезти к себе», *гьэжүэтэн* «двигать» – *хуэгьэжүэтэн* «подвинуть к кому-л.» – *кьэгьэжүэтэн* «придвинуть к себе». Ср.: *Хьэтишыпхэр зытель кьэпыр цлалэм и дешклэ хуегьэжүатэ Бэтмырзэ* (Елгээр К. Лъэужь). / «Батмырза **отодвигает** мешки с вещами в сторону юноши». – *Сэ стлолым сыбгьэдотлысхьэри, телефоныр гьунэгьуу кьызогьэжүатэ, си макьым зызогьэлэт...* (Кыщокьуэ А. Лъапсэ). / «Я сажусь за стол, **пододвигаю к себе** близко телефон и повышаю свой голос».

Альтернатива корневых морфем (**э/ы**) в сочетании с локальными провербами **дэ-** (со значением «внутри чего-л, между чем-л.»), **хэ-** и **кьүэцьы-** (со значением «нахождение где-л., внутри чего-л.») приводит к изменению направления в противоположную сторону действия, выражаемого глаголами движения, типа **внутри – наружу / изнутри:** *дэ-лэйтэ-н* «залететь, влететь куда-л.» – *дэ-лэйти-н* «вылететь откуда-л.», *дэ-лээлэ-н* «сыпаться внутрь» – *дэ-лээлэты-н* «высыпаться откуда-л.», *дэ-лэфэ-н* «затащить куда-л.» – *дэ-лэфы-н* «вытащить откуда-л.», *хэ-лэйтэ-н* «впорхнуть куда-л.» – *хэ-лэйти-н* «выпорхнуть откуда-л.», *хэ-тхьуэ-н* «сгрести что-л. во что-л.» – *хэ-тхьу(ы)-н* «выгрести что-л. из чего-л.», *кьүэцьы-дэ-н* «побросать что-л. внутрь чего-л.» – *кьүэцьы-дэты-н* «выбросить что-л. из чего-л.», *кьүэцьы-цэтэ-н* «упасть, провалиться внутрь чего-л.» – *кьүэцьы-цэты-н* «выпасть, вывалиться из чего-л.». *кьүэцьы-цэцэ-н* «засыпаться внутрь чего-л.» – *кьүэцьы-цэцэты-н* «высыпаться из чего-л.». Ср.: *Щлалэр кьеуджэжкхэм кьыпыкьыу утыкум кьызэрихьэу, Зырамыку дэлэтри, Из ижсьыр шияуэ япэувац* (Теунэ Хь. Шэджемькьуэ лъэпкьыр). / – *(Адэлбий) Шы флэдзанлэм клэрыт уанэшим бгьэдыхьэц, абы зридзри пцлантилэм дэлэтац, Налиык кьүэну* (Теунэ Хь. Шэджемькьуэ лъэпкьыр). / «Адалбий подошел к скакуну, стоящему у привязи, запрыгнул на него и **вылетел** со двора». *Уэгум пшэ Израмэ цыхуарзэрт. А пшэ Израмэм зы пцлэцхьэу хэлэтац* (Нартхэр). «В небе парило одно облако. В это облако **впорхнула** одна ласточка». – *Зи уэрэд иджыпсту дедэлуар тхэлэтри Иналыкьуэхэ ди лъапсэри гьуцац* (Мафлэдз С. Щаклэу фьыцлэ). «Тот, чью песню мы сейчас слушаем, **выпорхнул (улетел от нас)**, и Иналуковы исчезли с лица земли».

Потенциация значения противоположности способствует включение в рассматриваемую модель направительного суффикса **-кь(ы)-** в сочетании с аблаутом (**э/ы**): *дэлэйтэ-н* «залететь куда-л. внутрь» – *дэлэйти-кь(ы)-н* (наряду с *дэлэйти-н*) «вылететь откуда-л. изнутри», *лүлэйтэ-н* «подлететь к чему-л.» – *лүлэйти-кь(ы)-н* (наряду с *лүлэйти-н*) «отлететь от чего-л.».

Выступая в провербных бессуффиксальных глаголах, данный суффикс в сочетании с аблаутом (**э/ы, е/и**) создает оппозицию исходной единице, эксплицируя значение противоположного направления действия. Речь идет о моделях, в которых направительный суффикс **-кь(ы)-** используется в сочетании с локальными провербами, такими как: **цлэ-** (внутри; под, снизу чего-л.), **пы-** (внутри чего-л., рядом с чем-л.), **кьүэцьы-** (внутри чего-л.), **те-** (сверху, на верх кого-чего-л.), **флэ-** (сверху кого-чего-л.), **дэ-** (внутри чего-л.), **хэ-** (в чем-л., внутри чего-л.), **лү-** (возле кого-чего-л.). Приведем примеры: *цлэшиие-н* «протянуть куда-либо, под что-либо» – *цлэшии-кь(ы)-н* «высунуть откуда-либо, из помещения; из-под чего-либо»; *пылүэнтлэ-н* «прикрутить, привинтить; вкрутить, ввинтить» – *пылүэнтлы-кь(ы)-н* «открутить, отвинтить», *кьүэцьыдэжэрэ-н* «завернуться, закатиться во что-л.» – *кьүэцьыдэжэрэты-кь(ы)-н* «выкатиться, вывалиться из чего-л.», *кьүэцьыгьэжүэжүэ-н* «повалить во что-л.» – *кьүэцьыгьэжүэжүэ-кь(ы)-н* «вывалить из чего-л.», *дэлүэнтлэ-н* «въехать, завернуть куда-л. внутрь» – *дэлүэнтлы-кь(ы)-н* «выехать откуда-л., за пределы чего-л.», *хэшиие-н* «протянуть внутрь» – *хэшии-кь(ы)-н* (протянуть наружу), *телүэнтлэ-н* «накрутить сверху» – *телүэнтлы-кь(ы)-н* «открутить», *флэлүэнтлэ-н* «накрутить, прикрутить» – *флэлүэнтлы-кь(ы)-н* «открутить, отвинтить». Противоположное значение сохраняется и при присоединении префикса **зэ-**,

с помощью которого передается категория взаимности: *зэ-тегунтэ-н* «скрутить» – *зэ-тегунтлы-кты-н* «раскрутить» [Дзуганова, Кумыкова 2015: 1544].

Таким образом, представление о кабардино-черкесской антонимии не может быть полным без обращения к векторному типу оппозитивности. При том, что семантика противоположной направленности действий, признаков и свойств реализуется в кабардино-черкесском языке различными частями речи, все же в зоне векторной антонимии преобладают глагольные корреляции, которые могут транслировать противопоставленность не только собственно лексическими средствами в силу семантической нагрузки корневой морфы, но и с помощью различных грамматических и морфонологических средств. Как показано выше, модификаторами значений векторных оппозитивных компонентов выступают аблаутные чередования *э/ы, е/и* в совокупности с разнообразными локальными превербами и направлятельными аффиксами. Богатство арсенала средств репрезентации векторной противоположности, которым располагает кабардино-черкесский язык, объясняет необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

Список источников

Апажев 2004 – *Апажев М.Л.* Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским: учеб. пособие. Нальчик: КБГУ, 2004. 153 с.

Дзуганова, Кумыкова 2015 – *Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М.* Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

Кронгауз 2005 – *Кронгауз М. А.* Семантика: учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений. 2-е изд. исправ. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2019 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Антонимические отношения в кабардино-черкесском языке: опыт семантической классификации // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2019. № 3 (42). С. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142>

Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Средства экспликации семантики контрадикторности в производных антонимах (на материале кабардино-черкесского языка) // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2020. № 4. С. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-229-239>

КЧЯ 2006 – *Кабардино-черкесский язык: в 2-х томах*. Т. 1. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 550 с.

Шагиров 1962 – *Шагиров А. К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962.

Яковлев 1948 – *Яковлев Н. Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Cruse 1986 – *Cruse D. A.* *Lexical Semantics*. Department of General Linguistics University of Manchester. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.

References

APAZHEV M.L. *Leksicheskaya semasiologiya kabardino-cherkesskogo yazyka v sopostavlenii s russkim: ucheb. posobie* [Lexical semasiology of the Kabardian-Circassian language in comparison with Russian: textbook]. Nalchik: KBGU, 2004. 153 p. (In Russian)

DZUGANOVA R.H., KUMYKOVA D.M. *Principy opisaniya morfonologicheskikh yavlenij v glagole kabardino-cherkesskogo yazyka* [Principles for describing morphonological phenomena in the verb of the Kabardino-Circassian language]. IN: *Fundamentalnye issledovaniya*. 2015. № 2–7. P. 1542–1545

KRONGAUZ M. A. *Semantika: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh fakul'tetov vysshih uchebnykh zavedenij* [Semantics: a textbook for students of linguistic faculties of higher

educational institutions]. 2-e izd. isprav. i dop. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2005. 352 p. (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) D.M. *Antonimicheskie otnosheniya v kabardino-cherkesskom yazyke: opyt semanticheskoi klassifikatsii* [Antonymic relations in the Kabardian-Circassian language: the experience of semantic classification]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy [Bulletin (vestnik) of the kabardian-balkarian institute for the humanities research]. 2019. No. 3(42). P. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142> (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T. *Sredstva eksplikacii semantiki kontradiktornosti v proizvodnyh antonimah (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka)* [Means of Explication of the Semantics of Contradiction in Derived Antonyms (Based on the Material of the Kabardino-Circassian Language)]. IN: Elektronnyj zhurnal “Kavkazologiya”. 2020. № 4. P. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-229-239>

Kabardino-cherkesskii yazyk: v 2-kh tomakh. T. 1 [Kabardian-Circassian language: in 2 vols. Vol. 1]. Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. 550 p. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noi leksikologii adygskikh yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 212 p. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardian-Circassian language]. M.–L.: AN SSSR, 1948. 372 p. (In Russian)

CRUSE D.A. *Lexical Semantics*. Department of General Linguistics University of Manchester. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.

Информация об авторе

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

D.M. Kumykova – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Научная статья
УДК 81(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-108-115

АДЫГЭБЗЭМ И ЗЭПЭЩЫТ ПСАЛГЭХЭР

Токмакъ Мадина Хьэсэнбий инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакъ М.Хь., 2022

Аннотаци. Мы лэжыгъэм зэпэщыт псалгэхэр адыгэбзэм зэрыхэтыр къыщыгъэлъэгъуаш, ахэр джыным хэльхэныгъэ хуэзышIа бзэщIэныгъэлIхэм и гугъу дощI. Зэпэщыт псалгэхэр адреи лексико-семантикэ категорэхэм (зэмыхэнэгъу псалгэ, Iукизэщхь псалгэ сыт хуэдэхэм) зэрапышIам дытопсэлъыхь. Зэпэщытыгъэ къэзыгъэлъагъуэ псалгэхэм хагъэхэ хабзэхэм нэмыщI лэжыгъэм и гугъу щыдошI мы лексико-семантикэ гупым хыхьэ энантиосемиекIэ эджэ семантикэ къэхукъащIэми, ар зищIысыр зэхыдогъэкI, абы и шапхэахэр къыдохь. Адыгэбзэ псалгэхэм я зэпэщытыныгъэр, езы бзэм иIэ лексикэ занэхэмкIэ нэмыщI, псалгэ къыхыхьамкIэ къулей зэрыхьур къыдогъэлъагъуэ. Совет зэманым къыщышIэдзауэ зэпэщыт псалгэхэм адыгэбзэм къазэрышыхэхьур, языныкъуэ зэпэщыт псалгэ къыхыхьахэр зэкIэрымыкIыу зэгъусэу бзэм зэрыхыхьар, адреихэм я зэпэщытыныгъэр адыгэбзэм зэрышагъуэтыр къыдохутэ. Лэжыгъэм нэрылъагъу щыдошI жьэрыуатэ жьабзэми тхыгъэ жьабзэми зэхуэдэу къыхыхьа псалгэхэр зэрапышIар, ауэ шхьэж и гурыуэныгъэкIэ ахэр къызэригъэсэбэпыр: япэм ахэр зэрышытым хуэдэу къиштэу, етIуанэм – семантикэ калькэкIэ. Мыхьэнэбэу щыт псалгэм и зэпэщыт зэхушытыкIэхэр езы бзэм и псалгэкIи къыхыхьа псалгэкIи къызэригъэхуфыр къыдогъэлъагъуэ, абы и шапхэахэр къыдохь.

Зэрыгуэзэн псалгэхэр: зэпэщыт псалгэхэр, адыгэбзэ, зэпэщытыныгъэ, мыхьэнэбэ псалгэхэр, энантиосемие

Цитатэ къызэрыхэлхьыур: Токмакъ М.Хь. Адыгэбзэм и зэпэщыт псалгэхэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 108–115. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-108-115

Original article

ANTONYMY OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2022

Annotation. The article deals with one of the main categories of the lexico-semantic system – antonymy. It is noted that antonymy, its relationship with a number of other categories of lexical units, in particular, with synonyms and homonyms, is an important and quite often manifested evidence of the systemic nature of vocabulary.

The state of study, the level of lexicographic elaboration of this linguistic phenomenon both in Russian and in the Kabardino-Circassian language are reflected. Within the limits of antonymy, the phenomenon of enantiosemy is distinguished, characterized by the combination of two opposite meanings in one unit. The influence of borrowed vocabulary on the antonymy of the Kabardino-Circassian language, on the development of the entire lexico-semantic system is analyzed. Comparison of antonymic pairs with the participation of borrowed words revealed the difference between oral and written speech: if in the first case the word is mostly directly borrowed, then in the second case this process occurs indirectly, through semantic tracing. Possible ways of functioning of borrowed words in the Kabardino-Circassian language and acceptable variants of their antonymic pairs with native words are shown. The role of polysemantic words in the creation of antonymic relations is noted. The main trends in the development of the modern Kabardino-Circassian language due to borrowings are indicated: 1) the growth of genetically different series of antonyms, 2) the destruction of such associations and the creation of genetically homogeneous antonyms.

Keywords: antonyms, kabardino-circassian language, antonymic pairs, polysemantic words, enantiosemy

For citation: Tokmakova M.H. Antonymy of the kabardino-circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 108–115. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-108-115

Научная статья

АНТОНИМИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2022

Аннотация. В статье рассматривается одна из основных категорий лексико-семантической системы – антонимия. Подмечено, что антонимия, ее взаимосвязь с целым рядом иных категорий лексических единиц, в частности, с синонимами и омонимами – является важным и довольно часто проявляющимся свидетельством системности лексики. Отражено состояние изученности, уровень лексикографической разработанности данного языкового явления и в русском языке, и в кабардино-черкесском языке. В пределах антонимии выделяется явление энантиосемии, характеризующееся совмещением в одной единице двух противоположных значений. Анализируется влияние заимствованной лексики на антонимию кабардино-черкесского языка, на развитие всей лексико-семантической системы. Продемонстрированы примеры сложного процесса переплетения и смешения лексико-семантических, лексико-стилистических и других особенностей двух языков – влияющего, русского, и поглощающего, кабардино-черкесского. Сравнение антонимических пар с участием заимствованных слов выявило различие между устной и письменной речью: если в первом случае в большинстве своем слово непосредственно заимствуется, то во втором случае этот процесс происходит косвенно, через семантическое калькирование. Показаны возможные способы функционирования заимствованных слов в кабардино-черкесском языке и допустимые варианты антонимических пар их с исконными словами. Отмечена роль полисемантических слов в создании антонимических отношений. Указаны основные тенденции развития современного кабардино-черкесского языка за счет заимствований: 1) рост генетически разных рядов антонимов, 2) разрушение подобных объединений и создание антонимов генетически однородных.

Ключевые слова: антонимы, кабардино-черкесский язык, антонимичные пары, полисемантические слова, энантиосемия

Для цитирования: Токмакова М.Х. Антонимия кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 108–115. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-108-115

Зэпэщыт псалъэхэр (антонимхэр) лексико-семантикэ системэр къэзыгъэхуэ и категорэхэм ящыщ зыщ. Иджырей адыгэбзэм ар нэгъэсауэ къыщыхута хуауэ щыткъым. Мы лэжыгъэм къалэну зыхуэдгъэуващ зэпэщыт псалъэхэм и щытыкIэхэр къэдгъэлыгъэуэну, ди бзэм зэрыхэт хабзэхэр къыхэдгъэщыну.

Антонимир щыхэт тохуэ лексикэр системэу зэрыщытым. Лексикэм и системэ бгъэдыхэкIэм и лъабжьэгъэтIылъхэм ящыщ Покровский М.М. мыз-мытIэу къыхигъэщаш псалъэхэр бзэм зэрыхэмыгъэщхъэхукIар, абыхэм я мыхъэнэ зэхуэдагъкIэ, е я мыхъэнэ зэпэщытыгъэкIэ гупхэр къызэрагъэхур [Покровский 1959: 82]. Балли Ш. зэрыжиIэмкIэ [Балли 1955], антонимир цIыхум и дуней тетыкIэм Iэмал имыIэу къишэн хуей къэхукъащIэщ. Зэпэщытыгъэр куэд щIакъым джын зэрыщIадзэрэ, ауэ, абы емылгытауэ зэпэщыт псалъэхэм я къэхутэным фIыуэ зиужыащ. Абы хэлъхъэныгъэшхуэ хуащIащ Новиков Л.А. [1973], Введенская Л.А. [1971], Колесников Н.П. [1972], Апресян Ю.Д. [1974], Львов М.Р. [1978; 1984], Ивановэ В.А. [1982] сымэ я лэжыгъэхэм.

Бзэм и занэхэр я гъэпсыкIэкIэ, пщэрылгъэхэмкIэ, зэгъунэгъугъэкIэ зэрызэпхам къадэкIуэу, мыхъэнэ зэпэщытыгъэкIэ зэпыщIауэ щытын хуейщ (п.п. *дахэ* «гуакIуэ, узыIпызышэ, теплэ гъуэздэжэ зиIэ, екIу» – *Iей* «гуакIуэу щымыт, фэншэ, лъагъугъуей»; *лъагэ* «зи лъабжьэм къыщыщIэдзауэ зи щхъэмкIэ кIыхуэ, ину хэлэтыкIа, езым и лъэпкъыгъуэм щхъэпрыпIиикI» – *лъахъишэ* «лъагагъкIэ мыин, цIыкIу», н.кь.). Новиков Л.А. зэрыжиIэмкIэ [Новиков 1984: 6], антонимир дэтхэнэ бзэми и лексико-семантикэ системэр къызэрагъэпщытэ Iэмалщ, семантикэ къэхукъащIэ нэхъыщхъэхэм ящыщ зыщ. Зэпэщыт псалъэхэм зэпхауэ зэрыщытым имызакъуэу лексикэм и системностыр къагъэлыгъуэ адрей лексико-семантикэ категорэхэм, къапщтэмэ, зэмыхъэнэгъугъэм, IукIэзэщхыгъэм зэрапыщIамкIэ. Ар къыбгурегаIуэ зэмыхъэнэгъу псалъэхэм я псалъалъэхэм зэпэщыт псалъэхэм мымащIэу уащIыщрихъэлIэр. Абы и шапхъэу къэпхъ хъунуш Абрамов Н. и псалъалъэр [Абрамов 1900], томитI хуэ синоним псалъалъэр [Евгеньева 1970–1971], 1975 гъэм къыдэкIа синоним псалъалъэ-жэуапылъэр (словарь-справочник) [Александрова 1975].

Япэ дыдэу адыгэбзэм и зэпэщыт псалъэхэм щIэныгъэ илъэныкъуэкIэ тетхыкIащ Яковлев Н.Ф. [Яковлев 1948: 130–131].

Хабзэ хуауэ зэпэщыт псалъэхэр зэхэлъыкIэкIэ, мыхъэнэкIэ, пщэрыл-псалъэщIкIэ ягуэш. Апхуэдэу, Шагъыр I. Къ. и лэжыгъэм ущыхуозэ зэпэщыт псалъэхэр зэхэлъыкIэкIэ гупитIу гуэшауэ: 1) зэпэщыт псалъэхэм я зэхэлъыкIэм зэхуэдэ Iыхъэ хэмыту (*пэж* – *пцIы*; *махуэ* – *жэщ*, н.кь.), 2) зэпэщыт псалъэхэм е я лъабжьэр, е я псалъэщI Iыхъэхэр зэхуэдэу (*лъагэ* – *лъахъишэ*; *кIыхъ* – *кIэщI*, н.кь.) [Шагиров 1962: 45]. Иужьрей зэманым адыгэбзэм и зэпэщыт псалъэхэр къэхутэным теухуауэ лэжыгъэ зыбжанэ къыдэкIащ [Токмакова 2008; Кумыкова, Кумыкова 2019; Токмакова 2019; Кумыкова, Кумыкова 2020а; Кумыкова, Кумыкова 2020б; Кумыкыу, БищIо 2021]. Антонимхэм я псалъалъэм и гугъу пщIымэ, Пщыбий И. Хь. 1989 гъэм зэхилъхъа псалъалъэ кIэщIыращ нобэ къыздэсми адыгэбзэм иIэр [Пщыбий 1989].

Зэпэщытыгъэ къэзыгъэлыгъуэ псалъэхэм нэмыщI мы лексико-семантикэ гупым хохъэ энантиосемиекIэ зэджэ семантикэ къэхукъащIэри. Энантиосемиеу ябж лексикэ занэм мыхъэнэ зэпэщытитI Iэмэ, псалъэм папщIэ, *къыщыцудыным* «зыхуэумыбыдыжу къэгъын»-ри къокI, «зыхуэумыбыдыжу къэдыхъэшхын»-ри къокI. Щапхъэ: *Забинэт зэуэ къыщыцудри и нэпсыр джэшышым хуэдэу къелгъэлыгъащ* [Журт 1987: 56]. *Макъ зыбжанэ къыщыцудри зэуэ къыздэдыхъэшхыащ... языныкъуэр укIытауэ я цхъэр ирагуащ, языныкъуэм я нэщхъыр зэхаукIэри я нэхэр ХъэматI траубыдащ* [Къашыргъэ 1957: 55]. Куэд щIауэ энантиосемием бзэщIэныгъэлIхэми философхэми гу лъатащ. Апхуэдэу, Гегель Г.В. и лэжыгъэ «Гупсысэккъым и щIэныгъэм» и псалъапэм энантиосемием и гугъу ищIу мыпхуэдэу щыжиIэгъащ: «псалъэ куэдэр мыхъэнэкIэ зэщхъэщыкI къудейкъым, атIэ икIэ зэпэщытхэщ»

[Гегель 1970: 82]. Япэу урысыбзэм ехьэлIауэ абы тетхыыхахэм ящыщ Шерцль В. – 1884 гэм [Шерцль 1973: 259–264]. Едгъэпщэнти абы и шапхьэхэр адыгэбзэм ейхэм: *Солнце жжет кожу – Мороз жжет лицо – МафIэм (дыгъэм) сес – ЩыIэм (уаем) сес*; бесценный, не имеет цены – *уасэнишэ, уасэ иIэкъым*: мыхьэнэ зэпэщыт яIэнкIэри мэхьу – «уасэ зимыIэ» мыхьэнэм нэмыщI «хуабжы фIы» кыкIыу; апхуэдабзэхуэ мыхэри: *бэлыхь «гуауэ, нэщхьеягъуэ» – «фIагъ ин дьдэ зиIэ»* (Зэвгъапщэ: *Бэлыхь хьуащ! Сыту бэлыхьлажьэ ар!* – мыхьэниТри кьибгъэкI хьунуш); *нэкIэ шхын «пфIэфIу зыгуэрым хуабжы еплъын» – «зыгуэрым гужьгъэж хуиIэу Iейуэ еплъын», н.*

Адыгэбзэм зэпэщыт псалгэхэм, зэмыхьэнэгъу псалгэхэм хуэмыдэу, куэдрэ уащыхуэзэркъым. Ди бзэм и лексико-семантикэ системэм Совет зэманым щыгъуэ фIыуэ зиужащ, кыыхыха псалгэ куэдымкIи нэхь кьулей хьуащ, кьапщтэмэ, зэпэщыт псалгэхэми кьахэхуащ. Инэхьыбэм зэпэщыт псалгэхэр зэкIэрымыкIыу зэгъусэу кыыхохь бзэм. Ар нэхь щыплъагъунуш фIэщыгъэцIэхэм: *стих: прозэ, революцэ: контрреволюцэ, общэ: частнэ, левэ: правэ, н.*

Зэпэщыт псалгэхэм инэхьыбэм зы мыхьэнэ фIэкIа яIэкъыми, ахэр сыт хуэдэ контекстми хозагъэ, ауэ мыхьэнэбэ псалгэу щытмэ, Iуэхум зехьуэж. Булаховский Л.А. кьегъэлыагъуэ, зэпэщыт псалгэхэр тэмэму кыыхэпхын щхьэкIэ лексикэ занэхэм я мыхьэнэ псори кьэпхутэн зэрыхуейр [Булаховский 1954: 44]. Апхуэдэу, Апажэ М.Л. зэритхымкIэ [Апажев 1992: 220], урысыбзэм кыыхэпхын адыгэбзэм кыыхыха псалгэ «простой»-м жьэрыIуатэ жьабзэм зэпэщыт псалгэ зыбжанэ кыщегъэхьу:

- 1) *простой: сложнэ* (псалгэухам ехьэлIауэ),
- 2) *простой: зэхэлъ* (пкыгъуэм, пкьахуэм щхьэкIэ),
- 3) *простой: химическэ* (кьэрэндащым щхьэкIэ),
- 4) *простой: гугъу* (кьалэным, Iуэхум ехьэлIауэ),
- 5) *простой: гъэщIэрэщIа* (щыгъыным щхьэкIэ),
- 6) *простой: лъанIэ, дэгъуэ, фIы* (щэкIым щхьэкIэ),
- 7) *простой: пагэ* (цIыхум ехьэлIауэ),
- 8) *простой: фэрыщI, тэфэтэлэ* (цIыхум щхьэкIэ),
- 9) *простой: унафэщI, кьулыкьушIэ* (цIыхум щхьэкIэ),
- 10) *простой: хабзэщIэкъу, нэмыщIэкъу* (цIыхум щхьэкIэ),
- 11) *простой: уэркъ* (гупыбэм (класс) ехьэлIауэ),
- 12) *простой: заказной* (письмом щхьэкIэ),
- 13) *простой: ценнэ* (письмом щхьэкIэ),
- 14) *простой: авиа* (письмом щхьэкIэ).

Кьэтхьа шапхьэм кьегъэлыагъуэ кыыхыха псалгэ «простой»-м адыгэ жьэрыIуатэ жьабзэм щыгъуэт зэпэщытыныгъэхэр. Тхыгъэ жьабзэм кьедбжэкIа зэпэщытыгъэ псори иджыри кьагъэсэбэпыркъым. Езы бзэм ейр *кьызэрыкIуэ, кьызэрыгуэкI* псалгэхэм «хэплыхьауэ, нэгъуэщIхэм ефIэкIыу щымыт» я мыхьэнэуэ кьагъэхьу зэпэщытыныгъэхэм евгъапщэ:

- 1) *кьызэрыкIуэ: зэхэлъ* (псалгэухам папщIэ),
- 2) *кьызэрыкIуэ, зы закъуэу щыт: куэду зэхэлъ* (пкыгъуэм, пкьахуэм щхьэкIэ)
- 3) *простой: химическэ* (кьэрэндащ щхьэкIэ),
- 4) *кьызэрыкIуэ, тыниш, кьызэрыгуэкI: гугъу, зэхэщIыкIыгъуей* (кьалэным щхьэкIэ),
- 5) *кьызэрыгуэкI, кьызэрыкIуэ: гъэщIэрэщIа* (щыгъыным щхьэкIэ),
- 6) *кьызэрыкIуэ: фIагъ зыхэлъ* (щэкIым щхьэкIэ),
- 7) *кьызэрыгуэкI: пагэ* (цIыхум щхьэкIэ),
- 8) *кьызэрыкIуэ: фэрыщI, тэфэтэлэ* (цIыхум щхьэкIэ),
- 9) *кьызэрыгуэкI: унафэ зыбгъэдэлъ, жэуаптакIуэу щыт* (цIыхум щхьэкIэ),
- 10) *кьызэрыкIуэ, кьызэрыгуэкI: хабзэщIэкъу, нэмыщIэкъу* (цIыхум щхьэкIэ),

11) *кызырыкЛуэ, кызырыгуэКІ: уэркъ, зэвгъапщэ: бей, кзулей* (цІыхум щхъэкІэ),

12) *кызырыкЛуэ, кызырыгуэКІ: заказной* (письмом щхъэкІэ),

13) *кызырыкЛуэ, кызырыгуэКІ: уасэ щхъэхуэ зыщІама* (письмом щхъэкІэ),

14) *кызырыгуэКІ, кызырыкЛуэ: кхъухълъатэ пощту* (пошт, абы и епсынщІэкІыныгъэм щхъэкІэ).

Зэрытлгъагуэщи, адыгэ тхыгъэ жъабзэм «хэплыхъауэ, нэгъуэщІхэм ефІэкІыу щымыт» мыхъэнэр *кызырыкЛуэ, кызырыгуэКІ* псалъэхэмкІэ кыщагъэлгъагуэми, жъэрыуатэ жъабзэм а псалъитымы нэхърэ «*простой*»-м и лексико-семантикэ лгъужыгъуэхэр нэхъ Іэрыхуэу зэрыщытым кыхэкІкІэ нэхъ къещтэ. Тыншу гу лыботэ жъэрыуатэ жъабзэми тхыгъэ жъабзэми урысыбзэм ижъ къазэрыщІихуам, ауэ я бгъэдыхъэкІэкІэ ахэр зэрызэщхъэщыкІымы: япэм урыс псалъэр зэрыщытым хуэдэу къещтэ, етІуанэм – и мыхъэнэр калькэ ещІ.

Революцэм ипэ лгъэхъэнэм адыгэбзэм кыхыхъа (нэгъуэщІыбзэ) зепэщыт псалъэ куэд хэтакъым. Адыгэхэмрэ урысхэмрэ зэман куэдкІэ кыызэдэгъуэгурыкІуа пэтми, ди лгъэкъым и тхыбзэр зэтеува иужькІэщ (XX лгъыгъуэм и 20 гъэхэм) кыхыхъа псалъэхэр бзэм нэхъ къагъэсэбэп щыхъуар, зепэщыт псалъэхэри абы хэту. Псалъэм папщІэ, *мир* «мамырыгъэ» псалъэр зымыщІэ, къэзмыгъэсэбэп адыгэ къэгъуэтыгъуейщ, гуфІэгъуэшхуэхэм деж нэхъыбэу нэхъыжъхэр мэхъахъуэ: *Дунейр миру щрет, зауэ щремылэ*. Апхуэдэу *зауэ*-мрэ *мир*-ымрэ зепэщыт псалъэхэр къагъэхъу. Зэвгъапщэ: *Фейдэ уимылэм – убиткэр хъэзыриц – фейдэ* «хэхъуэ» – *убиткэ* «хэщІ, хэщІыныгъэ». Тхыгъэ жъабзэм *крупнэ* псалъэр *крупнэ буржуазие* псалъэ зэпхам хэту къегъэсэбэп, абы мыхъэнэкІэ къыпэщытыр *буржуазие жьгъейщ*. Апхуэдэу *крупнэ – жьгъей*-хэр зепэщыт псалъэ мэхъу. КъыжыІэпхъэщ, *жьгъей*-м езы бзэм ейуэ мыхъэнэкІэ къыпэщыт псалъэ зэриІэр – *пІащэ*, ауэ итІани *буржуазие пІащэ* жаІэркъым. Апхуэдэкъабзэу, нэхъыжъхэм *старэ рэжим* жаІэ, ауэ абы мыхъэнэкІэ къыпэщыт мэхъу псалъэ зэпха *советскэ власть е иджы. Новэ рэжим* жыпІэ хъунукъым.

Кыхыхъэщыпхъэщ, иджырей адыгэбзэм зи гугъу тщІам хуэдэ зепэщытыгъэ къыгъэхъуным (урыс-адыгэ псалъэхуэ зэхэту) нэмыщІ, езы бзэм иІэ лексикэ занэхэмкІэ зепэщытыныгъэхэр зэрызэригъэпэщ. Къапщтэмэ, адыгэ жъабзэм ущыхуозэ, зы лгъэныкыуэмкІэ, *нарочнэу – случайнэу, крупнэ – мелкэ* сыт хуэдэ псалъэхэр зэрапхыу, нэгъуэщІ лгъэныкыуэкІи, *мир – зауэ, старэ рэжим – иджы* хуэдэхэм нэхърэ *мамырыгъэ – зауэ, пасэ зэманым – иджы* зепэщыт псалъэхэр нэхъ къащтэу. Адыгэбзэм а унэтІыныгъитІми зыщаубгъу, икІи, Апажэ М.Л. зэритхымкІэ, абы ящыщу текІуэнур дэтхэнэрами иджыри гугъущ жыпІэну [Апажэв 1992: 223].

Зэрытлгъагуэщи, адыгэбзэм псалъэхэм я зепэщытыныгъэр езы бзэм иІэ лексикэ занэхэмкІэ нэмыщІ псалъэ кыхыхъакІэ кыщагъэлгъагуэф. Языныкыуэ зепэщыт псалъэхэр зэкІэрымыкІыу зэгъусэу бзэм хохъэ, адрейхэм я зепэщытыныгъэр адыгэбзэм щагъуэт. Мыхъэнэбэу щыт псалъэм и зепэщыт зэхушытыкІэхэр езы бзэм и псалъэкІи кыхыхъа псалъэкІи къыгъэхъуфынущ. Жъэрыуатэ жъабзэмрэ тхыгъэ жъабзэмрэ къагъэхъу зепэщытыгъэ тІурытІхэр куэдрэ зэщхъэщокІ.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Абрамов 1900 – *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. СПб.: Типо-лит. И. Лурье и К°, 1900. 210 с.

Александрова 1975 – *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1975. 600 с.

Апажэв 1992 – *Апажэв М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.

- Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 368 с.
- Балли 1955 – *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. 416 с.
- Булаховский 1954 – *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1954. 177 с.
- Введенская 1971 – *Введенская Л.А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1971. 167 с.
- Гегель 1970 – *Гегель Г.* Наука логики. В 3-х томах. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
- Евгеньева 1970–1971 – *Евгеньева А.П.* Словарь синонимов русского языка. Л.: Наука, 1970–1971. Т. 1. 680 с. Т. 2. 856 с.
- Журт 1987 – *Журт Б.* Адэжь лъапсэ. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н. (Журтов Б. Отчий дом. Повесть. Нальчик: Эльбрус, 1987. 188 с.).
- Къашыргъэ 1957 – *Къашыргъэ Хь.* Насыпым и хэкъыпэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапэ, 1957. 309 н. (Каширгов Х. Источник счастья. Нальчик: Каб.-Балк. книж. изд-во, 1957. 309 с.).
- Иванова 1982 – *Иванова В.А.* Антонимия в системе языка. Кишинев: Штиинца, 1982. 163 с.
- Колесников 1972 – *Колесников Н.П.* Словарь антонимов русского языка. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1972. 324 с.
- Кумыкова, Кумыкова 2019 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова Э.Т.* Антонимические отношения в кабардино-черкесском языке: опыт семантической классификации // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 136–142. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142.
- Кумыкова, Кумыкова 2020 а – *Кумыкова Д.М., Кумыкова Э.Т.* Особенности структурной классификации антонимов кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 3 (46). С. 82–89. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-82-89.
- Кумыкова, Кумыкова 2020 б – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучашиева) Э.Т.* Средства экспликации семантики контрадикторности в производных антонимах (на материале кабардино-черкесского языка) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 229–239.
- Къумыкъу, БиццЮ 2021 – *Къумыкъу Д.М., БиццЮ Б.Ч.* Зэпэщыт зэхушытыкIэхэр адыгэбзэм щызэрызэщхьэщыкI лIэужьыгъуэхэр (Типы семантической противоположности и их выражение в кабардино-черкесском языке) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2021. № 3 (50). С. 57–65. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-57-65.
- Львов 1978 – *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1978. 402 с.
- Львов 1984 – *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
- Новиков 1973 – *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 289 с.
- Новиков 1984 – *Новиков Л.А.* Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 6.
- Покровский 1959 – *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 389 с.
- Пщыбий 1989 – *Пщыбий И.* Адыгэбзэм и антонимхэм я псалгальэ кIэщI. Налшык, 1989. 60 н. (Пшибиев И.Х. Краткий словарь антонимов кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1989. 60 с.)
- Токмакова 2019 – *Токмакова М.Х.* Антонимические связи фразеэмотивов в кабардино-черкесском языке // Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию М.А. Кумахова: сборник научных статей. Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». 2019. С. 243–252.
- Токмакова 2008 – *Токмакова М.Х.* Энантисемия в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты. Материалы Международной научно-методической конференции. 2008. С. 172–173.
- Шагиров 1962 – *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 216 с.

Шерцль 1973 – Шерцль В. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина. М.: Высш. шк., 1973. С. 259–264.

Яковлев 1948 – Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 372 с.

References

ABRAMOV N. *Slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij* [Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning]. St. Petersburg: Tipo-lit. I. Lurie i Co., 1900. 210 p. (In Russian)

ALEXANDROVA Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. M.: Russian language, 1975. 600 p. (In Russian)

APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)

APRESYAN YU.D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. M.: Nauka, 1974. 368 p. (In Russian)

BALLY SH. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1955. 416 p. (In Russian)

BULAKHOVSKY L.A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. M.: Uchpedgiz, 1954. 177 p. (In Russian)

VVEDENSKAYA L.A. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Rostov-on-Don: Publishing House Rost. un-ta, 1971. 167 p. (In Russian)

HEGEL G. *Nauka logiki* [Science of Logic. In 3 volumes]. M.: Thought, 1970. T. 1. 501 p. (In Russian)

EVGENYEVA A.P. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. L.: Nauka, 1970–1971. T. 1. 680 p. V. 2. 856 p. (In Russian)

ZHURTOV B. *Otchij dom. Povest'* [Father's house. The story]. Nalchik: Elbrus, 1987. 188 p. (In Kabardino-Circassian)

KESHYRGYE H. *Istochnik schast'ya* [The source of happiness]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1957. 309 p. (In Kabardino-Circassian)

IVANOVA V.A. *Antonimiya v sisteme yazyka* [Antonymy in the language system]. Kishinev: Shtiintsa, 1982. 163 p. (In Russian)

KOLESNIKOV N.P. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Tbilisi: Tbilisi Publishing House. un-ta, 1972. 324 p. (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA E.T. *Antonimicheskie otnosheniya v kabardino-cherkesskom yazyke: opyt semanticheskoy klassifikacii* [Antonymic relations in the Kabardino-Circassian language: an experience of semantic classification] IN: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. 2019. № 3 (42). P. 136–142. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142. (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA E.T. *Osobennosti strukturnoj klassifikacii antonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Features of the structural classification of antonyms of the Kabardino-Circassian language] IN: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. 2020. No 3 (46). P. 82–89. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-82-89. (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA E.T. *Sredstva eksplikacii semantiki kontradiktornosti v proizvodnyh antonimah (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka)* [Means of Explication of the Semantics of Contradiction in Derived Antonyms (Based on the Material of the Kabardino-Circassian Language)]. IN: Kavkazologiya. 2020. № 4. P. 229-239. (In Russian)

KUMYKYU D.M., BISHCHIO B.CH. *Tipy semanticheskoy protivopolozhnosti i ih vyrazhenie v kabardino-cherkesskom yazyke* [Types of semantic opposition and their expression in the Kabardino-Circassian language]. IN: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. 2021. № 3 (50). P. 57–65. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-57-65. (In Kabardino-Circassian)

LVOV M.R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. M.: Russian language, 1978. 402 p. (In Russian)

LVOV M.R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. M.: Russian language, 1984. 384 p. (In Russian)

NOVIKOV L.A. *Antonimiya v russkom yazyke* [Antonymy in Russian]. M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1973. 289 p. (In Russian)

NOVIKOV L.A. *Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisaniye* [Russian antonymy and its lexicographic description] IN: Lvov M.R. Dictionary of antonyms of the Russian language. M.: Russian language, 1984. P.6. (In Russian)

POKROVSKY M.M. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 389 p. (In Russian)

PSCHYBIY I. *Kratkiy slovar' antonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Adygbezem and antonymy I psalal'e kleshchi]. Nalchik, 1989. 60 p. (In Kabardino-Circassian)

TOKMAKOVA M.H. *Antonimicheskie svyazi frazeoemotivov v kabardino-cherkesskom yazyke* [Antonymic connections of phraseological emotives in the Kabardian-Circassian language] IN: Caucasian Philology: History and Perspectives. To the 90th anniversary of M.A. Kumakhova: collection of scientific articles. The Institute for Humanitarian Studies is a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences". 2019. P. 243–252.

TOKMAKOVA M.H. *Enantiosemya v emotivnoj leksike kabardino-cherkesskogo yazyka* [Enantiosemy in the emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language] IN: Russian-speaking and bi(poly)linguism in intercultural communication of the 21st century: cognitive-conceptual aspects. Materials of the International Scientific and Methodological Conference. 2008. P. 172–173. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noj leksikologii adygskikh yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1962. 216 p. (In Russian)

SHERZL V. *O slovah s protivopolozhnymi znacheniyami (ili o tak nazyvaemoj enantiosemyi)* [About words with opposite meanings (or about the so-called enantiosemy)] IN: Reader on the history of Russian linguistics / ed. F. P. Filina. M.: Higher. school, 1973. P. 259–264. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. 372 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Токмакъ М.Хь. – филологие щэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьакIуэ нэхъыжь, доцент.

Информация об авторах

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), docent.

Статья поступила в редакцию 24.10.2022; одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 24.10.2022; approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-116-123

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ
ЦОКАЮЩЕГО ДИАЛЕКТА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. ТАУМУРЗАЕВА «ЭЛИЯ» (МОЛНИЯ)**

Лариса Борисовна Кучмезова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© Л.Б. Кучмезова, 2022

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей лексики цокающего диалекта, функционирующей в художественно-этнографическом сборнике произведении известного фольклориста Далхата Магомедовича Таумурзаева «Элия» (Молния; Бог молнии). Сборник включает в себя легенды, рассказы, песни и плач: «Аталай», «Губуз-таш» (Бородавчатый камень), «Зына дорбун» (Пещера Зына), «Тукьум чёкню алгышы» (Благопожелания Родового совета), «Боюнса-Таш» (Камень Боюнса), «Жюрек ауруу» «Боль сердца» и др. В ней рассматриваются диалектизмы, как слова, нейтральные непосредственно в цокающем диалекте, но стилистически окрашенные в речи автора и персонажей, сопровождаемые иллюстративными примерами, обозначающими понятия пространства и времени, закрепленных в карачаево-балкарской лексической системе. Дается классификация функций диалектизмов в соответствии с систематизацией функции слова. В работе представлены отдельные географические названия, которые имеют явно выраженный диалектный характер, не нашедшие отражения в переводных, орфографических и толковых словарях исследуемого языка. Проводится сравнительный и сопоставительный анализ лексико-семантических и грамматических особенностей диалектизмов и литературного языка. Особый интерес представляет в этом ряду иллюстративная фразеология, связанная с терминами родства, названий национальных обрядов, ремесленничества. Внимание уделяется лексикографической интерпретации и правописанию диалектизмов, употребляющихся в цокающем диалекте, так как в текстах произведений Далхата Таумурзаева представлены материалы, которые ранее нигде не встречались, и, следовательно, их правописание остается без изменений. При переводе данных диалектизмов на русский язык в статье использованы материалы личного архива доктора филологических наук Бориса Абдулкеримовича Мусукова. Отмеченные диалектизмы сопоставляются и анализируются с данными нормативного языка. Статья представляет особый интерес для тех, кто изучает лексику цокающего диалекта и для исследователей творчества Далхата Таумурзаева.

Ключевые слова: диалектная лексика, функции диалектизмов, язык художественной литературы, местный колорит, народная речь

Для цитирования: Кучмезова Л.Б. Функционально-семантические особенности лексики цокающего диалекта карачаево-балкарского языка на материале произведения Д. Таумурзаева «Элия» (Молния) // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 116–123. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-116-123

Original article

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE VOCABULARY
OF THE CLOCKING DIALECT OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE
ON THE MATERIAL OF THE WORKS OF D. TAUMURZAEV “ELIA” (LIGHTNING)**

Larisa B. Kuchmezova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© L.B. Kuchmezova, 2022

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the clattering dialect vocabulary, functioning in the artistic and ethnographic collection of the work of the famous folklorist Dalkhat Magomedovich Taumurzaev “Elia” (Lightning; God of Lightning). The collection includes legends, stories, songs and laments: “Atalay”, “Gubuz-tash” (Wanted stone), “Zyna dorbun” (Zyna Cave), “Tukum cheknyu algyshy” (Good wishes of the Tribal Council), “Boyunsa-Tash “(Stone of Boyuns), “Zhyurek auruu”, “Pain of the heart”, etc. It considers dialectisms as words that are neutral directly in the clattering dialect, but stylistically colored in the speech of the author and characters, accompanied by illustrative examples denoting the concepts of space and time, fixed in the Karachay-Balkar lexical system. A classification of the functions of dialectisms is given in accordance with the systematization of the function of the word. The paper presents individual geographical names that have a pronounced dialectal character, which are not reflected in the translation, spelling and explanatory dictionaries of the language under study. A comparative and contrastive analysis of the lexico-semantic and grammatical features of dialectisms and the literary language is carried out. Of particular interest in this series is illustrative phraseology associated with the terms of kinship, the names of national rites, handicrafts. Attention is paid to the lexicographic interpretation and spelling of dialectisms used in the clattering dialect, since the texts of Dalkhat Taumurzaev’s works contain materials that have not been found anywhere before, and, therefore, their spelling remains unchanged. When translating these dialectisms into Russian, the article used materials from the personal archive of Doctor of Philology Boris Abdulkerimovich Musukov. The noted dialectisms are compared and analyzed with the data of the normative language. The article is of particular interest to those who study the vocabulary of the clattering dialect and to researchers of Dalkhat Taumurzaev’s work.

Keywords: dialect vocabulary, functions of dialectisms, language of fiction, local color, folk speech

For citation: Kuchmezova L.B. Functional and semantic features of the vocabulary of the clocking dialect of the Karachay-Balkar language based on the work of D. Taumurzaev “Eliya” (Lightning). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 116–123. (In Karachay-Balkarian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-116-123

В карачаево-балкарской лингвистике вопрос, связанный с лексикой цокающего диалекта в составе художественных произведений является одним из наиболее спорных и наименее изученных. В карачаево-балкарском языке этой проблеме посвящены отдельные труды таких ученых, как Гузеев Ж.М. [1994], Аликаев Р.С. [2010], Улаков М.З. [1994], Улаков М.З., Махиева Л.Х. [2019], Мусуков Б.А. [2021, 2022], Аппоев А.К. [2004], Гергокова Л.С. [2015], Кучмезова Л.Б. [2020, 2021]. Целый ряд работ в карачаево-балкарском языкознании посвящены анализу диалектизмов в художественных произведениях и лишь несколько статей изучению диалектизмов конкретных писателей карачаево-балкарского языка [Махиева 2009], [Кучмезова 2021a, 2021b].

Изучение диалектных слов позволяет проследить влияние народной речи на становление и развитие карачаево-балкарского языка. В современной карачаево-балкарской лингвистике важным является и обратный процесс – влияние

литературного карачаево-балкарского языка на лексику цокающего диалекта. Актуальность изучения диалектизмов заключается в том, что в последние десятилетия усиливается процесс исчезновения диалектной лексики, как из разговорной речи, так и письменных источников. Происходит это в результате двустороннего воздействия на диалект литературного языка и разговорной речи, что приводит к нивелированию диалектных особенностей лексики. Диалектизмы характеризуются как символ народной речи, употребляемые и в художественной литературе. Диалектизмы в произведениях воспринимаются как экспрессивные, эмоционально-окрашенные слова, которые помогают более выразительно передать изображение жизни [Камаева 2014: 96].

На примере диалектизмов в рассказах и легендах фольклориста Далхата Таумурзаева раскрываются различные функции диалектной лексики: характерологические, моделирующие, эстетические, эмотивные, номинативные, опознавательные и кульминативные. Так, в сфере устной речи на определенной территории они всегда остаются одним из средств общения. В письменных формах языка некоторые слова цокающего диалекта помогают более доступно и понятно для местных читателей передавать названия отдельных предметов, явлений и процессов. Приведем примеры: *кѳуршакъ* «пояс, украшенный золотом и серебром», *шешихилери* «глаза (их)», *хатхусу* «животный жир; внутренности», *туркъу* «родовое гнездо», *штанкъул* «лекарственное растение, корни, которых можно есть», *ханкютей* «боярышник», *мулдах сюрген* «поднять зябь», *боюнса-таш* «камень, отесанный в виде ярма» [Таумурзаев 1982] и др.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что сравнительно-сопоставительный фон диалектизма выглядит ярче его литературного варианта. Так, словосочетание «*боюнса-таш*» в одноименном произведении Д.М. Таумурзаева употребляется как этнографический термин, раскрывающий определенные этнографические особенности изделий, изготавливаемых носителями цокающего диалекта – жителями Верхней Балкарии. В настоящее время, данная идиома, ставшая некогда лексикализованной, в обиходе литературного языка и его говоров не отмечается. Данный диалектизм можно назвать локальным, так как он употребляется на определенной территории, показывая особенности некоторого исторического периода. На сегодняшний день употребляется только в фольклорных текстах и в произведении Д. Таумурзаева, несмотря на то, что изменились хозяйственно-экономические условия быта и жизни.

Хотелось бы отметить и звукоподражательное словосочетание «*кау-куу эте (кетдиле)*», что в переводе обозначает «скуля, поскуливая (ушли)», то есть «разбитые, побитые», которое также не употребляется среди носителей других говоров. Оно употребляется лишь носителями цокающего диалекта, раскрывая общее значение контекстуально.

В языке художественной литературы Д. Таумурзаева диалектизмы используются для изображения местных географических особенностей, выступая как топонимы [Таумурзаев, 1982]: *Хорбадын*, *Халф тау*, *Хыренги*, *Малдыреуюз*, *Тыфыл Суу*, *Губуз-таш*, *Зарашхы*, *Зына Дорбун*, *Фардык*, *Цегет*, *Зына ёзен* и др. Из материалов видно, что лексико-семантической особенностью диалектной лексики является то, что некоторые слова, употребляемые как названия физико-географических объектов на территории Верхней Балкарии и могут выступать в той же местности как образные конструкции: *Зынада зылкѳымы кѳуусун* «ничего не сможет сделать с кем-то».

Диалектизмы из произведений Далхата Таумурзаева помогают ярче охарактеризовать героев, передавать индивидуальность их речи, а иногда служат и средством создания сатирической окраски: *кюлбыдыр* «голопузый» *сылхырла* «ненормальные», *сары гяур* «светлый (досл. желтый) неверный», *жукѳламагъан тойлакѳла* «неспящие ненасытные», *жонулмагъан кѳойракѳла* «неотесанные

уставшие», *зугъур бетли* «ряболицый», *къара зугъур* «смугло-рябой» *ауан этип къарасала* «если посмотрят недоброжелательно» [Таумурзаев 1982].

Они передают многие специфические особенности быта и культуры верхнебалкарцев: *хырык* «опора», *мырзы* «береза», *шаумырзы* «горная береза», *акъмырзы* «белая береза», *къайтыкъ* «повернутый», *быстыр жары* «отрез (ткани)», *тиезиги* «то, что положено», *къонгкъулделе / суу айланма* «водоворот», *къозу къулакъ тигим* «угощение, подношение со стола (досл. подношение в виде уха ягненка)», *къодана* «конопля», *тепшек* «тарелка», *алтын такъкъышлы* «с золотыми вставками», *мал бакъкъышлы* «с тучным поголовьем (скота)», *къулдасы* «ров, яма (углубление, образованное размывом дождевых потоков)», *эркек шыкъели* «одинокое дерево, растущее на скале», *мыры* «опушка леса», *госук* «вид травы, употребляемой в пищу», *итанкъул* «лекарственное растение», *ала таш* «пестрый, пятнистый камень», *зууа баиш* «круг, круглый», *ханкютей саплы адыр* «деревянная ручка кувалды, сделанная из боярышника», *таш къууушла* «каменная завалинка, притечек», *ырыхым* «утомленный, измученный», *бийик чыкъгъычла* «высокие ступени», *илистин* «настил», *тажгиле* «мешки» *баууш* «навоз», *къыбыдын / кюнлюм* «пригрев», *шыйыртхы* «тонкий прут» [Таумурзаев 1982] и др. Автор использует диалектные слова как средства художественной выразительности в изображении литературных героев, передаче ярких речевых характеристик, создании насыщенных образов, и описании местного пейзажа. Частотность их употребления обусловлена его содержательной стороной – это эпизод, изображающий и описывающий жизнь и быт родного карачаево-балкарского народа.

Диалектные слова, свойственные художественно-этнографическим текстам писателя Д. Таумурзаева, употребляются в карачаево-балкарском языке в нескольких функциях: 1) в характерологической функции при изображении персонажей. Характеристика может иметь социальную направленность, т.е. раскрывает особенности речи героя, речи любого местного жителя, речи человека, родившегося на территории Верхней Балкарии; 2) моделирующая функция участвует в передаче подлинной народной речи, народно-разговорных слов, используется преимущественно в авторской речи; 3) номинативная функция применяется при раскрытии значения этнографизмов, распространенных на территории Черекского района. Их еще называют лексическими диалектизмами, имеющими в литературном языке свои варианты; 4) эмотивная функция позволяет проследить с помощью диалектизмов за субъективным отношением к сообщаемой информации; 5) кульминативная функция осуществляется через контексты, которые бывают однородными (диалектно-просторечно-разговорными, обычно в речи персонажей), и контрастными (сопоставление диалектизмов с устаревшей лексикой, лексике литературного языка (прием стилистического контраста); 6) эстетическая функция связана с отношением к диалектизму как слову, выявляющему особые свойства по сравнению с литературной лексикой, здесь основной функцией художественного текста является передача не существовавших, а выдуманных событий; 7) фатическая (опознавательная функция диалектизмов, когда в авторской речи обычно употребляются диалектные слова для создания местного колорита.

Характерологическая функция отмеченной категории слов реализуется через речь самого сказителя. Далхат Таумурзаев за счет использования диалектных слов в речи своего главного героя создает реальный образ настоящего горца: *гоцофла* «силачи, богатыри», *Орманатны къара кюлтюм этмесем* «если я не перерублю весь густой лес», *кушаиш бла зылдыланы къобарып* «кувалдой вырезать и выдергивать дерн» [Таумурзаев 1982: 14] и др. В произведениях писателя встречаются образные выражения в виде устойчивых словосочетаний, которые в литературном языке не встречаются.

Повествователю характерно, кроме того, использование диалектизмов в их номинативной функции: **чыкьен тартып таудан таугъа зеттирген** «натянув стрелу с одной попадая в другую гору» **мындауат этип болгъандыла** «зарекались, давали клятву», **чыбыкъладан тыпхычыкъ** этип «соорудив из прутьев плетень», **тышхы толу чабакъ** «плетень, полная рыбы», **хапар-хатыр сурагъан** «спросив про новости», **кезлеуле** «родники» [Таумурзаев 1982] и др. На сегодняшний день слово «кезлеу» (лит. «кёзлеу») в ТСКБЯ дается без помет, что подтверждает процесс нивелирования диалектных особенностей за счет влияния литературного языка.

Эмотивная функция диалектизмов заключается в том, что они передают эмоции, субъективную оценку в тексте: **кьууаннганын бууундуралмай сюелди** «стоял, не скрывая радости», **эллилеге билдирмейин бууундурду** «радовался, пытаюсь скрыть радость от односельчан», **жюююндю** «преклоняться, припадать к чему-либо», **шешихилери** (*кёз гылгытла, кёз орун деген магъанада жюрютюледи*) **цыгыгыф кетерге зетишип** «находиться в состоянии выхода глаз с орбит (*тут в значении «глаза, глазное яблоко, глазницы»*)», **хадалыкъгъа къалгынцы** «пока не случилось беды» [Таумурзаев 1982].

– **Зашла болуб’а** – сизни ким адамгъа санайды. **Кьолумда тутхан бир зангыз иригими бийле келип, алыф кетхендиле.** **Атанг Обур ёлгелли, кунюм батханды.** **Энни манга ёлгенден сора зат зохту,** – дегенди **Айкъыз зашына, кёлю толуп, айтыр сёзю тамагына тыгыыла.** «– Какие же вы **сыновья**, вас никто за людей не считает. У меня один **единственный** валух был, князя **пришли и забрали, ушли.** С тех пор как умер ваш отец Обур **горе мне.** «Мне **теперь ничего не остается**, как умереть», – сказала Айкыз **сыну**, чуть ли не плача, больше не в состоянии вымолвить и слова». Таким образом, эмотивность в рассказе «Зына Дорбун» проявляется также на уровне структуры предложения.

Встречается в повести «Зына дорбун» и кульминативная функция: **Мыдых отну къаза кетценг, тыях кюер.** «Если долго **ковыряться в углях** огня, **палка** может загореться». Приведенные диалектизмы, которые звучат в речи персонажей матери и трех сыновей синтаксически схожи с фразеологическими идиомами: **отума суу къуйуф** **къойдунг да** «(ты) погасил огонь родного очага», **оу кунум кьуругъан** «не видать мне солнца (*досл. оу солнце мое в закате*)», **беттен бетке суйел** «стоять лицом к лицу», **къаягъа къаты кирген** «хорошо лазил по горам», **балтасы ташха тийсе, тохтамазмы?** «топором по камню, не образумится?» **малны, мюлкню да такка-талау этип** «растратив все безвозвратно»; пожеланиями: **Бу къоцхарны мююзлерица, къаты турсун балам дуньяда!** «Чтобы здоровье моего сына было крепким, как рога этого барана!», **къолунда аркъан ойнатхан жигит болсун Къайсын!** «Пусть будет сильным и смелым! (*досл. «пусть обращается с канатом играючи!*)», **Ат аягъы арымасын!** «Да не устанут ноги лошадей!» и пословицами: **Кёфден кёф ёлюр, аздан аз ёлюр, ёлгенни уа зер кётюрю** «Каждому свое», **Тау – тауу бла, тегене бауу бла** «гора с горой, корыто с веревкой», **Жюн – тюкден, ашлыкъ – бюртюкден** «здесь в знач. неблагодарный, *досл. Шерсть из пряжи, овес из крупинки*»; **Ат аягъан, бет тапмаз** «Кто жалеет лошадь, станет посмешником», **Халкъ бла кёрген байдамлыкды** «Вместе с народом все в радость»; сравнениями: **зибек кибик зюн** «шерсть, красивая как шелк», **бир къарыдан эркинирекди** «больше, чем локоть» [Таумурзаев 1982].

Таким образом, наиболее частотными в произведениях Д.М. Таумурзаева являются характерологическая, номинативная и эмотивная функции диалектизмов. Внелитературная лексика, к которой отнесены диалектизмы, гармонично вписывается в художественную ткань любого повествования, что свидетельствует о высоком мастерстве автора, который умело работает с уникальными словами. Изучение диалектизмов в художественном тексте раскрывает языковой потенциал уникальных диалектных слов малкарского говора цокающего диалекта карачаево-балкарского языка. Они не имеют стилевой окрашенности, так как выступают

в номинативной функции, называя предметы или явления на определенной территории. Далхат Таумурзаев в своих небольших по объему произведениях раскрывает богатый словарный состав малкарского говора цокающего диалекта исследуемого языка. Автор щедро описывает происходящие события красочными словами, которые несут отпечаток местности, называют предметы и обычаи, тесно связанные с историей, бытом и обликом маленького карачаево-балкарского народа. Диалектизмы, попадая в художественную литературу, приобретают дополнительные оттенки и становятся средством художественной выразительности, позволяют точнее представить авторский замысел, глубже проникнуть в характер персонажей.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что выявленные в художественных произведениях Далхата Таумурзаева диалектизмы в большинстве случаев характерны жителям Черекского района. Диалектизмы были использованы автором в речи персонажей и в повествовании с целью демонстрации территориальной принадлежности, создания художественной картины реальной жизни.

Список источников

Аликаев 2010 – *Аликаев Р.С.* Литературный язык и диалект: вопросы функционального статуса // Инновационные технологии в преподавании иностранных языков. Материалы Международной конференции. 20–29 апреля. 2010 г. Армавир, 2010. 346 с. С. 315–316.

Аппоев 2004 – *Аппоев А.К.* Этнографическая лексика Карачаево-Балкарского языка. Нальчик: Изд.-во КБНЦ РАН, 2004. 118 с.

Гергокова (Этезова) 2015 – *Гергокова (Этезова) Л.С.* Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.

Гузев 1994 – *Гузев Ж.М.* Лексические особенности цокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Вопросы истории и диалектологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 6.

Камаева 2014 – *Камаева Р.Б.* Диалектизмы и перевод (на материале переводов художественной литературы с татарского на русский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 96–99.

Кучмезова 2020 – *Кучмезова Л.Б.* Проблемы развития карачаево-балкарского языка и его диалектов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН. 2020. 148 с.

Кучмезова 2021a – *Кучмезова Л.Б.* Диалектизмы в произведениях Ибрагима Гадиева // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка. К 70-летию Махти Зейтуновича Улакова. Сборник научных статей. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. 192 с. С. 102–111.

Кучмезова 2021b – *Кучмезова Л.Б.* Употребление лексики цокающего диалекта в художественных произведениях балкарских писателей (на материале повести И. Гадиева «Дыфчы киеу») // Современная карачаево-балкарская филология: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов. Нальчик, 2021. С. 80–86.

Кучмезова 2021c – *Кучмезова Л.Б.* Диалектная лексика как средство обогащения словарного состава литературного карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5 (103). С. 109–117. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-109-117.

Махиева 2009 – *Махиева Л.Х.* Отражение диалектической лексики в художественной литературе карачаево-балкарского языка / «Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия» // Материалы международной научно-практической конференции к 85-летию Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2009. Махачкала. С. 307–309.

Мусуков 2021 – *Мусуков Б.А.* Взаимодействие диалектов карачаево-балкарского языка с литературным языком // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка. К 70-летию Махти Зейтуновича Улакова. Сборник научных статей. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. 192 с. ISBN 978-5-907150-94-2. С. 145–153.

Мусуков 2022 – Мусуков Б.А. Лексико-семантические и словообразовательные особенности географических названий Балкарии и Карачая, образованных с помощью физико-географического аппелятива баш ‘верховье’, ‘вершина’ // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 4 (108). С. 125–133.

Улаков 1994 – Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.

Улаков, Махиева 2019 – Улаков М.З., Махиева Л.Х. Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2019. 120 с.

Таумурзаев 1982 – Таумурзаланы Далхат. Элия. Таурух, жыр, кюй. Халкъдан. «Минги Тау» журналда китап. «Эльбрус» китап басма. Нальчик, 1982. 112 б. (Таумурзаев Далхат. Молния. Легенда, песня, плач. Книга в журнале «МингиТау». Нальчик: Эльбрус, 1982. 112 с.).

КЪМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.

КЪМТАС II 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1171 с.

КЪМТАС III 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-фа, 2005. 1159 с.

References

ALIKAEV R.S. *Literaturnyj yazyk i dialekt: voprosy funkcional'nogo statusa // Innovacionnye tekhnologii v prepodavanii inostrannyh yazykov. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii*. [Literary language and dialect: questions of functional status // Innovative technologies in teaching foreign languages. Materials of the International Conference]. 20–29 aprelya. 2010 g. Armavir, 2010. 346 p. P. 315–316. (In Russian)

АПОЕВ А.К. *Этнографическая лексика Карачаево-Балкарского языка* [Ethnographic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik: Izd.-vo KBNC RAN, 2004. 118 p. (In Russian)

GERGOKOVA (ETEZOVA) L.S. *Yazyk karachaevo-balkarskogo geroicheskogo eposa «Narty»* [The language of the Karachay-Balkarian heroic epic “Narts”]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. 140 p. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. *Lekcicheckie ocobennosti cokayushchego dialekta karachaevo-balkarckogo yazyka* [Lexical features of the clicking dialect of the Karachay-Balkar language]. IN: *Voprosy istorii i dialektologii karachaevo-balkarckogo yazyka* [Questions of the history and dialectology of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik: El'bruc, 1994. P. 6. (In Russian)

KAMAEVA R.B. *Dialektizmy i perevod (na materiale perevodov hudozhestvennoj literatury c tatarckogo na ruckij yazyk)* [Dialectisms and translation (based on translations of fiction from Tatar into Russian)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2014. № 10 (40): v 3-h ch. CH. III. P. 96–99. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. *Problemy razvitiya karachaevo-balkarckogo yazyka i ego dialektov* [Problems of development of the Karachay-Balkar language and its dialects]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN. 2020. 148 p. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. *Dialektizmy v proizvedeniyah Ibragima Gadieva* [Dialectisms in the works of Ibrahim Gadiyev]. IN: *Tendencii razvitiya lekciki i grammatiki karachaevo-balkarckogo yazyka. K 70-letiyu Mahti Zeitunovicha Ulakova. Sbornik nauchnyh statej* [Trends in the development of vocabulary and grammar of the Karachay-Balkar language. On the 70th anniversary of Mahti Zeitunovich Ulakov. Collection of scientific articles]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr», 2021. 192 p. P. 102–111. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. *Upotreblenie leksiki cokayushchego dialekta v hudozhestvennyh proizvedeniyah balkarskih pisatelej (na materiale povesti I. Gadieva «Dyfchy kieu»)* [The use of the vocabulary of the clicking dialect in the works of Balkarian writers (based on the story of I. Gadiyev “Dyfchy kieu”)]. IN: *Sovremennaya karachaevo-balkarskaya filologiya: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnyh trudov* [Modern Karachay-Balkarian philology: problems and prospects. Collection of scientific papers]. Nal'chik, 2021. P. 80-86. (In Russian)

KUCHMEZOVA L.B. *Dialektnaya lekcika kak credctvo obogashcheniya clovornogo coctava literaturnogo karachaevo-balkarckogo yazyka* [Dialect vocabulary as a means of enriching the vocabulary of the literary Karachay-Balkar language]. IN: *Izvectiya Kabardino-Balkarckogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center

of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 5 (103). P. 109-117. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-109-117. (In Russian)

МАИЕВА Л.Н. *Otrazhenie dialekticheskoy lekciki v hudozhestvennoj literature karachaevo-balkarckogo yazyka* [Reflection of dialectical vocabulary in the fiction of the Karachay-Balkar language]. IN: Teoreticheskie i metodicheskie problemy nacional'no-rucckogo dvuyazychiya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 85-letiyu Inctituta yazyka, literatury i ickuctva im. G. Cadacy DNC RAN [Theoretical and methodological problems of national-Russian bilingualism. Materials of the international scientific and practical conference on the 85th anniversary of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadacy DNC RAS]. 2009. Mahachkala. P. 307–309. (In Russian)

MUCUKOV B.A. *Vzamodejctvie dialektov karachaevo-balkarcogo yazyka c literaturnym yazykom* [Interaction of dialects of the Karachay-Balkar language with the literary language]. IN: Tendencii razvitiya lekciki i grammatiki karachaevo-balkarckogo yazyka. K 70-letiyu Mahti Zejtunovicha Ulakova. Cbornik nauchnyh ctatej [Trends in the development of vocabulary and grammar of the Karachay-Balkar language. On the 70th anniversary of Mahti Zeitunovich Ulakov. Collection of scientific articles]. Nal'chik: Izdatel'ckaya tipografiya «Print Centr», 2021. 192 p. ISBN 978-5-907150-94-2. P. 145–153. (In Russian)

MUCUKOV B.A. *Leksiko-semanticheskie i slovoobrazovatel'nye osobennosti geograficheskikh nazvanij Balkarii i Karachaya, obrazovannyh s pomoshch'yu fiziko-geograficheskogo appelyativa bash 'verhov'e', 'vershina'* [Lexico-semantic and word-formation features of geographical names of Balkaria and Karachay, formed with the help of the physico-geographical appellative bash 'verkhovye', 'vershina']. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2022. № 4 (108). P. 125–133. 2022. No. 4 (108). P. 125–133. (In Russian)

ULAKOV M.Z. *Problemy lekcicheskoy ctilictiki karachaevo-balkarckogo yazyka* [Problems of lexical stylistics of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik: El'bruc, 1994. 116 p. (In Russian)

ULAKOV M.Z., МАИЕВА Л.Н. *Problemy terminologii karachaevo-balkarckogo yazyka* [Problems of terminology of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik, 2019. 120 p. (In Russian)

ТАУМУРЗАЛАНЬ ДАЛХАТ. *Eliya. Tauruh, zhyr, kyuj. Halk'dan. «Mingi Tau» zhurnalda kitap. «El'bruc» kitap basma. Nal'chik, 1982. 112 b. (Taurmurzaev Dalhat. Molniya. Legenda, pesnya, plach. Kniga v zhurnale «MingiTau» [Lightning. Legend, song, cry. The book is in the MingiTau magazine]. Nal'chik: El'bruc, 1982. 112 p.). (In Balkarian)*

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezhygyu (Tolkovyy slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka) [Explanatory dictionary of the karachaybalkarian language]: in 3 volumes. Vol. I. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Balkarian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezhygyu (Tolkovyy slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka) [Explanatory dictionary of the karachaybalkarian language]: in 3 volumes. Vol. II. Z–R. Nalchik: El-Fa, 2002. 1171 p. (In Balkarian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezhygyu (Tolkovyy slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka) [Explanatory dictionary of the karachaybalkarian language]: in 3 volumes. Vol. III. S–Ya. Nalchik: El-Fa, 2005. 1159 p. (In Balkarian)

Информация об авторе

Л.Б. Кучмезова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Information about the author

L.B. Kuchmezova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 07.12.2022 ; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-124-129

ЖЕНСКИЙ НАРРАТИВ В ЛИРИЧЕСКИХ СТИХАХ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ И ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2022

Аннотация. В статье исследуется женский нарратив и общие мотивы лирики двух знаковых поэтесс эпохи оттепели – Беллы Ахмадулиной и Инны Кашежевой. Это – темы одиночества и сожаления о безвозвратно ушедшем прошлом. Следует констатировать, что действенным катализатором высокой поэтики, ее онтологичности в сочинениях обеих авторов стали именно эти темы. Основным оценочным критерий исследования – эстетические достоинства стихов на обозначенные темы. В рамках онтологической поэтики важно обратить внимание на степень их актуальности, специфику художественного конфликта, преимущество женского нарратива при их интерпретации, а также разветвленную систему экспрессивных средств. Все это позволяет реально оценить художественное мастерство двух указанных поэтесс, их стремление и способности показать широту философского мировоззрения в сочетании с тонкой лирикой. Учитывая все эти нюансы, в статье дается объективная оценка творчеству Б. Ахмадулиной и И. Кашежевой, выявляются оригинальные экспрессивные средства, используемые авторами в их лирических сочинениях.

Ключевые слова: женский нарратив, Белла Ахмадулина, Инна Кашежева, мотив, эстетические ценности, «оттепель», «шестидесятники»

Для цитирования: Алхасова С.М. Женский нарратив в лирических стихах Беллы Ахмадулиной и Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 124–129. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-124-129

Original article

FEMALE NARRATIVE IN THE LYRICAL POETRY OF BELLA AKHMADULINA AND INNA KASHEZHEVA

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2022

Abstract. The article explores the female narrative and the common motives of the lyrics of two iconic poets of the thaw era – Bella Akhmadulina and Inna Kashezheva.

These are themes of loneliness and regret for the irrevocably departed past. It should be stated that these themes have become an effective catalyst for high poetics, its ontology in the works of both authors. The main evaluation criterion of the study is the aesthetic merits of poems on the designated topics. Within the framework of ontological poetics, it is important to pay attention to the degree of their relevance, the specifics of the artistic conflict, the advantage of the female narrative in their interpretation, as well as an extensive system of expressive means. All this makes it possible to really appreciate the artistic skill of these two poetesses, their desire and ability to show the breadth of a philosophical worldview combined with subtle lyrics. Taking into account all these nuances, the article gives an objective assessment of the work of B. Akhmadulina and I. Kashezheva, reveals the original expressive means used by the authors in their lyrical compositions.

Keywords: female narrative, Bella Akhmadulina, Inna Kashezheva, motive, aesthetic values, “thaw”, “sixties”

For citation: Alkhasova S.M. Female narrative in the lyrical poetry of Bella Akhmadulina and Inna Kashezheva. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 124–129. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-124-129

Период творчества Беллы Ахмадулиной и Инны Кашежевой связан с творчеством поколения поэтов, называемых «шестидесятниками». Одним из наиболее ярких представителей этого поколения стала Белла Ахмадулина, сыгравшая наряду с А. Вознесенским, Е. Евтушенко, Р. Рождественским, Б. Окуджавой огромную роль в возрождении общественного самосознания в стране в период «оттепели». На его последнем этапе в литературу влилась поэзия совсем юной Инны Кашежевой. Их объединяло то, что они продолжили лучшие поэтические традиции предшествующих русских поэтов, подхватили эстафету от Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака. Таким образом через творчество известной кабардинской русскоязычной поэтессы Инны Кашежевой и известной российской поэтессы Беллы Ахмадулиной раскрывается концепция феномена взаимодействия культур.

В своем творчестве обе поэтессы не раз обращались к одной из самых злободневных проблем в современной цивилизации – проблеме одиночества. Многие могут возразить, что к этой теме не раз обращались в поэзии и в прошлые века. Однако новаторство Б. Ахмадулиной и И. Кашежевой заключается в том, что они раскрыли в лирической поэзии мотивы одиночества и выстраданного, безвозвратно ушедшего прошлого с обратного ракурса – с позиции женского восприятия. К примеру, в стихотворении Б. Ахмадулиной «По улице моей который год...»:

*По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.*

.....

И далее:

*К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.
О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.*

[Ахмадулина 2013: 14]

Внутренний конфликт поэтессы отражает ее человеческие идеалы: с большой эмоциональной силой она раскрыла чувство предательства друзей и возникающее в связи с этим одиночество героини, одиночество, от которого веет холодом, которое все больше замыкает круг, теряя связь с прошлым. Определив основной

оценочный критерий, принадлежащий поступкам друзей, она с большой эмоциональной силой развеяла иллюзорное чувство связи не только с друзьями, но и со всем миром, который очень сложен. Но вера в справедливость все же не покидает поэтессу:

*И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверяют мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.
И вот тогда – из слез, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.*

[Ахмадулина 2013: 15]

Ощущение потери и одиночества человеческой души – частый мотив лирики поэтессы:

*Кто знает – вечность или миг
мне предстоит бродить по свету.
За этот миг иль вечность эту
равно благодарю я мир.
Что б ни случилось, не клянусь,
а лишь благославляю легкость:
твоей печали мимолетность,
моей кончины тишину.*

[Ахмадулина 2013: 201]

А вот как этот же мотив звучит у Инны Кашежевой в стихотворении «Одиночество играет»:

*Одиночество играет
в прятки странные со мной:
То уходит, то нагрянет,
то шаманит за спиной.
То играет костью в горле,
то застанет всех врасплох...
Полусчастье, полугоре,
полудьявол, полубог.*

[Кашежева 2014: 229]

Или:

*Жизнью, сердцем убываю
В том, о чем кричу-пишу.
Я не к жалости взываю,
Понимания прошу.
Разве ты не видишь это:
Ночь за ночью, день за днем
Светит только сигарета
В одиночестве моем.
Разве для тебя не важно,
Что в работе и в дыму*

*Мне до слез бывает страшно,
Как ребенку одному?
Этих строчек шепот грустный
Мой озвучивает мрак.
Ну, пожалуйста, почувствуй,
Как мне плохо, как мне... как!*

[Кашежева 2014: 220]

Одной из главных тем лирики Б. Ахмадулиной, равно как и творчества И. Кашежевой, это не только тема одиночества души, но и чувство потери и расставание с прошлым. Вот как писала об этом Б. Ахмадулина:

*Не уделяй мне много времени,
Вопросов мне не задавай.
Глазами добрыми и верными
Руки моей не задевай.*

*Не проходи весной по лужицам,
По следу следа моего.
Я знаю – снова не получится
Из этой встречи ничего.*

*Ты думаешь, что я из гордости
Хожу, с тобою не дружу?
Я не из гордости – из горести
Так прямо голову держу.*

[Ахмадулина 2013: 147]

Эта же тема тоски и грусти, которая «льется бездонно», звучит и у И. Кашежевой:

*Помню: всю ночь подряд
Тек мучительный яд,
Настоянный на тоске, –
Не кружка, а ковши в руке.
А ночь смотрела в окно
насмешливой темнотой,
Бездонно лился настой.*

[Кашежева 2014: 295]

В другом же сочинении лирическая героиня поэзии И. Кашежевой плачет от «безысходной тоски»:

*Я не плачу, а просто наружу
Хочет вырваться наша зима.
Ты не хочешь спасти мою душу...
Как сумеет, спасется сама.
И не будет в тоске безысходной
безответно взывать по ночам.
Станет снова пустой и свободной,
Как в музее забытый колчан.*

[Кашежева 2014: 269].

Тема одиночества души и печального конца звучит и в стихотворении «Метель»:

*Не потому ль, в красе и тайне,
пространство, загрузив о нем,
той речи бред и бормотанье
имеет в голосе своем.*

*И в снегопаде, долго бывшем,
вдруг, на мгновенье, прервалась
меж домом тем и тем кладбищем
печали пристальная связь.*

[Ахмадулина 2013: 88]

Вот известное произведение Б. Ахмадулиной «А напоследок я скажу...», где безысходность и одиночество души бесспорны и вызывают к жалости и милосердию:

*Живо тело
и бродит, видит белый свет,
но тело мое опустело.
Работу малую висок
еще вершит. Но пали руки,
и стайкою, наискосок,
уходят запахи и звуки.*

[Ахмадулина 2013: 14]

Композиция произведений часто довольно проста. Во многих стихах И. Кашежевой и Б. Ахмадулиной все начинается с обращения, где они говорят об одиночестве, своем предчувствии трагического финала. Так, например, у И. Кашежевой:

*Господи! Все уже сказано.
Что ты бормочешь, перо,
Горестно, хрипло, бессвязно,
Как репродуктор в метро?*

*И словно бы подводит итог своим отношениям:
Каждую помню потерю,
Боль расставанья терпя.*

[Кашежева 2014: 252].

Символикой стихов Беллы Ахмадулиной и Инны Кашежевой являются сами поэтессы. Здесь явственно выступает женский нарратив. Ключевая героиня произведения – это сами поэтессы, их истории утраты и желания или нежелания жить дальше, потеряв частичку себя. Художественные приемы в стихах это прежде всего разнообразие эпитетов: «беда тяжелая», «вранье, похожее на воронье», «игра твоя – дешевая» (у Б. Ахмадулиной); «легкость печали», «мимолетность кончины», «звнящая тишина одиночества» (у И. Кашежевой).

Что касается цветовой символики, то часто она означает полное отсутствие чувств, равнодушие, или наоборот, переполненность чувствами и страстью. Например: «В глазах ни сине, ни черно» (Б. Ахмадулина, «Прощание»); «В этой странной, чуть зеленоватой, даже малахитовой тени» (И. Кашежева, «Сена, как передвижная сцена»)

Подводя итог исследованию, следует сказать, что весь литературный путь как Инны Кашежевой, так и Беллы Ахмадулиной – это последовательное создание

самобытного художественного мира. Мир лирики, созданный поэтессами, интроспективен и притягателен неповторимой индивидуальной эмоциональной и стилистической окраской, естественностью и органичностью поэтической речи. В особенности, это касается темы одиночества души и прощания с прошлым. С присущим им женским нарративом они писали об окружающей повседневности, но эта повседневность не будничная, а облагороженная прикосновением пера, приподнятая над суетой, проникнутая высокой духовностью и, благодаря постоянным экскурсам в прошлое и будущее, приобретающая особое измерение. Из малозаметных, казалось бы, моментов жизни, разных оттенков настроения, обрывков мыслей и наблюдений поэтессы построили свой мир – мир честности и открытости, справедливости, доброты и доверия к людям, мир высокой духовности и душевного такта. Под их пером самые обыденные ситуации приобрели необычайную зыбкость, ирреальность, характер сакральности и мистики.

Современная поэзия удивляет мир умопомрачительными изобретениями и сочинениями на уровне чуть ли ни технических новшеств, несмотря на то, что «многие критики пророчат исчезновение поэзии: ей не будет места в связи с развитием современных “рыночных” тенденций» [Алхасова 2015: 115]. Действительно, современный мир имеет такие тенденции, такое вполне может случиться с поэзией, и в целом с литературой. Но возможно ли представить себе этот мир без поэзии? Это уже будет другое общество, поэтому поэтическая эстафета должна быть продолжена, как продолжили ее в свое время Белла Ахмадулина и Инна Кашежева.

Список источников

Алхасова 2015 – *Алхасова С.М.* Современная кабардино-черкесская литература. Издательство КБИГИ. Нальчик, 2015.

Ахмадулина 2013 – *Ахмадулина Б.* Прощай, любить не обязуйся. М.: Издательство СПб. Серия «Азбука классика», 2013.

Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.

References

ALKHASOVA S.M. Sovremennaya kabardino-cherkesskaya literatura [Modern Kabardino-Circassian literature.]. Izdatel'stvo KBIGI. Nal'chik, 2015. (In Russian).

AHMADULINA B. Proshay, lubit' ne obyazuysa [Farewell, do not commit to love]. M.: Izdatelstvo SPb, seria “Azбуka klassika”, 2013.

KASHEZHEVA I. Izbrannoe: Stihotvoreniya. Sost. Dzh.P. Koshubaev. [Favorites: Poems // Compiled by J.P. Koshubaev.]. Nal'chik: El'brus, 2014. 320 p.

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 82-32

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-130-137

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВАРИАЦИИ ВОСТОЧНЫХ СЮЖЕТОВ О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ КАК ПРИМЕРЫ ЦИКЛИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© А.Д. Атабиева, 2022

Аннотация. В статье приведены примеры повествовательного цикла (книги о едином герое) и тематического сборника рассказов с целью рассмотрения способов творческой обработки известных восточных сюжетов о Ходже Насреддине в прозе балкарских писателей (Х. Кадиева, Ж. Токумаева). Анализ представленных юмористических рассказов основывается на принципе циклизации. В ходе исследования подчеркивается, что в подобных произведениях тесно переплетены традиции восточной культуры и мотивы национального фольклора. В литературных адаптациях единый персонаж подается в индивидуальной интерпретации, но в целом не теряет исходных типических черт, сохраняя изначальную ориентированность на обличение социальных противоречий. Смежные тексты анекдотичного характера сцеплены общей темой, героем, идеей и являются взаимодополняющими. В образованных циклических структурах произведения содержательно сгруппированы, выстраиваясь в определенную логическую цепь событий. Сравнительное исследование обобщающего образа Ходжи Насреддина подводит к суждению о том, что этнические варианты данного персонажа имеют единый прототип. Стремление отдельных народов причислить героя к своему исконному представителю, либо преподнести его в качестве исторической личности не имеют под собой достаточной аргументации, поскольку он является результатом художественного вымысла. Рассказы представляют собой авторские переложения распространенных сюжетов и, помимо развлекательной функции, носят выраженный назидательный характер.

Ключевые слова: повествовательный цикл, сборник рассказов, форма анекдотического «хапара», восточные сюжеты, Ходжа Насреддин, интерпретация, этнические варианты

Для цитирования: Атабиева А.Д. Литературные вариации восточных сюжетов о Ходже Насреддине как примеры циклических структур // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 130–137. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-130-137

Original article

LITERARY VARIATIONS OF ORIENTAL PLOTS ABOUT KHOJA NASREDDIN AS EXAMPLES OF CYCLIC STRUCTURES

Asiyat D. Atabieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© A.D. Atabieva, 2022

Abstract. The article provides examples of a narrative cycle (books about a single hero) and a thematic collection of short stories in order to consider ways of creative processing of famous oriental stories about Khoja Nasreddin in the prose of Balkarian writers (H. Katsieva, J. Tokumaeva). The analysis of the presented humorous stories is based on the principle of cyclization. In the course of the study, it is emphasized that in such works the traditions of Oriental culture and the motifs of the national folklore are closely intertwined. In literary adaptations, a single character is presented in an individual interpretation, but in general does not lose the original typical features, while maintaining the initial focus on exposing social contradictions. Related texts of anecdotal nature are linked by a single theme, hero, idea and are complementary. In the resulting cyclic structures, the works are meaningfully grouped, building a certain logic of events. A comparative study of the generalizing image of Khoja Nasreddin leads to the conclusion that the ethnic variants of this character have a single prototype. The desire of individual peoples to classify the hero as their original representative, or to present him as a historical person, does not have sufficient argumentation, since he is the result of artistic fiction. The stories are author's transcriptions of common plots and, in addition to the entertainment function, have a pronounced edifying character.

Keywords: narrative cycle, collection of short stories, form of anecdotal "hapar", oriental plots, Khoja Nasreddin, interpretation, ethnic variants

For citation: Atabieva A.D. Literary variations of oriental plots about Khoja Nasreddin as examples of cyclic structures. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 130–137. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-130-137

Влияние традиций восточной культуры и фольклорных анекдотических новелл на карачаево-балкарскую прозу является очевидным. Освоение национальными писателями приемов сатиры и юмора можно считать одновременно важным этапом развития малых форм прозы, показательным примером циклизации в повествовательных жанрах, ценным опытом на пути становления балкарской художественной литературы.

Считаем уместным предварить теоретический анализ литературных циклов по заявленной теме преамбулой, содержащей информацию об адаптированных формах бытования образа Ходжи Насреддина в национальном фольклоре, и краткой историографией изучения вопроса.

Случаи своеобразной обработки заимствованных восточных мотивов нередки в карачаево-балкарских народных сказах. В карачаевской версии анекдотические новеллы о Насра Ходже впервые издавались еще в 1930-е годы. В числе подобных публикаций можно обозначить сборники А. Уртенова «Насра Ходжаны хапарлары» («Рассказы Насреддина»), Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1987; Азмурзаева М. «Ойнай, ойнай...» («Доигрались») – Рассказы и пьесы, Нальчик: Эльбрус, 1999; Полный сборник анекдотов «Хожа» – составители И. Ахматов, А. Холаев, Нальчик: Эльбрус, 1990 [Уртенов 1987; Азмурзаев 1999; И. Ахматов, А. Холаев 1990]. Текстовый состав представленных книг относится преимущественно к традиционной форме анекдотического *хапара*.

В основе своей это рассказы антирелигиозной направленности. Соответствуя требованиям времени, их содержание нацелено на осмеяние неблагоприятного нрава зажиточных слоев, судей и представителей духовенства (эфенди, мулл и т.п.). Составители книг стремились содержательно увязать рассказы с этническим материалом. Выполняя функцию обличения негативных черт человеческого характера, сатирические произведения несли в себе нравственно-этическую нагрузку, обладали обобщающей силой. Посредством различных приемов в рассказах усилен назидательный эффект. Отличительной чертой юмористических историй о Ходже Насреддине (балкарский вариант произношения имени – Насра Хожа) является притчевость их содержания, которое становится однозначным именно в общем контексте.

В карачаево-балкарской фольклористике указанная проблематика наиболее подробно освещена в научных изысканиях Малкондуева Х.Х., Берберова Б.А.,

Гергоковой (Этезовой) Л.С. и других ученых. Важным аспектом этих исследований является то, что рассмотрение материала проводится в сравнительно-сопоставительном ключе на основе имеющихся иноязычных вариаций образа.

В отдельных работах фольклорные тексты на заданную тему распределены по категориям. Согласно предложенной классификации, в устно-поэтическом наследии карачаево-балкарцев сохранились: «1) произведения, заимствованные в чистом виде или с незначительными изменениями ввиду их соответствия их менталитету, образу жизни; 2) произведения заимствованные с поправкой на местную действительность; 3) произведения исконные (имеющие прообразов, но причисляемые к циклу Ходжи Насреддина, в связи с утратой имен персонажей)» [Гулиева (Занукова) 2015: 56].

История возникновения образа самого Ходжи Насреддина имеет древневосточные корни, ведущие начало еще с XVIII века, о чем неоднократно говорилось в различных трудах фольклористов и литературоведов. Вопрос является достаточно интересным, чтобы послужить темой специализированного исследования. Однако в данной статье, на наш взгляд, будет излишним углубляться в полемику относительно генезиса заимствованного персонажа, достаточно привести наиболее значимую информацию о нем.

Каждый этнос склонен причислять Насреддина к своему роду-племени, хотя исконным для них он не является. У турок, арабов, иранцев, таджиков, азербайджанцев, уйгур, казахов, узбеков, крымских татар, абхазцев, адыгов, карачаево-балкарцев и других народностей сформировались аналогичные трактовки родственного героя. Собственное имя Ходжи (слово персидского происхождения, означающее духовный титул в мусульманской религии) на протяжении довольно длительного времени подвергалось семантическим и лексическим трансформациям. В заимствованный образ привносилась специфичность местного менталитета. Вместе с тем портретные характеристики персонажа схожи во всех интерпретациях («острослов», «мудрец-философ», «правдолюб», «балагур», «хитрец»). Попытки представить Ходжу Насреддина в роли исторического лица не имеют под собой достаточного основания, поскольку он является, скорее, вымышленным героем, несомненно, имеющим единый прототип.

Во всех этнокультурных версиях сатирических историй о Ходже Насреддине, сквозной персонаж вовлечен в борьбу с социальными, сословными и религиозными предрассудками, иронично высмеивая «безукоризненность» поведения представителей духовенства. И карачаево-балкарская версия в этом плане не исключение. Главного героя отличает антиклерикальное сознание (отрицание непререкаемого авторитета служителей культа), так в призме его субъективного восприятия эфенди и муллы лишены привычного ореола святости. Несмотря на это, самому Насра Хоже часто приписывается приверженность к мусульманству, исповедование ислама. За ним прочно закрепились лексемы «ходжа», «мулла», «эфенди», содержащие в себе указание на соответствующий социальный статус и теософские взгляды.

Образ Насра Хожи зачастую окутан ореолом романтического героя, выступающего, как правило, в роли народного заступника. В целом это достаточно мобильный, переменчивый образ. В народной среде оценивались такие характерологические черты, как живость и прозорливость ума, находчивость, приспособляемость к обстоятельствам. Анализируя фольклорные тексты, в которых задействован одноименный герой, исследователь Гергокова (Этезова) Л.С. отмечает, что Насреддин «в системе мужских персонажей юмористических рассказов трактуется многозначно, ... вобрав в себя разные качества национальных героев, предстает перед читателем как один из сложных характеров» [Гергокова (Этезова) 2019: 210].

Создавался он на основе гротескного юмора. Народ стремился передать позитивно окрашенный облик шутника-авантюриста. В этом образе наглядно представлен социокультурный тип вечно жизнелюбивого обманщика и плута,

однако в нем же воплощены истоки народной мудрости. Герою приписывается множество похождений не совсем положительного проявления. В разных ситуациях он выступает одновременно и как философствующий мудрец, и как человек недалекого ума. Хитрость и скупость противопоставляются находчивости и острословию. Чаще всего глупость Ходжи напускная и продиктована желанием избежать неприятных ситуаций. В едином персонаже гармонично уживаются пороки и добродетели. Герой наделен противоположными качествами, полон несоответствий, поскольку в его характере обнаруживаются взаимоисключающие качества. Вместе с тем он максимально критичен и не лишен самоиронии. Однако читатель всегда благосклонен к нему, Насреддин – любимец народа, простой люд видел в нем мудрого наставника, искал у него совета и поддержки в сложных жизненных ситуациях.

С содержательной точки зрения рассказы о нем в равной степени начинены художественным вымыслом и достоверной информацией, фантазийными элементами и бытовыми подробностями. Охватывая все сферы жизни этноса, вбирая соответствующие этические нормы, они адаптированы к восприятию носителей данного языка. В фольклорных текстах наблюдается выраженное разделение героев по социальному принципу. Ключевой персонаж выполняет функцию обличителя противоречий во взаимоотношениях людей, он подвергает осмеянию негативные стороны общественного устройства. Для него не существует авторитетов либо запретов.

Социальная направленность придавала еще большую популярность произведениям подобного плана. Для них характерна сатирическая острота, вариативность сюжета, подпитанная типично горской лексикой. Человеческие взаимоотношения, различные бытовые ситуации высвечивают моральный облик представителей тех или иных страт. Углубляется и субъективно-лирическое начало. Следует подчеркнуть, что позитивный образ плута довольно востребован в народной среде. Гибкость характера и находчивость отличают данного героя. Это обобщающий, абстрактно-символический образ, в котором спроецированы узнаваемые народные черты.

Насра Хожа, как собирательный образ анекдотических рассказов, ориентирован на высмеивание стереотипов, укоренившихся в общественной среде. В конкретных жизненных ситуациях раскрывается процесс становления его личности. Раскрытие психологии и социального облика представителей отдельных слоев общества также позволяет высветить подоплеку патриархального устройства социума, основанного на семейных связях и узах кровного родства. Подобные рассказы являются, по сути, социально-бытовыми зарисовками. Героям присущи черты определенного социального поведения. Обращает на себя внимание индивидуализация характеров. Споры и конфликтные ситуации между отдельными персонажами легко разрешаются посредством юмора.

В подборке фольклорных юмористических произведений о Ходже Насреддине выявляется своя внутренняя градация, здесь представлены отдельные серии новелл узкой тематической направленности. «Важное место в сборниках занимает семейно-бытовой цикл сатирических миниатюр («Хожаны юю, ююрю»), включающий в себя 27 текстов» [Берберов 2020: 88]. Рассказы сгруппированы исходя из общности проблематики и наличия сквозных персонажей. Анекдотические истории описывают различные житейские моменты: от выбора героем спутницы жизни, разрешения внутрисемейных конфликтов до вопросов диалектического характера. Произведения отличают тонкий юмор и психологизм, не лишены они и философско-метафорических смыслов. Тексты, включенные в указанный цикл, представлены в форме кратких юмореск, выполняющих назидательную функцию («Осал къатын» – «Плохая жена», «Къалай этгин» – «Как поступить», «Армау болуу» – «Растрянность» и др.).

Со временем сюжеты народных сказов и анекдотов подверглись литературной обработке. Ратуя за популяризацию фольклора, национальные авторы обращаются

к художественным средствам, сюжетам и мотивам, заимствованным из устно-поэтического наследия. Рассказы на основе фольклорного материала нередко перенасыщены этнографизмом. В символику местной природы, специфического горного ландшафта вплетаются народные приметы и поверья, охватывая целый комплекс этнических представлений. Балкарские писатели творчески реализуют принцип контраста, активно используют приемы поэтизации природы. Поэтому вся атмосфера повествовательных серий о Насра Хоже пронизана любовью к родной земле. Стилистическая фактура циклов неизменно опирается на богатство народного языка, воспроизводя главным образом его лексическое своеобразие (колоритный народный сленг, образный, метафоричный, меткий).

В выделенном ракурсе примечательна проза балкарского писателя Жагафара Токумаева. Тяготение к серийности характеризует сборник рассказов детского адресата «Къурнаятчы Алдарбекни хапарлары» («Рассказы Алдарбека из Курнаята») [Токумаев 1993]. От имени главного героя Токумаев обращается к юным читателям, дает некоторые пояснения к истории появления этого персонажа. Двадцать произведений, составивших данную книгу, написаны в лучших традициях восточных рассказов и повествуют о приключениях безудержного обманщика.

В разных культурах существуют герои, повторяющие колоритный облик Насреддина. У тюркских народов ловкач Алдарбек всегда ассоциировался с образом Ходжи, в отдельных вариантах он фигурирует под именем Чёпелеу. Кроме того персонаж часто отождествляется с распространенным в Азии образом Алдара Кёсе. Все дело в характерных чертах, особой манере поведения, индивидуальном мировосприятии, своеобразии менталитета.

В юмористических миниатюрах Ж. Токумаева причудливо взаимопроникают приметы исторического прошлого и современные реалии. В данном конкретном случае описываются особенности быта жителей горного аула Курнаят, откуда родом герой-рассказчик.

Перспективный художественный прием сатирической гиперболизации применен в обрисовке главного персонажа цикла. «Взаимосвязь деталей портретной характеристики, проекция на сущность характера и особый речевой колорит создают сатирический подтекст, легко угадывающийся детьми» [Атабиева 2010: 141]. Этимология имени Алдарбек (буквальный перевод – Большой Враль) содержит прозрачный намек на склонность героя к преувеличению. Подобно барону Мюнхгаузену, чуть не утонув в море, он спасает себя из пасти огромной рыбы; вырвав с корнем огромную сосну, борется с семьюдесятью семью волками; ради внимания прекрасной дочери хана проходит сложные испытания.

Произведения носят авантюрно-приключенческий характер, время от времени сбиваясь на сказочную канву («Шайтанла арасында» – «Среди чертей», «Обур» – «Оборотень», «Темир къязыкъ» – «Железная палка»). Неправдоподобные истории из жизни Алдарбека основаны на ироническом принципе изображения («Чингиз-хан бла тюбешу» – «Встреча с Чингиз-ханом», «Къоркъмазгъа керекди» – «Нельзя бояться», «Жыйын бёрю» – «Волчья стая», «Кърым хан бла тюбешу», – «Встреча с крымским ханом», «Тенгизде» – «В море», «Хайыуанзавр» и др.). В целом рассказы Ж. Токумаева написаны в развлекательно-познавательном ключе, так как их содержание адаптировано писателем под детское восприятие. Удачно подобранный автором речевой колорит придает рассматриваемым текстам этническое своеобразие.

Говоря о повествовательном цикле, следует обратить внимание и на творчество Хабу Кадиева. В этом плане довольно занимателен сборник писателя «Насмешник Омар» (Москва, 1969), состоящий из повестей и сатирических рассказов. В 1982 году республиканским издательством опубликована следующая книга писателя – «Салам алейкум» («Приветствую») [Кадиев 1973], где собраны воедино оригинальные юмористические рассказы и переводы произведений иноязычных авторов. Произведения отличаются предельной лаконичностью формы и содержания.

Циклический принцип объединения частей характеризует серию рассказов под общим названием «Насра Хожа ышарады» («Насра Хожа улыбается»), в котором предложена своеобразная интерпретация узнаваемого образа.

В рассказе «Не хан ёлор, не эшек ёлор» («Либо хан помрет, либо осел») предприимчивый герой обманул легковерного хана, получив от него немалое вознаграждение за обещание научить осла разговаривать. На возмущение жены ответил, что за то время, что он выпросил у правителя на исполнение этой прихоти, кого-то из них уже не будет в живых, он же при любом раскладе не останется без собственной выгоды. Этот сюжет достаточно распространен в народной среде, а выражение – «не хан ёлор, не эшек ёлор» – сохранилось и поныне. Герой Кадиева настолько увертлив, что способен находить выход из самых сложных житейских ситуаций, смекалка помогает герою выкрутиться («Экисин да бирге» – «Обоих вместе»), обходить острые углы в конфликтах, проявляя чудеса дипломатии. Каждое слово или действие Ходжи содержит какой-либо подвох. Желание героя над всеми подтрунивать, искать возможность провести своего собеседника («Чюйню багъасы» – «Цена гвоздя») либо уличить его во лжи, дают читателю повод для неоднозначной трактовки этого образа.

В отмеченном сборнике немало смешных историй о Насра Хоже и его осле («Аллахха шукур» – «Слава Богу», «Кимге ийнансын?» – «Кому верить?»), о жадности эфенди («Ала алгъанны болмаса, бергенни билмейдиле» – «Они умеют только брать, но не отдавать») и нечистых на руку судьях («Къулакъ жанына къыздыргъанны багъасы» – «Цена оплеухи», «Теппе-тенгди» – «Абсолютно равны»). Главный герой и сам иногда выступает в роли судьи, к которому обращаются с просьбой разрешить конфликт интересов («Къулагъынгы къапчы» – «Попробуй укусить себя за ухо»). На обман Насра Хожа непременно отвечает обманом («Къыяма кюнню аллында») и себя не обделяет, всегда выбирается сухим из воды, избегает возможного наказания, желающих ему навредить – наказывает. Вместе с тем плутовство персонажа не вызывает озлобленности окружающих, поскольку для всех очевидно, что таким образом герой высвечивает негативные черты как в себе, так и в других, выявляя нелицеприятные стороны человеческих взаимоотношений. Склонность некоторых людей осуждать чужие поступки, как бы человек не старался всем угодить, найдутся те, кого что-то не устроит, они будут искать во всем подвох, постоянно выражать недовольство (о чем повествует рассказ «Адамны ауузларын къысмазса» – «Людам рты не заткнешь»).

Персонаж Х. Кадиева остер на язык и может так повернуть ситуацию, что истец оказывается притеснителем, а говорящий правду, выглядит лжецом. Любое свое утверждение Ходжа выдает за истину, оборачивает себе на пользу, остается победителем в споре, приводя «железные» аргументы, и на каждую реплику оппонента находит достойный ответ. Подобная изворотливость героя проявляется, к примеру, в рассказе «Хожа соруула сорады» («Хожа задает вопросы»).

В рассматриваемой книге образовался еще один полноценный, увесистый юмористический цикл под названием «Чёпеллеуню хапарлары» («Рассказы Чепеллеу»), состоящий из пятнадцати самодостаточных текстов сатирического содержания. Это серия произведений об одном герое, берущем начало от общего прототипа. Предприимчивый Чепеллеу легко подстраивается под любую ситуацию и извлекает пользу при, казалось бы, безнадежном стечении обстоятельств. Писателем иронично обыгрывается народная традиция устраивать праздничное застолье в честь какого-либо радостного события или счастливого избавления от неприятностей («Къурманлыкъ» – «Жертвоприношение»). Специфичный юмор автора проявляется в рассказах «Ахыратдан къайытхан киши» («Мужчина, вернувшийся с того света»), «Чёпеллеу къонакъда къалады» («Чепеллеу остается в гостях»), «Эки телини арасында» («Между двумя дураками»). Во всех произведениях фигурирует сквозной герой.

Содержание рассказов варьируется в пределах социально-бытовой проблематики. В цикле представлены вполне реалистичные истории, когда люди переходят грань дозволенного, а их дурные привычки вызывают недопонимание и взаимные обиды. Смешные случаи описываются в контексте мировосприятия народа, отражая его исконные черты. Таково традиционное гостеприимство, проявление уважения к старшим и т.д. В анализируемых художественных текстах приметы современной жизни легко уживаются с привычным горским бытом.

Отдельного внимания в сборнике заслуживает цикл «Кюлкюлю таурухла» («Смешные сказки»). Комплекс текстов включает в себя краткие рассказы эпизодического содержания, стилизованные под фольклор. Все события и характеры раскрываются посредством монологов, диалогической речи, реплик персонажей. В произведениях нет привычной растянутости повествования, действие развивается достаточно динамично. Внедрение внесюжетных элементов, эмоционально окрашенных лирических отступлений, повторяемость образов и эпизодов привлекает внимание читателя к конкретному герою и сюжету.

В целом упомянутые циклы воспринимаются в качестве индивидуальных переложений распространенных восточных и фольклорных сюжетов анекдотической направленности. Они представляют интерес с точки зрения реализации в них элементов сатиры и юмора. Цикличность усматривается в повторяемости образов героев и группировке рассказов по определенным тематическим блокам. Традиционно структура прозаического цикла подчинена триединству темы – идеи – героя, что можно наблюдать в приводимых примерах.

Говоря об особенностях поэтики указанных текстов, следует отметить, что в них органически переплелись традиции восточной культуры и фольклорные мотивы. Литературные циклы стали удачными переложениями распространенных сказочно-юмористических сюжетов. Образы героев оформлены посредством сатирической типизации. Наличие пословиц и поговорок усиливает назидательный эффект этих новелл. Наблюдается также использование характерной восточной лексики.

Юмор, сатира, лиризм, социальная острота, эмотивная составляющая и достаточно развитый психологический аспект (в совокупности разнородных реакций героев на определенные события) удерживают интерес читателя, настраивая на легкое восприятие прочитанного. Циклы отличаются динамичным развитием сюжета, без лишней детализации. Вместе с тем анализируемые тексты не лишены описаний, бытовых подробностей, дополнительных уточнений, развернутых характеристик ведущих героев. Что же касается художественных средств, привычные сатирические приемы (обличение, ирония, гиперболизация, использование говорящих имен) активно задействованы в повествовательных циклах. Однако наиболее характерными признаками подобных рассказов являются серийность, эпизодичность историй о едином герое, их выстраивание в заданном семантическом поле и, что немаловажно, – контекстуальная взаимодополняемость произведений.

Список источников

Атабиева 2010 – *Атабиева А.Д.* Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 180 с.

Атмурзаев 1999 – *Атмурзаев М.* Ойнай-ойнай... (Доигрались...). Рассказы и пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1999. 164 с.

Берберов 2020 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарские сатирические миниатюры о Ходже Насреддине: специфика семейно-бытового цикла // Вестник КБИГИ. 2020. № 1 (44). С. 85–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-85-9.

Гергокова (Этезова) 2019 – *Гергокова (Этезова) Л.С.* Воплощение типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ. 2019. № 3 (42). С. 207–215. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215.

Гулиева (Занукоева) 2015 – Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 152 с.

Кациев 1973 – Кациев Х.Х. «Салам алейкум» (Приветствую). Юмористические рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1973. 240 с.

Токумаев 1993 – Токумаев Ж. «Къурнаятчы Алдарбекни хапарлары» («Рассказы Алдарбека из Курнаята»). Нальчик: Эльбрус. 1993. 73 с.

Уртенев 1987 – Уртенев А. Насра Хожаны хапарлары (Рассказы о Насреддине). Ставрополь: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1987. 232 с.

Хожа 1990 – Хожа (Притчи о Ходже Насреддине). Полный сборник анекдотов. Сост. и вступ.ст. И. Ахматова, А. Холаева, Нальчик: Эльбрус, 1990. 222 с.

References

ATABIEVA A.D. *Evolyuciya balkarskoj detskoj literatury (problemy zhanrovogo razvitiya)* [Evolution of Balkar children's literature (problems of genre development)]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2010. 180 p. (In Russian)

ATMURZAEV M. *Ojnaj-ojnaj... (Doigralis'...)*. *Rasskazy i p'esy* [(Finished playing...). Stories and plays]. Nal'chik: El'brus, 1999. 164 p. (In Karachay-Balkarian)

BERBEROV B.A. *Karachaev-balkarskie satiricheskie miniatyury o Hodzhe Nasreddine: specifika semejno-bytovogo cikla* [Karachay-Balkarian satirical miniatures about Khoja Nasreddin: the specifics of the family and household cycle]. IN: Vestnik KBIGI. 2020. № 1 (44). P. 85–92. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-85-9. (In Russian)

GERGOKOVA (ETEZOVA) L.S. *Voploshchenie tipicheskikh chert nacional'nogo haraktera v obraze Hodzhi Nasreddina v karachaev-balkarskom fol'klоре* [The embodiment of typical features of national character in the image of Khoja Nasreddin in Karachay-Balkar folklore]. IN: Vestnik KBIGI. 2019. № 3 (42). P. 207–215. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-207-215. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaev-balkarskaya nesказochnaya proza i ee tradicii v balkarskoj literature* [Karachay-Balkar non-narrative prose and its traditions in Balkar literature]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. 152 p. (In Russian)

KACIEV H.H. «*Salam alejkum*» (*Privetstvuy*). *Yumoristicheskie rasskazy* [(Greetings). Humorous stories] Nal'chik: El'brus, 1973. 240 p. (In Karachay-Balkarian)

TOKUMAEV ZH. «*K'urnayatchy Aldarbekni haparlary*» (*Rasskazy Aldarbeka iz Kurnayata*) [(The Stories of Aldarbek from Kurnayat)]. Nal'chik: El'brus, 1993. 73 p. (In Karachay-Balkarian)

URTENOV A. *Nasra Hozhany haparlary (Rasskazy o Nasreddine)* [(Stories about Nasreddin)]. Stavropol': Karachaev-CHerkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1987. 232 p. (In Karachay-Balkarian)

Hozha (Pritchi o Hodzhe Nasreddine). *Polnyj sbornik anekdotov* [(Parables of Khoja Nasreddin). A complete collection of jokes]. Sost. i vstup.st. I. Ahmatova, A. Holaeva. Nal'chik: El'brus, 1981. 231 p. (In Karachay-Balkarian)

Информация об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.D. Atabieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkar Literature.

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Илму статья
УДК 398.5
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-138-146

**КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ФОЛЬКЛОРНУ ГИТЧЕ ЖАНРЛАРЫ:
АЛГЪЫШЛА, ТИЛЕКЛЕ, ЫРЫСЛА**

Берберланы Абуюсуфну жашы Бурхан

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

© Берберланы Б.А., 2022

Къысха магъана. Къарачайлыла бла малкъарлыланы кёлден чыгъармачылыкларында алгъышла, тилекле, ырысла уллу жерни аладыла. Бурунгулу адам кесини жашау халын тапландырырча ол заманда жюрютюлген тейрилеге табына, тегерегинде адамланы эм да табийгъатда бола тургъан ишлени эсге ала, жашауун игилендирирге кюрешгенди. Заман оза баргъаны бла ол байламлык сёз байлыккъга кечгенди, аны бла бирге кёлден чыгъармачылыккыны жанрларына къошулгъанды. Аны себебинден кеп тюрлю ауруулары тейрилерине саулуккыну сакълар ючюн, киштикге, жукъусу татлы болур ючюн, жилиннга тилек халда, андан хата жетмез ючюн, айтылгъан тилекле жаратылгъандыла.

Шимал Кавказда жашагъан таулулары кёлден чыгъармачылыкларында уллу жетишимге аланы алгъышларын санаргъа боллуккыду. Ала бек уста, магъаналары терен, кимге, не зат бла байламлы айтылгъанларына кёре къуралгъандыла: сабий туугъанда, той баргъанда, жангы юй ишлегенде, битим жыйгъанда, чепкен басханда, кийиз ургъанда, адамны жолгъа ашыра чыкыгъанда эм да жашауну башха тюрлю халларына тийиншли.

Халкъ, жашауну тюрлене баргъан чагъында, кеп тюрлю затлагъа тюшюне, аны саулуккына заран жетмезча, «болдурмазгъа» керекли ишлени да тохташдыргъанды. Кёлден чыгъармачылыккыны ишин бардыргъан адамла кеп тюрлю ырысланы жыйгъандыла: ауурлуккы болгъан тиширлуккыга отха къарамазгъа, геуорге кюн уллу ишни башламазгъа, кечегиде юй тюбюн сыйпамазгъа, дагъыда аны кирик башха затланы англатыргъа кюрешгендиле. Муслиман динни алгъандан сора, ырысланы магъаналары жашаудан къорай барадыла. Алай бюгюнлюкде да аланы бир къауумлары озгъан заманны ышанларын халкъны эсине салгъанлай турадыла.

Баи магъаналы сёзле: къарачай-малкъар фольклор, мажюсюлюк ийнаныула, алгъышла, тилекле, ырысла, суратлау-ачыкълау онглары

Цитата этерге: Берберланы Б.А. Къарачай-малкъар фольклорну гитче жанрлары: алгъышла, тилекле, ырысла // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 138–146. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-138-146

Original article

**SMALL GENRES OF KARACHAY-BALKAR FOLKLORE:
WISHES, PRAYERS, TABOO**

Burkhan A. Berberov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center

of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

© B.A. Berberov, 2022

Abstract. Good wishes, prayers and taboos occupy an important place in the spiritual culture of Karachays and Balkars. Ancient man, for the purpose of ontological comfort, instinctively built special socio-normative relations with the supreme deities, surrounding people and objects of nature. Over time, these relationships began to take shape in all sorts of verbal formulas or folklore genres. For example, there were prayers addressed to the deities of various diseases for pardon and mercy; to a cat with a prayer for healthy sleep; to a snake with a spell text about not causing evil.

Good wishes are the highest form of communicative culture among the North Caucasian highlanders. These are finely crafted ritual microtexts, the content of which varies depending on the addressee. Good wishes can be timed to the birth of a child, to a wedding, to building a house, to harvesting, to making new clothes, to seeing off on a long journey.

As a result of repeated observations of the state of the world, the people have determined for themselves a number of «categorical imperatives» that guarantee their security. Folklorists have recorded numerous taboos forbidding a pregnant woman to look at a fire, take decisions on important matters on Tuesday, sweep the floor at night, etc. With the adoption of the Muslim religion, the popularity of taboo prohibitions has significantly weakened, but certain forms still remain in the public consciousness.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, pagan beliefs, good wishes, prayers, taboos, poetics, expressive means

For citation: Berberov B.A. Small genres of Karachay-Balkarian folklore: good wishes, prayers, taboo. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 138–146. (In Karachay-Balkarian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-138-146

Научная статья

МАЛЫЕ ЖАНРЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА: БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ, МОЛИТВЫ, ТАБУ

Бурхан Абуюсуфович Берберов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

© Б.А. Берберов, 2022

Аннотация. Важное место в духовной культуре карачаевцев и балкарцев занимают благопожелания, молитвы и табу. Древний человек в целях онтологического комфорта инстинктивно выстраивал особые соционормативные отношения с верховными богами, окружающими людьми и объектами природы. С течением времени эти отношения стали оформляться во всевозможные словесные формулы или фольклорные жанры. К примеру, появились молитвы, обращенные к божествам различных заболеваний о помиловании и милосердии; к кошке с мольбой о здоровом сне; к змее с заклинательным текстом о непричинении зла.

Высшей формой коммуникативной культуры в среде северокавказских горцев являются благопожелания. Это тонко разработанные ритуальные микротексты, содержание которых варьируется в зависимости от адресата. Благопожелания могут быть приурочены к рождению ребенка, к свадьбе, к строительству дома, к уборке урожая, к изготовлению новой одежды, к проводам в дальнюю дорогу.

В результате многократных наблюдений за состоянием мира народ определил для себя целый ряд «категорических императив», гарантирующих ему безопасность. Фольклористами зафиксированы многочисленные табу, запрещающие беременной женщине смотреть на огонь, предпринимать решение важных дел во вторник, ночью подметать пол и др. С принятием мусульманского вероисповедания популярность табуированных запретов значительно ослабла, но определенные формы все еще сохраняются в народном сознании.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, языческие верования, благопожелания, молитвы, табу, поэтика, экспрессивные средства

Для цитирования: Берберов Б.А. Малые жанры карачаево-балкарского фольклора: благопожелания, молитвы, табу // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 138–146. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-138-146

Къарачай-малкъар фольклорну гитче жанрларында алгъышла, тилекле, ырысла энчи жерни аладыла. Ала халкъны бурун замандан келген адетлерин белгилей, алагъа тийишлисича бола, аланы энчиликлери бла байламлы жумушланы ачыкълагъандыла.

Алгъышланы юслеринден белгили алим Хаджиланы Т.М. былай айтады: «Алгъышны да сёз устала, эсли, акъыллы адамла – алгъышчыла айтып болгъандыла. Кесин да, жырныча бир формада угъай, хар сёз уста кесинден бир зат къошуп, къурашдырып, назмугъа ушатып айтханды. Бир алгъыш кёп тюрлю айтылгъаны да ол себепденди. Халкъда тюбеген алгъышланы тийишдирип къарасакъ, аланы бир бёлек къауумгъа юлеширге боллукъду:

I. *Табынуу алгъышла* – мажюсю дин бла байламлы адетледе тюбеген алгъышча, жал барыула, тилекле;

II. *Урунуу бла байламлы алгъышла* – ууучулукъ, малчылыкъ, жерчилик, дагъыда ала кибик;

III. *Юйюр жашауу бла байламлы алгъышла* – тойда, къурманлыкъда, сабий туугъанда, дагъыда аллай башха къууанчалада этилиучю алгъышла» [Хаджиева 1988: 15].

Къарачай-малкъар фольклорда алгъышла магъаналарына, кеслерини къуралыу онгларына кёре, бир айтымдан башлап, рифмасы болгъан назмугъа ушап, уллу чыгъармагъа дери жетишедиле эм метафораны, эпитетни, семиртиуню, тенгешдириуню, къайтарыуню, эриклеу сёзню терен хайырланадыла.

Белгили лингвист Башийланы С.К. кесини «Благопожелание как лингвокультурный феномен» деген илму ишинде алгъышла бла байламлы къолайны сегиз къауумгъа юлешеди. Аланы санында 1) – «халкъны жашаууна узакъ ёмюр» («биологическое долголетие этноса»), 2) – «саулукъ» («здоровье»), 3) – «тукъумну айныуу» («продолжение рода»), 4) – «халкъны ырахатлыгъы» («благополучие этноса»), 5) – «бирикмеклик – халкъны бирлиги» («единство, согласие народа»), 6) – «ырысхы къолайы» («материальный достаток»), 7) – «халкъны мамырлыкъ жашауу» («мирное сосуществование народа»), 8) – «огъур, насып» («счастье») [Башиева 2015: 393–400].

Кёп санлы тизгинлери болгъан алгъышланы «Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле» [Алгъышла 1997] деген хрестоматия китапда кёрюрге боллукъду.

Мында кёргозтюлген алгъыш чыгъармаланы кеслерини энчиликлери бардыла. Сёз ючюн, халкъгъа аталгъан («Малкъар алгъыш»), юйню иесине жоралангъан («Юйде къууанч болса этилген алгъыш», «Бу юйден алгъыш кетмесин») [Алгъышла 1997: 296–298] эм башхала.

Къарачайлыла бла малкъарлыланы жашауда энчи магъаналары болгъан аш-суулары бардыла. Алагъа «жора боза», «ишилик», «жалбауур», «айран» эм башхала саналадыла. Халкъ ала бла байламлы алгъышла къурагъанды. Адетде бола келгенича, тамада къолуна аякъны алып, анда болгъан хант бла быллай алгъышны айтханды:

Жалбауур а тап бишгенди, къызарып,
Келди аллыма, суумайын, тузланып.
Жалбауурну къолгъа алама, къууана,
Сёз айтама, сизни бла жубана.

[Алгъышла 1997: 303].

Биз ангылагъаннга кёре, къарачай-малкъар алгъышланы кёбюсю тойла бла байламлыдыла. Аланы арасында «*Келин келген, кыыз чыкъгъан эм башха иги мурат бла жыйылгъан жерде айтылгъан алгъышла*», «*Келинни юйге кийире туруп айтылгъан алгъышла*», «*Келин келгенде айтылгъан алгъышла*», «*Киеу аякъны кётюргенде айтылгъан алгъышла*» [Алгъышла 1997: 305–310] деген кёлден айтылгъан чыгъармаланы кёрюрге боллукъду.

Сабий туугъаны бла байламлы да кёп тюрлю алгъышла бардыла [Алгъышла 1997: 317–319]. Былайда жангы туугъан жашчыкъгъа аталгъан алгъышладан бирин юлгюге келтирейик:

Бу сабийчик иги жаш болуп, тенглерине
баш болсун,
Атасын, анасын ыразы этген жаш болсун,
Харам ишге боялмасын,
Аман этип, адамладан уялмасын.
Кыйынлыкъдан, аурууладан сакълансын,
Жашауунда халал кыйын ашасын.
Сау ёссиян а бу жашчыгъ` а саламат,
Бир Аллахха болсун жаны аманат!
[Алгъышла 1997: 318].

Ишчилеге аталгъан алгъышланы китапны урунуу бёлюмюнде кёрюрге боллукъду. Ала алай бошдан берилип къалмай, хар ишчиге энчи айтыладыла: жерчилик бла кюрешгенлеге («*Жаз башында сабан тойда айтылгъан алгъыш*»), кийиз усталагъа («*Кийиз ургъанда алгъыш*»), миллет кийимлени тикгенлеге («*Чепкен басханда алгъыш*»), уучулагъа («*Жаш биринчи уугъа барса айтылгъан алгъыш*»), бичен хазырлагъанлагъа («*Биченнге чыкъгъанда алгъыш*») [Алгъышла 1997: 319–324].

Къарачай-малкъар алгъышлада чам-лакъырда да уллу жерни алады. Сёз ючюн, юлгюге быллай кысха алгъышланы келтирирге боллукъду:

«*Бууаз къатын жонгурчхаладан басхыч ишлеп, аны бла кёкге минип, анда эрине кёрпе тон этгинчи, жаша*»; «*Эки бюрче отуннга барып, андан эки юй агъач келтиргинчи, жаша*»; «*Сенгирчке эки къайын кзурукъдан кюрес этип, анга да эки къара чибин жегип, ырандан гебен тюшюрюнчю, къарт болма*» [Алгъышла 1997: 324] эм башхала.

Къарачай-малкъар алгъышланы суратлау энчиликлерине Локъяланы Жаухар бла Ёзденланы Фатима «Алгъыш (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика» [Локъяева, Узденова 2021: 247–259] деген илму ишлеринде «Алгъышла адамланы араларында халны тюзетирге, кючлерге да болушадыла. Ол затла уа къарачай-малкъар халкъны кёлден чыгъармачылыгыны бу жанрыны бюгюнлюкде да айныууна, адабиятха да киргенине себеплик этедиле» дегендиле. Аны хайырындан окъуучу ала бла хар заманда шагъырей болуп тургъанын белгилегендиле.

Башында айтылгъан оюмланы эсге ала, алгъышла битеулей да къарачайлыланы бла малкъарлыланы дунягъа кёз къарамларын ачыкълайдыла. Ала узакъ ёмюрледен бери бир тёлюден башхасына айтыла, жашауну кёп тасхаларына тюшондюргенлей турадыла.

Къарачайлыланы бла малкъарлыланы мажюсюлюкню заманында кзуралгъан кёлден чыгъармачылыкъларында кесича айырмалы «*тилекле*» деген жанрны да энчи магъанасы барды. Алада адам бла табийгъатны терен байламлыкъларын кёрюрге боллукъду. Дуняда болгъан затла, кёп тюрлю ауруулагъа деричи, жанлары болгъанча кёргозтюлюнедиле. Сёзню кючюне базынып, жаныуарланы, хайыуанланы келечилери бла да ушакъ бардырыгъа жарагъанды, бир бирге къажау болмай, мамырлыкъда жашау этерча. Жарсыугъа, ол мажюсюлюк бла

байламлы айтыула кеси заманында тынгылы жазылмагъандыла, аны себепли, аланы санлары алай кѣп тѳюйюлдюле.

«Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле» деген китапха «Эмина киргенде этилген тилек», «Тѳюймек тешген тилек», «Жукъу тилекле», «Тейри! Тейриден тилегим» эм да башхала къошулгъандыла. Аланы барысыны мурдорларын да хыйны-халмашгъа ийнаныулукъ тутады. Бир талай ѳмюрню мындан алгъа Кавказда жашагъан таулуланы «эмина», «халер» дегенча ауруула, бек уллу жаулары болгъандыла. Доктор болушлукъ эм дарманланы болмагъанлары себепли, халкъ мажюсюлюк тилеклени аурууну сыфатына тюзюнлей айланып айтхандыла. Бу фольклор китапны жарашдыргъан адамла билдиргеннге кѳре: «Эмина киргенде, къатынла, сибиртгилени алып, аланы суугъа сугъуп, сибиртгиле бла сууну таргъа айландырып, чачып, былай айтхандыла:

Шуууй, шуууй, аман эмина, келме бери,
Тау башында жюрю сен.
Тау жели сени тенгизлеге кѳмсюн,
Тейринг сени, Кюн Тейриге берип, кюйдюрсюн!
Келме, келме, эмина, шуууй, шуууй,
Желле тарап, кюн къуууруп, гунч болгъунг!
Шуууй, шууулдама,
Аз да, кѳп да бу тарладан къарама!»
[Алгъышла 1997: 326].

«Бу тилекни битеу магъанасы аурууну хорларгъады – аны тохтатыргъа эм ѳчюлтюргеди» [Малкондуев 1996: 28], – дейди белгили фольклорист Малкъондуланы Хамит.

Анга ушаш назму халда къуралгъанды бюртюк аурууну Тейрисине айтылгъан, «Бюртюкден ауругъанда» деген тилек да:

Уммола, уммола келедиле.
Къайдан, къайдан келедиле?
Женгеришден келедиле.
Женгеришни неси бар?
Инжи тизер къызы бар,
Къабан атар улу бар,
Къабан къайдан атылыр?
Къызыл ташадан атылыр.
Къызыллары чыкъмасын,
Бизге ауруу жукъмасын!
[Алгъышла 1997: 326].

Тилек халда айтылгъан сѳзледе, аурууну хорлар ючюн, бир къауум лагъымланы да хайырлангандыла. Сѳз ючюн, адамны ичегилери бла ауругъаны болса, ол заманда жюрюген адетдеча, багъычу, бел бауун алып, аны ауругъанны къарныны юсюнде ары-бери айландыра тургъанлай, быллай сѳзлени айтханды:

Бурундурдунг,
Бурундурдунг,
Бурутма,
Улутма!
Бу жазыкъны къурутма!
Тѳюмегинг тешилсин,
Саулукъ халынг келишсин.
[Алгъышла 1997: 326].

Таулула бек иги билгендиле, толу жукъу адамны саулугъуну мурдору болгъанын. Аны бла байламлы «Жукъу тилекледен» бир талайы сакъланганды. Аланы магъаналары сабийге тынчлыкълы жукъу эм да ариу тюшле кёрюрюн излегендиле. Къартланы хапарларына кёре, жангы туугъан сабийни бешикге салырдан алгъа, биринчиден ары киштикни бёлегендиле. Ол жумушну бардырыргъа эркинлик тукъумда абадан тиширыугъа берилгенди. Аны бла бирге ол гитче жаныуарчыкългъа айланып, тюш бла байламлы быллай сёзлени айтханды:

Сени кибик жукъучу болсун,
Сени жукъунг анга болсун,
Кёзлери сени кибик жютю болсун,
Жашау кюню жетили-жетили болсун, –
дегендиле.

Сора сабийни андан сора бёлегендиле.
[Алгъышла 1997: 327].

Биз башында сагъыннган китапда жыланлагъа аталгъан бёлум беш тилекден къуралгъанды. Аладан бир тилекни былайда юлгюге келтирейик:

Уф жилин, куф жилин,
Тешигинге кир, жилин,
Тешигинден чыкъ, жилин.
Мен санга хата этмейме,
Сен да манга хата этме.
Созулмуч созгъун, жилин.
Созгъур, созгъур, созулгъун,
Уусуз болуп, сызгъыргъын,
Берген ууунгу бу харипден алдыргъын.
Уфу жилин, къуфу жилин,
Къуф жилин.

[Алгъышла 1997: 328].

Бу тизгинле адам бла сюркелип жюрюген жилинны арасында халла тынч болмагъанларын кёргюзтедиле. Адам жилиннга кёп тюрлю кёзден къарайды: андан къоркъады, жал барады, жалынады, тилейди, къыйынлыкъл жетерге боллугъун эсге алады, къаргъыш этеди.

Былайда айтыргъа кереклиси, мажюсюлюкню заманында къарачай-малкъар тилекледе кёп тюрлю суратлау-ачыкъллау мадарланы кёрюрге боллукълду, аланы санында тенглешдириуле, къайтарыула, семиртиуле эмда башхала. Ала бла бирге тауушну ушашлыгълын, эриклеу сёзню хайырланылгъланын да эслерчады (*шуууай, куф, Иршиги, Хумашики, Хашики*). Андан сора, эски сёзле да аслам халда тюбейдиле. Бюгюнлюкде аланы магъаналарын ачыкъллагъан алай тынч иш болмаз.

Тюшлени юсюнден айтылгълан бештизгинде уа жети кере «ж» таууш тюбейди. Ол къарачай-малкъар тилде «жукъу» деген сёз бла байламлыды.

Жукълла, бала, жукъу санга
Жукъу ананг бла ананг тилейди,
Женгериш деп уммо сютюн иеди.
Жукъу ананг жукълла дейди ийнандан,
Жер иеси келмесин санга къур ормандан.

[Алгъышла 1997: 327].

«*Ырысла*» деген ангылам дуняны башында кёп халкълада тюбейди. Узакъл ёмюрледен бери бир къауум адамны насыбы тутмай, абыныргъа тюшюп, аны

амалтын ала бирер тюрлю кыйынлыкыгъа, жарсыугъа жолугъа келгендиле. Аллай жарсыулу жашау сынам, халкыны эсинде сакъланып, аз-аздан ол ырысха айланып калганды.

«Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле» деген китапда Шимал Кавказда жашагъан таулуну жашаууну кеп тюрлю чагъы бла байламлы кыркы ырыс берилгенди.

Алай бла мында жазылгъан «ырыслагъа» кере, миллетни эсинде жангы туууарык инсанына, ол туугъунчусуна дери да, уллу сакълык болгъаны ачыкъланады, Терен сакълыкыгъа чакъырыуну, этилмезге керекли ишледе керебиз. Ол да сылтаулары болгъан тиширыула бла байламлыды. Алада былай айтыладыла: «Бууз къатын къояннга сейир этип къараса, айрыерин сабий табады» [«Алгышла 1997: 330]. Башха тюрлюсюнде уа: «Бууз къатын ертеннге кьоркъуп, не сейир этип къараса, сабийни бир жери тамгъа болады» [Алгышла 1997: 330].

Сакълык жангы туууарык сабийни атасына да буюрулганды. «Къатыныны аурулугъу болгъан эркиши къабыр къазса, сабийи кыяулу тууады» [Алгышла 1997: 332] Алай бла анга елген адамгъа къабыр къазаргъа жарамганды, ол алай этсе, аны сабийи сакъат тууаргъа боллукъ эди.

Сабий туугъандан сора да, абаданла неда этип, аны тынчлыгын бузмазгъа кюрешгендиле. Аны жукъусу иги, битеулей кьоркъуусулукъда болурча, кеп тюрлю хыйны-халмаша саналгъан ийнаныуланы хайырлангандыла. Сёз ючюн, аны атасы бла анасы бешигини тешек тюбюне: «Сабий бешикде элгенмез ючюн, бёрю тиш салып болгандыла» дейдиле [Алгышла 1997: 331].

Гитчеликден окъуна абаданла сабийге от бла ойнаргъа кьоймагандыла. Бара барып ол, билмей тургъанлай, бир жерде от тюшюрмез ючюн, халкыны оюму быллай ышанны къураганды: «Сабий кьолуна кесеу баш алып, тегерек айланса, анга тюпсий боллукъса дегендиле. Сабийни от бла ойнамазгъа юйретгендиле» [Алгышла 1997: 331].

Аны бла бирге ауругъанны саулугъуна себеплик этер ючюн да, кеп тюрлю хыйны-халмаш ишле бардыргандыла. Аланы санында: «Кёзю ауругъаннга эшек къан сюртселе, иги болады»; «Кёзюне акъ тюшсе, тиширыу сют бла жуудурадыла» дегендиле [Алгышла 1997: 330].

Кавказны бурунгулу таулуларыны ышанларында ауругъан адамны юйюрюне ачыулу адамны келгени, ауругъанны халын андан да аман этерге боллукъду деп ийнангандыла. Аны себепли, ол кюйсюзлюкден сакъланыр ючюн, босагъаны тюбюнде не болса да бир темир затны букъдургандыла: «Таякъсынган (ауругъан) адам, юйге аман адам келсе, тюрленген этеди. Алай болмаз ючюн, босагъа тюбюне темир саладыла» [Алгышла 1997: 330]. Жашауда болгъан кеп тюрлю ишлени чурумларын да ангыларгъа кюрешгендиле: «Бичакъны бурну ёрге айланса – мал ёледи», «Бетинг кичисе, жилигъан этесе», «Эки адамны ортасы бла от ётдюрген аманлыкъ жоралайды», «Кечегиде юй тюбюн сыйпаргъа жарамайды», «Гура терекге кьонса, кыш къаты болады», «Тауукъ кьумда жууунса – кюн бузулады» [Алгышла 1997: 330–332].

Къарачай-малкъар халкъ «онг жаны» бла «сол жанына» да уллу магъана бергенди. «Онг жаны» бек игиге саналганды, «сол жаны» уа, аманнга. Аланы юслеринден быллай ырыслада кёрюрге боллукъду: «Бурнунгу онг жаны кичисе, суйген адамынг келир, сол жаны кичисе, суймеген адамынг келир», «Онг кьулакъ чуулдаса – иги хапар, сол – аман хапар», «Кишитик онг аягъы бла бетин жууса – кюн иги болады» [Алгышла 1997: 332].

Кёлденчыгъармачылыкыны тарыхындатинтиу-излемишлеболдургъандан сора, ырысланы кёбюсю хар кюнлюк жашаудан кете барадыла. Алай болгъанлыкыгъа, аланы бир къаууму бюгюн да жюрютюледиле. Бусагъатда «ёлмюсюз ырысладан» бири, чючюрген адамны сыртындан кьагъаргъа кереклисиди: «Ёлген адамны

юсюнден айта тургъанлай, адам чючкюрсе, чючкюргенни аркъасындан къагъадыла» [Алгъышла 1997: 332]. Адетдеча, сыртындан къакъгъандан сора да, аны жанында болгъан адамладан бири: «Ол бери къайтхынчы, сен ары барма» дерге керекди.

Аны бла бирге таулула ыйыкъны ичинде болгъан кюнлеге да, бирер тюрлю кёзден къарайдыла. Аланы арасында да «насыплылары» бла «насыпсызлары» бардыла. Алайды да, геуюрге кюн насыпсыз кюннге саналады. Бу кюнде адамла узакъ жолгъа атланыргъа, уллу ишни башларгъа ашыкъмагъандыла. «Бурун ыйыкъны кюнлеринде жолгъа чыгъаргъа жарашханы, жарашмагъаны болгъанды. Кёп тукъумла геуюрге кюн жолгъа чыкъмагъандыла» [Алгъышла 1997: 331].

Халкъда жюрютюлген белгили ырысланы, энчилери да бардыла. Аланы халкъны бир тукъумуну келечилери тутадыла. Сёз ючюн, бу китапта былай айтылады: «Биттирланы ырыслары: малны онг жан сюегин кемирирге жарамайды, тукъум тап анга ушагъаны себепли» [Алгъышла 1997: 332].

Былайда чертирге кереклиси: къарачай-малкъар фольклорда болгъан алгъышланы, тилеклени, ырысланы энчиликлерин эсге алып, алагъа тийишлисича илму кёзден къаралгъаны, халкъны узакъ ёмюрлени мындан алгъа жашау халын, дунягъа кёз къарамын ачыкъларгъа себеплик этеди.

Хайырланылгъан ишлени тизмеси Список источников

Хаджиева 1988 – *Хаджиева Т.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары (нарт эпос, миф эм жашау-турмуш поэзия) (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев. Нартский эпос. Мифологическая и обрядовая поэзия). Сост., вступит. ст. Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.

Башиева 2015 – *Башиева С.* Благопожелание как лингвокультурный феномен // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008). 24–26 октября 2014 года. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. 732 с.

Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки) 1997 – *Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле.* Къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ Педколледжни окууучуларына. Китапны хазырлагъанла: Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки. Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору. Для студентов педколледжа. Составители: Биттирова Т.Ш., Габаева А.Б.). Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.

Локъяева, Узденова 2021 – *Локъяева Ж., Узденова Ф.* Алгъыш (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика // Кавказология. 2021. № 3. 2021. С. 247–259.

Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. 272 с.

References

HADZHIEVA T. *Malk»arlylany bla k»arachajlylany halk» poeziya chyg»armachylyk»lary (nart epos, mif em zhashau-turmush poeziya) (Narodnoe poeticheskoe tvorchestvo balkarcev i karachaevecev. Nartskij epos. Mifologicheskaya i obryadovaya poeziya)* [Folk poetry of the Balkars and Karachais. Nart epic. Mythological and ritual poetry]. Sost., vstupit. st. T.M. Hadzhievoy. Nal'chik: El'brus, 1988. 304 p. (in Karachay-Balkarian).

BASHIEVA S. *Blagopozhelanie kak lingvokul'turnyj fenomen* [Well-wishing as a linguocultural phenomenon]. IN: Nacional'nye obrazy mira v hudozhestvennoj kul'ture. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 85-letiju so dnja rozhdenija literaturoveda, filosofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929–2008). [National images of the world in artistic culture. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the

85th anniversary of the literary critic, philosopher, culturologist G.D. Gacheva (1929–2008). October 24–26, 2014]. 24–26 oktjabrja 2014 goda. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh (ООО «Poligrafservis i T»), 2015. 732 p. (in Russian)

Alg'yshla, nart tauruhla, zhomak''la, zhyrla, elberle (Pozhelaniya, legendy o nartah, skazki, pesni, zagadki) [Wishes, legends about narts, fairy tales, songs, riddles]. Hrestomatiya po karachaevo-balkarskomu fol'kloru. Dlya studentov pedkolledzha. Sostaviteli: Bittirova T.SH., Gabaeva A.B. Nal'chik: Jel'brus, 1997. 344 p. (in Karachay-Balkarian).

LOK''YAEVA ZH., UZDENOVA F. Alg'ysh (blagopozhelanie) v fol'klore i literature karachaevev i balkarcev: specifika zhanra, taksonomiya, poetika [Algys (good wishes) in the folklore and literature of the Karachays and Balkars: the specifics of the genre, taxonomy, poetics]. IN: Kavkazologiya 2021. №3. 2021. P. 247–259. (in Karachay-Balkarian).

MALKONDUEV H. *Obrjadovo-mifologicheskaja poezija balkarcev i karachaevev*. [Ritual and mythological poetry of the Balkars and Karachais]. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa», 1996. 272 p. (in Russian)

Авторну юсюнден информация

Берберланы Б.А. – филология илмуланы доктору, кьарачай-малкьар фольклор бёлюмню таматасы.

Информация об авторе

Б.А. Берберов – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора.

Information about the authors

B.A. Berberov – Doctor of Science (Philology), Head of the Sektor of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 15.11. 2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-147-155

СЮЖЕТ АТ 302 «МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ДУШИ АНТАГОНИСТА ГЕРОЯ» В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются конкретные формы реализации сюжета АТ 302 («Местонахождение души антагониста героя») в адыгском фольклоре – в сказках, архаическом нартском и историко-героическом эпосах. К анализу привлекаются также сказки и сказания, основанные на сюжете АТ 516В («Похищение женщины»). Для сравнения приводятся материалы из фольклора других народов, в частности, из сказок восточных славян. Как известно, в отечественной и зарубежной фольклористике эти два сюжета неоднократно становились предметом пристального изучения ученых. Отдельные мотивы и элементы были охарактеризованы также в трудах адыгских фольклористов. Вместе с тем, до настоящего времени не существует специальных работ, где детально изучаются все основные формы объективации данных сюжетов. Этим обстоятельством обосновывается актуальность настоящего исследования. В статье особое внимание обращается на место мотивов «бестелесной души» и «уязвимости героя» в композиционной структуре названных сюжетов и на их роль в создании единого цельного повествовательного произведения.

Ключевые слова: сюжет АТ 302, кашеева смерть в яйце, мотив бестелесной души, мотив неуязвимости героя, нартский эпос, историко-героический эпос, сказка

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Сюжет АТ 302 «Местонахождение души антагониста героя» в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 147–155. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-147-155

Original article

THE PLOT OF AT 302 «THE LOCATION OF THE SOUL OF THE HERO'S ANTAGONIST» IN THE ADYG EPIC

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© M.F. Bukhurov, 2022

Abstract. The article discusses specific forms of realization of the plot AT 302 (“The location of the soul of the hero’s antagonist”) in Adyg folklore – in fairy tales, archaic Nart and historical-heroic epics. The analysis also involves fairy tales and legends based on the plot AT 516B (“The Abduction of a Woman”). For comparison, materials from the

folklore of other peoples are given, in particular, from the tales of the Eastern Slavs. As is known, in domestic and foreign folkloristics, these two plots have repeatedly become the subject of close study by scientists. Separate motifs and elements were also characterized in the works of Adyg folklorists. At the same time, until now there are no special works where all the main forms of objectification of these plots are studied in detail. This circumstance substantiates the relevance of this study. In the article, special attention is drawn to the place of the motifs of the “incorporeal soul” and “vulnerability of the hero” in the compositional structure of these plots and their role in creating a single integral narrative work.

Keywords: plot AT 302, Kashcheev’s death in an egg, motif of an incorporeal soul, motif of the hero’s invulnerability, Nart epic, historical and heroic epic, fairy tale

For citation: Bukhurov M.F. The plot of AT 302 “The location of the soul of the hero’s antagonist” in the Adyg epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 147–155. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-147-155

Как известно, в сказочном эпосе многих народов ведущее место принадлежит сюжету AT 302 [Thompson 1961]. Для обозначения данного сюжета ученые пользуются различными терминами. В частности, в указателях восточнославянской и осетинской сказок он зафиксирован под названием «*Кашеева смерть в яйце*» [Сравнительный указатель... 1979; Сокаева 2004], грузинские – «*Местонахождение души дэва*» [Курдованидзе 1977], калмыцких – «*Место внешней души противника*» [Надбитова], адыгских – «*Местонахождение души антагониста героя*» [Алиева 2019: 376–420; Сравнительный указатель... 2018]. В сказках на этот сюжет, в зависимости от их этнической принадлежности, в качестве отрицательного героя фигурируют различные мифологические персонажи с различными именами. Так, например, в восточнославянской волшебной сказке таким героем является Кашей (Кощей) Бессмертный.

Судя по существующим в настоящее время научным трудам, образ Кашея, несмотря на то, что его имя имеет тюркское происхождение (от слова *Košči* – «шленник»; заимствовано в период ранних славяно-тюркских связей), сформировался в восточнославянской мифологии. Он – злой чародей, и его смерть спрятана «в нескольких вложенных друг в друга волшебных животных и предметах» [Мифы народов мира 1994а: 629]. Другими словами, этот персонаж оказывается бессмертным, потому что его душа хранится далеко в потаенном месте. Появление в фольклоре данного мотива, т.е. мотива «бестелесной души», ученые связывают с мифологическими представлениями древних людей.

Как отмечал Дж.Дж. Фрэзер, «первобытный человек из соображений безопасности извлекает душу из тела и прячет ее в какое-нибудь уютное местечко, в надежде вернуть ее обратно, когда минует опасность. Если ему удастся отыскать для души абсолютно безопасное место, он может пойти на то, чтобы оставить ее там на постоянное хранение. Преимущество в данном случае заключается в том, что пока душа пребывает в безопасности, самому человеку гарантировано бессмертие: ведь его жизнь пребывает вне тела и ничто не в силах ее разрушить» [Фрэзер 1984: 623–624]. Как свидетельствуют труды ученого, в исторической действительности для этой цели совершались различные обряды, и в качестве доказательства он приводит следующее: «Когда у даяков из Пиноз, области на юго-востоке острова Борнео, рождается ребенок, они посылают за знахарем, который с помощью заклинаний загоняет душу младенца в половинку кокосового ореха. Орех этот он накрывает тряпкой и кладет на большое плоское блюдо квадратной формы, подвешенное на веревках к крыше дома. В течение года он повторяет этот ритуал во время каждого новолуния» [Фрэзер 1984: 634]. По мнению исследователя, смысл данного обряда заключается в том, чтобы поместить душу новорожденного в сосуд более прочный, чем его собственное хрупкое тельце. Это позволяет сказать, что образ персонажа, обладающий подобными свойствами, восходит к глубокой древности.

В сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок этому сюжету дается следующая формулировка: «302₁ *Смерть Кашея в яйце*: герой при содействии помощников (благодарных животных) находит себе невесту (ср.: 554); ее похищает Кашей; добыв Кашееву смерть в спрятанном яйце, герой освобождает свою нареченную» [Сравнительный указатель... 1979: 107–108].

В адыгской устной традиции образ Кашея отсутствует, но сам сюжет является типичным для некоторых его жанров, и это в очередной раз подтверждает мнение Н.В. Новикова о том, что имя Кашея Бессмертного «в сказочной традиции других народов, в том числе южных и западных славян не встречается, хотя сам сюжет сказки носит международный характер...» [Новиков 1974: 217]. В данном случае следует вспомнить основную функцию Кашея в сказках – это похищение женщин. В этом плане функционально ему близки такие мифологические персонажи адыгского фольклора как иныж (великан), мазытл (букв.: лесной человек) и зооантропоморфный Еминеж. В композиционной структуре сюжета не менее важна и роль похищенной им девушки (женщины): она выпытывает у Кашея где скрыта его смерть, передает тайну спасителю, который добывает смерть Кашея и побеждает его, в результате герой добывается руки девушки, она же ему в этом помогает.

В восточнославянской сказке местонахождение души или силы антагониста характеризуется следующим образом: «На море на окиане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, а в яйце моя смерть» [Новиков 1974: 217]. В адыгском фольклоре во многих случаях выявляется связь души антагониста с деревом. «...Сэ спсэ зыхэлъэр типчэIупэ чыгэу шытэр ары» – «Моя душа спрятана в дереве, которое стоит у входа <нашего дома>» – так говоря, иныж обманывает девушку, например, в сказании «Саусырыкъо гъэжъо чылапхъэр натымэ кызырафихъыжыгыгагъэр» («Как Сосырыко вернул нартам семена <проса>»), однако, как оказалось на самом деле, смерть иныжа была связана с его трехногим вороным коне [Нартхэр... 2002: 39–44]. Волшебные сказки на этот сюжет в устном народном творчестве адыгов известны под названием «Къарэлякъуищ» («Трехногий вороной <конь>») [Адыгэ таурыхъэр... 2018: 72–78, 79–89]. Иныж (Еминеж) похищает девушку (в вариантах – семена проса нартов); герой отправляется на ее поиски, находит, но не может освободить ее: он не в силах одолеть похитителя, так как душа и магическая сила последнего связаны с его чудесным трехногим вороным конем, который он получил от старушки Нашгушидзы (старуха с железными зубами и с огромными перекинутыми через плечо грудями; предсказательница, по некоторым вариантам – людоедка; типологически близка восточнославянской Бабе-Яге), живущей между двумя морями. Девушка узнает об этом и сообщает герою. Герой отправляется к Нашгушидзе, при помощи благодарных животных и птиц выполняет поставленные ею «трудные задачи», получает такого же (или же еще более мощного) коня, благодаря которому богатырь побеждает иныжа (Еминежа) и освобождает девушку. Как видно, в адыгских сказках выявляются те же выделенные Н.В. Новиковым черты, характерные для восточнославянских волшебных сказок на сюжет АТ 302: 1) героиня выпытывает у Кашея тайну его смерти; 2) герой идет за смертью и на пути щадит животных; 3) животные помогают ему добыть яйцо; 4) Кашей занемогает [Новиков 1974: 194]. Разница в том, что если в восточнославянском сказочном эпосе смерть антагониста связана с чудесным яйцом, то в адыгском – это конь. Составители вышеупомянутого указателя сюжетов восточнославянских сказок в отдельную группу объединяют сказочные повествования, где антагонист погибает от собственного коня (см.: СУС 302₂ *Смерть Кашея от коня*). Как было отмечено выше, в каталогах, составленных по мотивам адыгских сказок, они зафиксированы под общим номером АТ 302 под названием *Местонахождение души антагониста героя*. Однако, как показывает анализ нашего материала, форма воплощения мотива добывания чудесного коня героем адыгских сказок близка

определению сюжета СУС 302₂. По справедливому замечанию Н.В. Новикова, перед центральным персонажем восточнославянской сказки «стоит задача достать такого коня, который не только не уступал бы кашееву коню, но и превосходил бы его по силе и скорости» [Новиков 1974: 215], что мы и наблюдаем в сказочном эпосе адыгов. Как правило, здесь функцию дарителя выполняет Баба-Яга, а в адыгских сказках – Нащгушидза. Чтобы получить такого коня, герой должен пасти и сохранить ее табун чудесных кобылиц, и, благодаря благодарным животным, он справляется с этой «трудной задачей». В финале сказки во время погони конь иныжа или Еминежа (в восточнославянской сказке – Кашея) сбрасывает своего хозяина, и тот погибает.

Сюжет СУС 302₂ *Смерть Кашея от коня* встречается также в архаическом нартском эпосе адыгов. На нем основано, например, сказание, посвященное женитьбе Орзамеса на Псатын-гуаще: Архон Архож похищает Псатын-гуащу; Орзамес отправляется на поиски нартской девушки, чтобы освободить ее из плена и жениться на ней; однако не может одолеть Архон Архожа, так как его сила и душа были заключены в чудесном коне от кобылицы, которая принадлежала уд-ведьме Кухарене. Об этом узнает Псатын-гуаща и рассказывает Орзамесу; Орзамес добывает такого же коня и, благодаря ему побеждает антагониста и женится на девушке (см.: «Нарт Мыгъэззщкьо Орзэмэсы Псэтын-гуащэ къызэришагъэр» – «Как сын Мыгазеша Орзамес женился на Псатын-гуаще [Нартхэр... 2017: 59–78]).

Часто в адыгском фольклоре местонахождением души и силы антагониста является его же меч. Так, по многочисленным вариантам сказания о добывании огня Сосруко, иныж является бессмертным, потому что его смерть заключена в мече. Герой отправляется к иныжу, чтобы добыть огонь. Поняв, что в поединке не одолеет его, он решает пойти на хитрость: обманом он вмораживает его в море. Однако, перед тем как ударить его, иныж сообщает ему о своей тайне. Как оказывается, его можно убить только его же мечом. Помимо этого, он предлагает Сосруко, когда он умрет, выдернуть из его шеи жилу и обвязаться ею как поясом, чтобы якобы она прибавила нарту силы. Иныж надеялся, что и меч, и жила из его шеи убьют Сосруко. Но герой оказался умнее, и он побеждает иныжа [Нартхэр... 2012: 307–311]. По замечанию А.И. Алиевой, сюжет встречается в фольклоре кавказских и ближневосточных народов, и он зафиксирован в указателе типов турецких сказок Эберхарта-Боратава (Eb-Bo) [Eberhard, Boratav 1953] под номером 257-III: Герой сражается с великаном, вмораживает его в море. Перед смертью враг предлагает герою, после того как последний убьет его, обернуться его кишкой. Герой бросает кишку на огромное дерево – и оно падает, перерезанное пополам [Алиева 2019: 398].

Как известно, на художественную систему историко-героического эпоса огромное влияние оказали более древние жанры адыгского фольклора. Как отмечает А.М. Гутов, «циклы и песни историко-героического эпоса или имеют непосредственные параллели с действительностью, практически поддающиеся атрибуции, или же по своей природе ориентированы на такую возможность» [Гутов 2000: 5]. Однако, несмотря на это, он нередко использует некоторые сказочные стереотипы, каковым является, например, рассматриваемый сюжет АТ 302. Так, в цикле о братьях Ешаноко, например, функцию антагониста выполняет обыкновенный человек – *Куйцукоко Дагуж*, но наделенный чертами вышеупомянутых мифологических персонажей – иныжа, мезитла, Еминежа. Он тоже неуязвим, потому что его смерть скрыта в его же мече: герой, чтобы одержать победу, должен ударить его им же. При этом его можно поразить в тот момент, когда он крепко спит, и это определяется тем, что из его ноздрей начнет вырываться пламя. Куйцукоко Дагуж обладает и другим необычным свойством – герой отрубает ему голову, но он еще какое-то время сражается с ним. Обо всем этом знает похищенная им девушка и сообщает герою – отцу братьев Ешаноко Атабию, и тот побеждает его, освобождает девушку и женится на ней [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1969: 78–80].

Для нашего исследования интерес представляет также сюжет АТ 516В «Похищение женщины», который имеет широкое распространение в адыгском фольклоре. По определению А.И. Алиевой, в сказках на этот сюжет «герой в поисках невесты встречает Сына Солнца, Сына Луны и Сына Реки, добывает им по жене, оставляет каждому из них по стреле. Когда стрелы покрываются кровью, друзья узнают о судьбе героя и спешат ему на помощь. Получив в жены красавицу, герой против ее воли пускает в дом бедную старушку – ею обернулась старуха Цеунеж, сто сыновей которой убил герой. Задумав отомстить за смерть своих детей, Цеунеж подговаривает жену героя выведать у мужа местонахождение его души и губит его. Узнав о беде друга, Сын Солнца, Сын Луны и Сын Реки приходят на помощь герою» [Алиева 2019: 389]. Как видно, здесь чудесным свойством обладает не антагонист, а центральный персонаж, при этом во многих случаях его смерть заключена в каком-нибудь предмете, а в других – в его собственном теле, но в определенном месте, и чаще всего это волосы, и этому есть свое объяснение. Как считает В.Я. Пропп, «волосы считались местонахождением души или магической силы. Потерять волосы означало потерять силу» [Пропп 1986: 41]. Мотив, основанный на этих представлениях, встречается в фольклоре многих народов мира. Например, сила Самсона обрелась в его волосах. Филистимлянка Далила трижды пытается выведать у Самсона местонахождение его силы, но герой «трижды обманывает ее, говоря, что он станет бессильным, если его свяжут семью сырыми тетивами, или опутают новыми веревками, или воткнут его волосы в ткань». Наконец, Самсон открывает свою тайну Далиле, она сообщает это филистимлянам, те остригают волосы спящего Самсона, и сила отступает от него [Мифы народов мира 1994b: 402–404].

В адыгской богатырской сказке «Мыхьэмэтищ» («Три магомета») [ФАИ-ГИКБНЦРАН: Инв. № 1037] герой, возвращаясь из похода домой, по дороге встречает старушку-уд. Она выдает себя за бездомную бедную старушку, и герой жалеет ее и берет с собой. Таким образом она обманом проникает в дом героя, чтобы узнать, где скрыта душа богатыря. Старушка-уд подговаривает его жену выведать у мужа местонахождение его души. От нее она узнает, что душа Магомета, сына князя, находится в клочке его волос. Однажды, когда он спал, старушка-уд заходит к нему и начинает искать этот пучок волос, находит, выдергивает, и он умирает. Потом она обманом увозит его жену к князю [Бухуров 2015: 103]. Как видно, герой этой сказки неуязвим, потому что его душа и сила заключены в клочке волос на его голове, если он потеряет его, тут же погибнет. В сказке «И насыпыр теклуащ...» («Победило его счастье...») [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. Папка № 6-д. Паспорт № 2] душа героя-богатыря хранится в колечке. Старушка-ведьма обманывает и уговаривает его жену, чтобы она выведала тайну своего мужа. Жена узнает об этом, передает это старушке, и та, незаметно сняв кольцо с пальца богатыря, губит его. В обеих сказках на помощь богатырям приходят друзья или братья (Сын Солнца, Сын Луны) и возвращают их к жизни.

В адыгском героическом эпосе подобные элементы являются типичными, и они встречаются еще в его ранних циклах. Так, согласно сказаниям об Амыше (покровитель овцеводства), он ходил по лесу, ловил обитающих там животных, приручал и отдавал людям. Так он подарил им лошадь, быка, коров, овец, коз и др. [Нартхэр... 2012: 61]. Как говорится в сказании «Нартхэ я мэльхуэжь Амыш и лэжыклар» («Как умер могучий чабан нартов Амыш») [Нартхэр... 2012: 67–68], однажды, когда Амыш пас своих овец, он заметил, как ветер колышет бороду у его могучего (головного) козла, что стоял на вершине горы. Увидев это, он тут же собрал свое стадо, погнал домой и по пути стал раздавать людям. Свой поступок Амыш объяснил тем, что до этого случая он никогда не видел, чтобы ветер мог колыхнуть бороду козла, и это он посчитал знаком о приближении своей смерти. После этого Амыш умирает. Как видно, здесь наблюдается связь души покровителя овцеводства Амыша с его могучим козлом.

Следы древнего мировоззрения о независимом существовании души и тела можно обнаружить в мифологических сказаниях о Тлепше (в адыгской мифологии бог кузнечного ремесла). В сказании «Лъэпшыгъы идьшгъэ кЫун» («Золотой клад Тлепша») [Нартхэр... 2012: 107–109] отражено представление о том, что душа человека может на время сна покинуть тело в облике мухи и другого насекомого. Тлепш, устав от тяжелого труда, засыпает. Его внук Хотхошдамир видит, как из его ноздри выползает какая-то муха. Тлепш спит спокойно и дышит свободно, пока муха без препятствий ползает по кузнице. Однако на обратном пути, когда Хотхошдамир преградил ему путь, сон Тлепша становится беспокойным. Мальчик замечает, что между той мухой и сном Тлепша есть какая-то связь, освобождает путь, и муха обратно вползает в ноздрю Тлепша. Как оказалось, во время сна душа покинула тело Тлепша в облике мухи и отправилась в пещеру, где находился клад золота. В финале сказания, внук, после смерти Тлепша, добывает этот клад.

Как известно, сюжет о рождении Сосруко относится к числу самых распространенных во всем эпосе. Тлепш раскалывает камень и оттуда достает младенца. Он пылал подобно горящему углю. Тлепш берет его клещами за колени и опускает в воду. Все его тело становится стальным, а колени остаются плотью [Нартхэр... 2012: 182]. В сюжете о гибели этого персонажа враги ищут способ, каким можно было бы убить его самого и его коня. Они обращаются к одной женщине-уд и просят ее, чтобы она разведала им уязвимое место Сосруко. Его мать Сатаней была предсказательницей. Узнав о намерениях нартов, она предупреждает сына, чтобы он не подбирал хоть что-либо, лежащее на дороге. Старуха становится на дороге и перевоплощается в шлем. Сосруко подбирает его. В это время он и его конь рассказывают друг другу о своих тайнах: уязвимым местом у Сосруко были колени, а у его коня Тхожея – подошвы копыт. Женщина-уд, услышав это, сообщает нартам. Нарты, узнав об этом, пускают жан-шерх с Харама-горы и предлагают Сосруко ударить коленом, и жан-шерх отсекает ему ноги, а коня заставляют скакать по камням. Так враги убивают Сосруко и его коня [Нартхэр... 2012: 354–376].

Мотив неуязвимости героя распространен и в цикле о нарте Батразе. Например, чтобы убить его отца Хымыша, нарты, по совету Усарэж (колдунья), должны поступить следующим образом: «Убить Хымыша можно так. У него в обычае азартно играть в пхачен. Когда наиграются в пхачен, он часто засыпает на бревне. Если вы его тогда привяжете к бревну, и когда на виду у воспитавшей его матери поразите его, стрела войдет в его плоть. Вы поднимете в той местности большой шум-гам. Когда тревога дойдет до его воспитавшей матери, она встревожится и прибежит на шум-гам. Когда и Хымыш проснется, увидев, что привязан к бревну, он поймет, что ничего хорошего во всем этом нет, и направится к воспитавшей его матери. Если вы поразите его в тот миг, когда воспитавшая мать и он сам видят друг-друга глаза в глаза, он будет уязвим, и ваше намерение исполнится, – так она сказала» [Нартхэр... 2017: 149–150]. Подобная форма объективации данного мотива встречается и в одном из вариантов сказания о гибели самого Батраза [Нартхэр... 2017: 277–279].

Также следует заметить, что некоторые персонажи историко-героического эпоса наделяются такими свойствами: «Андемыркъан и шым тесу, и Иэщэр иЫгыгу дэ тхуэукЫнукъым, ауэ ар дукЫн папщІэ и шым темысу, и Иэщэр имыЫгыгу кытпэщІэхуэн хуей, – жиІэри <Чэртыпщым>» – «Пока Андемиркан будет на своем коне и со своим оружием, мы его не одолеем. Но чтобы мы могли его убить, нам нужно застать его без его коня и оружия, – <сообщил Чертипш князьям>» – говорится в одном из сказаний об Андемиркане [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2019: 166–169]. Враги заставляют друга Андемиркана Канибулата вывести его к ним так, чтобы он не был на своем коне и не имел бы при себе своего меча. Канибулат обманом выводит героя в чистое поле без боевого коня и оружия, и враги убивают его.

Проведенные наблюдения позволяют считать, что сюжеты АТ 302 («Местонахождение души антагониста героя») и АТ 516В («Похищение женщины») получили широкое распространение в волшебных и богатырских сказках, нартском и историко-героическом эпосах адыгов. Их основные мотивы восходят к мифологическим представлениям древних людей. Однако эти архаические элементы подчинены художественным целям. По справедливому замечанию А.М. Гутова, «... выдающийся герой должен был быть выделен из общей среды соответствующими свойствами: необычайной силой, необычайно быстрым ростом, необычайно ранним проявлением каких-то достоинств, а также необычностью самого рождения» [Гутов 2009: 28]. В приведенных примерах центральный герой обладает чудесным свойством – его смерть заключена в определенном месте, и этим он выделяется «из общей среды». Подобным свойством наделяется и его антагонист, и тем самым создатели фольклора возвеличивают мужество и подвиги героя.

Список источников

Адыгэ таурыхъхэр... 2018 – *Адыгэ таурыхъхэр*. ТомитІу. 2 т.: Телъыджей таурыхъхэр / зэхэз. Тхъэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыльхэр тедзэным шыухагъэхъзыр къудамэ, 2018. Н. 592 (Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 592 с.).

Адыгэ ІуэрыІуатэхэр 1969 – *Адыгэ ІуэрыІуатэхэр*. ТомитІу. 2 т. / зэхэз. КъардэнгъушІ 3.ПІ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1969. Н. 285 (Адыгский фольклор. В 2-х т. Т. 2 / сост. 3.П. Кардангушев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1969. 285 с.).

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика (серия ИМЛИ РАН «Фольклор»). М.: ИМЛИ, 2019. 736 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4.

АИГИКБНЦРАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

Бухуров 2015 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 160 с.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 219 с.

Курдованидзе 1977 – *Курдованидзе Т.Д.* Сюжеты и мотивы грузинских волшебных сказок (Систематический указатель по Аарне-Томпсону) // Литературные взаимосвязи. Тбилиси, 1977. С. 240–263. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kurdovandize.htm> (дата обращения: 13.12.2022).

Мифы народов мира 1994а – *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. 671 с.

Мифы народов мира 1994б – *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. 719 с.

Надбитова – *Надбитова И.С.* Указатель сюжетов калмыцких волшебных сказок. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/nadbitova1.htm> (дата обращения: 10.12.2022).

Нартхэр... 2002 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Томиблу. 2 т. / зэхэз. ХъэдэгъэлІэ Аскэр. Мыекъуапэ: ГУРИПП «Адыгея», 2002. Н. 300 (Нарты. Адыгский эпос. В 7 томах. Т. 2 / сост. Аскер Гадагатль. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. С. 300).

Нартхэр... 2012 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. ТомипІу. 1 т.: Эпосым и ублапІэ лъэхъэнэ. Сосрыкъуэ / Гъут І.М. и ред. Налшык: ООО «Тетраграф», 2012. Н. 424 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 1: Ранние циклы эпоса. Сосруко / под ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.).

Нартхэр... 2017 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. ТомипІу. 2 т.: Уэзырмэс. Батрээз. Ашэмэз / ред. нэхъ. Гъут І.М. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. Н. 468 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 2: Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН,

2017. 468 с.). URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).

Новиков 1974 – *Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1974. 256 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 366 с.

Сокаева 2004 – *Сокаева Д.В.* Указатель осетинских волшебных сказок по системе Аарне-Андерсева. Владикавказ, 2004. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/sokaeva1.htm> (дата обращения: 10.12.2022).

Сравнительный указатель... 2018 – *Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона* / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // *Адыгэ таурыххэр*. Томитлу. 2 т.: Тельдыджей таурыххэр / зэхэз. Тхьэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным шыухагъэхьэзыр къудамэ, 2018. Н. 553–588 (Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 553–588).

Сравнительный указатель... 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка* / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Тхыдэр зи лъабжэ... 2019 – *Тхыдэр зи лъабжэ адыгэ уэрэдыжыхэмрэ хьыбархэмрэ*. 1 т.: Андемыркъан / ред. нэхъ. Гьут И.М. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным шыухагъэхьэзыр къудамэ, 2019. Н. 430 (Адыгские историко-героические песни и предания. Т. 1. Андемиркан / гл. ред. А.М. Готов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.).

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

Фрэзер 1984 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1984. 704 с.

Eberhard, Boratav 1953 – *Eberhard W., Boratav P.N.* Typen Turkischer Volksmärchen. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH. 1953. 506 s.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

References

Adyge taurykh "kher. Tomitlu. 2 t.: Tel" ydzhey taurykh "kher [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. 592 p. (In Adyg)

Adyge IueryIuatekher [Adyg folklore. In 2 volumes. Vol. 2. Comp. Z.P. Kardangushev]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1969. 285 p. (In Adyg)

ALIYEVA A.I. *Adygskiy geroicheskiy epos. Skazka: Istochnikovedeniye. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika (seriya IMLI RAN «Fol'klor»)* [Adyg heroic epic. Fairy tale: Source study. Textology. Typology. Semantics. Poetics (series IMLI RAS "Folklore")]. M.: IMLI, 2019. 736 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4. (In Russian)

AIGIKBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

BUKHUROV M.F. *Adygsкая bogatyrskaya skazka* [Adyg heroic fairy tale]. Nalchik: Publishing Department of KBIHR, 2015. 160 p.

GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. Nalchik: KBIGI Publishing House, 2009. 228 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Khudozhestvenno-stilevyye traditsii adygskogo eposa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyg epic]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2000. 219 p. (In Russian)

KURDOVANIDZE T.D. *Syuzhety i motivy gruzinskikh volshebnykh skazok (Sistematischeskiy ukazatel' po Aarne-Tompsonu)* [Plots and Motifs of Georgian Fairy Tales (Aarne-Thompson Systematic Index)]. IN: Literary Relationships. Tbilisi, 1977. S. 240–263. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kurdovanidze.htm> (date of access: 13.12.2022). (In Russian)

Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T. 1 / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 1. Ch. ed. S.A. Tokarev]. M.: Rossiyskaya entsiklopediya, 1994. 671 p. (In Russian)

Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T. 2 / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2. Ch. ed. S.A. Tokarev]. M.: Rossiyskaya entsiklopediya, 1994. 719 p. (In Russian)

NADBITOVA I.S. *Ukazatel' syuzhetov kalmytskikh volshebnykh skazok* [Index of plots of Kalmyk fairy tales]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/nadbitova1.htm> (date of access: 10.12.2022).

Nartkher. Adyge epos. Tomiblu. 2 t [Narts. Adyg epic. In 7 volumes. Vol. 2. Comp. Asker Gadagatl]. Maikop: GURIPP "Adygea", 2002. 300 p. (In Adyg)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 1 t.: Eposym i ublaple l'ekh'ene. Sosryk'ue [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 1: Early cycles of the epic. Sosruko. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Tetragraph LLC, 2012. 424 p. (In Adyg and Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 2 t.: Uezyrmes. Batrez. Ashemez [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: IHR KBSC RAS, 2017. 468 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (date of access: 10.12.2022). (In Adyg and Russian)

NOVIKOV N.V. *Obrazy vostochnoslavjanskoy volshebnoy skazki* [Images of the East Slavic fairy tale]. L.: Leningrad branch of the Nauka publishing house, 1974. 256 p. (In Russian)

PROPP V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. L.: Leningrad University Press, 1986. 366 p. (In Russian)

SOKAYEVA D.V. *Ukazatel' osetinskikh volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Andrejeva* [Index of Ossetian fairy tales according to the Aarne-Andreev system]. Vladikavkaz, 2004. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/sokaeva1.htm> (date of access: 10.12.2022). (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygskich (kabardinskikh, cherkesskich, adygeyskich) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona [Comparative index of plots of the Adyg (Kabardian, Circassian, Adyghey) fairy tales according to the Aarne-Thompson system. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. IN: *Adyge taurykh'kher. Tomitlu. 2 t.: Tel' ydzhey taurykh'kher* [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. P. 553–588. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale / Ex. ed. K.V. Chistov]. L.: Science, 1979. 438 p. (In Russian)

Tkhyder zi l' abzh'e adyge ueredyzh' khemre kh' ybarkhemre. 1 t.: Andemyrk'an [Adyg historical and heroic songs and legends. Vol. 1. Andemirkan. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2019. 430 p. (In Adyg and Russian)

FAIGIKBNTSRAN – *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

FREZER Dzh.Dzh. *Zolotaya vetv'* [Golden branch]. M.: Publishing house of political literature, 1984. 704 p. (In Russian)

EBERHARD W., BORATAV P.N. *Typen Turkischer Volksmarchen*. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH. 1953. 506 s.

THOMPSON S. *The types of the folktale. A classification and bibliography*. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – Candidate of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Adyg Folklore.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья

УДК 398,2

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-156-163

ИДЕЙНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2022

Аннотация. В статье уделяется особое внимание анималистическим сказкам, как одному из слабоизученных разделов карачаево-балкарского устного народного творчества. Указываются труды разных ученых исследователей, в которых рассматриваются внутрижанровые, сюжетно-стилевые, а также композиционные особенности смежных жанров фольклора, что явились основой для данного анализа.

Так как сказки о животных являются инструментом для трансмиссии знаний молодому поколению, то антропоморфизм в исследуемых текстах трансформируется для более легкого восприятия законов природы. В данной статье проводится научный анализ идейно-композиционного своеобразия карачаево-балкарских анималистических произведений, поскольку до настоящего времени они не были предметом специального изучения.

Определяются факторы, влияющие на поэтический стиль зооморфных образов в текстах сказок карачаевцев и балкарцев: мифологические представления, поверья о животных, влияние социальной среды, стремление понять природные начала. В работе проанализированы, определены мотивы сказок о животных из разных источников, ранее не подвергавшихся исследованию. Акцентируется внимание на различии структурных различий цепной (кумулятивной) сказки.

Ключевые слова: сказки о животных, мотивы, кумулятивная сказка, зооморфные герои, анималистические сюжеты

Для цитирования: Гергокова Л.С. Идейно-композиционное своеобразие карачаево-балкарских сказок о животных // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 156–163. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-156-163

Original article

IDEA AND COMPOSITION ORIGINALITY OF THE KARACHAYEV-BALKAR TALES ABOUT ANIMALS

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2022

Abstract. This article pays special attention to the Karachay-Balkar animalistic tales, as one of the poorly studied sections of the Karachay-Balkar oral folk art. The works of various

scientific researchers are indicated, which consider intra-genre, plot-style features, as well as compositions of related genres of folklore, which were the basis for this analysis.

Since fairy tales about animals are a tool for imparting knowledge to the younger generation, anthropomorphism in the studied texts is being transformed for easier perception of the laws of nature. This article provides a scientific analysis of the ideological and compositional peculiarities of the Karachay-Balkar animalistic works, since they have not been the subject of special study until now.

The factors influencing the poetic style of the zoomorphic texts of Karachays and Balkars are determined: mythological ideas, beliefs about animals, the influence of the social environment, the desire to understand the natural principle. The paper analyzes and defines the motifs of Karachai and Balkar tales about animals that have not been previously studied from different sources. Attention is focused on the presence of structural differences in the chain (cumulative) tale.

Keywords: fairy tales about animals, motifs, cumulative fairy tale, zoomorphic characters, animalistic plots

For citation: Gergokova L.S. Idea and composition originality of the karachayev-balkar tales about animals. Vestnik KBIGI = KBİHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 156–163. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-156-163

Самые ранние сведения о карачаево-балкарских сказках относятся к XIX веку. Начало сбора и публикаций текстов данного жанра устного народного творчества было связано с именами известных русских, европейских ученых, а также людей первого поколения национальной интеллигенции (Н.П.Тулчинский, В.Прёле, Науруз и Сафар-Али Урусбиевы и др.).

Изучение фольклорных жанров продолжается и по сей день. Написано значительное число научных статей и монографий. По анализируемой теме можно отметить работы таких карачаево-балкарских исследователей как Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2018], Ф.А. Урусбиева [Урусбиева 2010], Б.А. Берберов [Берберов 2016], Л.С. Гергокова [Гергокова 2020], Ф.Х. Гулиева (Занукоева) [Гулиева (Занукоева) 2019] и др.

Известно, что из всех видов жанра сказочного эпоса, сказки о животных самые древние. Они близки по содержанию и с нарративами мифологического характера, и с рассказами связанными с поверьями о разных животных. За многовековую историю такие поверья потеряли исходные функции, и ореол сакрального зверя поблек, образ перешел в сказки, потеряв магическую силу, и уже предстал в новом сказочном пространстве как человеческая аллегория.

Сказка отображает мировоззрение этноса на разных периодах его развития. Проходя через века, передаваясь из уст в уста, она модифицируется совместно с порождающей ее реальностью. Эти тексты анималистического жанра, обладают довольно богатым арсеналом художественных средств. Благодаря исследованию данных фольклорных произведений можно понять психологию и мировосприятие этносов-носителей. «Этот арсенал складывается из слова, голоса (интонация и тембр), мимики и жеста. Сказка, ее бытование и носители (то есть действия), чувства ритма, обстановки и некоторой свободы отношения к содержанию текста в зависимости от требований минуты. Ни один другой род народного творчества не обладает таким богатством возможных средств [Никифоров 2008: 64].

Для карачаево-балкарских сказок о животных характерна апелляция к образам животных для воссоздания сложных взаимоотношений между людьми, между природой и человеком. На опыте работ В.Я. Проппа мы классифицировали анималистические сказочные персонажи по признакам – домашние и дикие животные, а также пернатые. В целом получились 6 тематических групп произведений данного жанра: сказки о диких животных; сказки о диких и домашних животных; сказки о человеке и диких животных; сказки о домашних животных; сказки о птицах, рыбах и др.; сказки о прочих животных, растениях и др. [Пропп 2000: 272].

В зооморфных сказках карачаевцев и балкарцев встречается общность многих сюжетов и мотивов с русскими, а также с фольклорными текстами соседних народов, но это вовсе не означает переложения сюжета или полного заимствования. «Сказка оказалась в этом смысле особенно щедрой и представила исследователям богатый и разнообразный материал, демонстрирующий удивительные сходства, иногда даже совпадения, в фольклоре самых различных народов. Поэтому не случайно именно проза была первым фольклорным жанром, давшим возможность – отправляясь как раз от явных элементов стереотипности – систематизировать мировое сказочное наследие с помощью указателей мотивов, сюжетов и т. д.» [Рошияну 1974: 7] справедливо отмечает Н. Рошияну. Это суждение полностью может быть отнесено к карачаево-балкарским анималистическим сказкам. Их художественное своеобразие проявляется в самобытности действующих героев, сюжетном составе, композиции, в использовании богатства языка и их роли в жизни социума. Эти фольклорные нарративы отражают повседневную речь людей разных социальных классов.

Данная работа является проведением краткого сравнительного анализа сюжетно-композиционных особенностей некоторых ранее не изученных текстов карачаево-балкарских народных сказок, основы которых состоят из разных анималистических изобразительно-повествовательных мотивов.

Эти произведения в карачаево-балкарском фольклоре нельзя отнести к самым разнообразным, насчитывается относительно небольшое количество сюжетов. По частотности их фиксации они также занимают малую долю сказочного репертуара, а по адресности рассчитаны на детскую аудиторию. Структура данных сюжетов довольно проста. Как и другие виды сказок этого жанра, они начинаются с традиционного зачина «*Эртте-эртте бир кюлтыпысчыкъ зашап болгъанттей*» – «*Давным-давно жил-был один лентяй, говорят.*»; «*Бурун заманлада улакъ, бузоу, къозу шуёх болуп татлы жашагъандыла*» – «*Давным-давно козленок, ягненок и теленок жили дружно, душа в душу*», но во многих текстах идет простое изложение ситуации «*Эки уллу тенгизни арасында бир ариу айыркъам болгъанды*» – «*Между двумя большими морями был один красивый остров*»; «*Бир бёрю мардасыз ач болуп кетип бара, агъач къыйырында сюрюуден айырылып тургъан бир арыкъ къойгъа жолукъгъанды*» – «*Один волк беспрдельно голодный, пробежал и на окраине леса*» [КЪМФС 2017] и т.д. Дальше уже следуют строго в соответствии с логикой развития событий экспозиция, завязка, кульминация (развитие действия), развязка и концовка.

Анималистические сюжеты заканчиваются традиционными финальными формулами как: «*Жандар бла къатыны ашап-жашап къаладыла. Тюлкую къуру аманлыкъны жоралап айлана кетип, кеси да онгмай ёлюп къалады*» – «*Жандар и его жена остались жить-поживать, а лиса все время гонялась за злом, поэтому и сама погибла*»; «*Энди мени да заманым жокъду, жомакъ да бошалды*» – «*Теперь и у меня больше нет времени, и сказка закончилась*»; «*Тирменчи уа ырахат ашап-жашап къалды*» – «*Мельник же стал спокойно жить-поживать*»; «*Энтта да ала бир бёлек жылы барлыкъдыла. Ала ары жетмей турлукъ кибики, сиз да, биз да, шуехларым, дуниядан кетмей турайыкъ*» – «*Еще несколько лет они будут идти. Пусть и вы, и мы, друзья, не уйдем с этого мира, как эти великаны не дойдут до того места*», а так же используются формулы-пословицы: «*Ахишылыкъгъа аманлыкъ бла жууап этерге кюрешме*» – «*На добро не пытайся ответить злом*»; «*Кишиге кёр къазма, кёр къазсанг кесинг тюшерсе!*» – «*Не рой другому яму, а то сам в нее попадешь!*» [КЪМФС 2017] и т.д.

Действующими персонажами в зооморфных сюжетах чаще всего являются антагонистические персонажи «кот и мыши, овца и волк, козел и волки, тетерев и лиса» и т.д. После встречи этих героев для раскрытия дальнейшего сюжета используется диалог. Полные оптимизма представители фауны выходят обычно из многих сложных ситуаций при помощи смекалки и хитрости.

Композиция карачаево-балкарских сказок о животных отличается простотой и афористичностью. Зачастую эти тексты одноэпизодичны и конфликт между персонажами заложен уже в названии: «Тюлкю бла зурнук» – «Лиса и Журавль» [КМХЖ 2012: 577], «Бёрю бла кьой» «Волк и Баран» [КЪМФС 2017: 561] и др. В данных сказаниях с самого начала вызывает недоумение необычность дружбы между столь противоположными персонажами. Казалось бы, не бывает хороших чувств между хищниками и травоядными (волк и баран) или птицей и хищником (лиса и журавль), но в сказочном пространстве происходит все что угодно. Выбор персонажей определен внешними и внутренними различиями героев, что и является источником конфликта. В конце подобных сказок герои всегда остаются неудовлетворенными исходом событий.

Самые древние формы зооморфных сказок были связаны с тотемистическими мифами, они возникли во времена верований людей в мистические свойства разных животных. Это было ранней формой животного эпоса, где строился мифологический рассказ о естественном родстве исследуемого этноса с каким-нибудь животным предком. Поэтому в репертуаре животных сказок сохранились произведения с мотивами о родстве человека с зооморфным образом. К примеру, один из таких мотивов о совместной жизни героя с медведицей прослеживается в сказке «Айыу улучукъ» [КЪМФС 2017: 615] – «Сын медведицы».

Сказка начинается традиционным зачином: «Эртте-эртте бир киши кьалай бла эсе да айыу кьатын алгъанды» – «Давным-давно один человек как-то женился на медведице». У этого фольклорного текста особая композиция, которая выделяется концентрацией действия на герое. В данном случае – это получеловек–полумедведь в человеческом облике, рожденный от медведицы и охотника, обладающий недюжинной силой и мощью. Нужно отметить, что данная сказка сочетает в себе несколько мотивов и сюжетов не только из разных анималистических произведений, но и от архаической мифологии и волшебной сказки. Медведь в исследуемом произведении все еще сохранил какие-то тотемные черты, поэтому и происходит тождество животного и человека. Союз между ними и связывает рассказ с мифом. Считалось, что самые жестокие войны среди людей в своей ярости уподоблялись медведям, и они рвались в бой как свирепое животное.

Сюжет данной сказки многоэпизодичен. Дальше по тексту обилуют диалоги героя с разными персонажами с повторением однотипных ситуаций.

Концовкой служит традиционная финальная формула: «Кишиге кёр кьазма, кёр кьазсанг кесинг тюшерсе!», – деп, кишини да чыгырып, жолгъа тюшеди» [КЪМФС 2017: 617] – «Не рой другому яму, если будешь копать, сам попадешь!» – сказав, выпустив человека, отправился в дорогу».

Внимательно исследовав данную сказку, можно отметить здесь явное смещение жанровых форм внутри сюжета. Следовательно, этот мотив зооморфного эпоса является пограничным явлением между жанрами.

Подобного рода симбиоз мотива волшебной и животной сказки прослеживается в сюжете «Алапат тайчыкъ» [КЪМФС 2017: 639] – «Чудесный жеребенок». Текст начинается с того, что сказитель дает информацию о главных героях уже в начале произведения. Здесь мы наблюдаем встречу младшего сына и дикого коня, их диалог соответствует анималистическим мотивам. Дальше по сюжету рассказывается об их совместных подвигах, сближающих данное произведение с волшебной сказкой. «В таких усложненных сюжетно-композиционных конструкциях повествование как бы сегментируется и в каждой части на передний план выдвигаются разные персонажи» [Гулиева (Занукова) 2019: 50].

В зооморфных сказочных сюжетах важно отметить мотив знакомства друг с другом главных героев, которые по какой-то непредвиденной причине вынуждены путешествовать вместе. Так в сказке «Уручула» [КЪМФС 2017: 596] – «Воры» описывается встреча четырех персонажей – осла, собаки, кота и петуха, которых связала одна судьба. Их выгнали хозяева из-за старости, и теперь они вынуждены

объединиться, чтобы выжить. «Энди тёртюбюз да бир оноулу болайыкъ. Биз энди иелерибизге къайтып барсакъ да, къыстап иерикдиле. Аман, иги болса да, бир акъыллы болуп, жашау этерге кюреширге керекбиз. Хайдагъыз, былай анда, агъач ичинде бир уручула бардыла да, алагъа бир барайыкъ, – деп тебирегендиле» [КЪМФС 2017: 596]. – «Теперь, мы вчетвером должны прийти к единому решению. Если мы еще раз вернемся к своим хозяевам, они опять прогонят нас. Хорошо или плохо, мы должны держаться вместе и стараться продолжить нашу жизнь. Давайте, где-то там, внутри леса есть какие-то вору, сходим к ним, – сказали они и отправились туда».

Композиция подобных сказок о животных базируется на многократном повторе эпизодов. Это художественное клише дает возможность уточнять причину, детали и обстоятельства. Здесь ничего запутанного нет. Например: повторяется встреча животных.

«Эшек, чыгъа барып, магуш сьртында эринин салындырып тургъанлай, бир жаньындан бир ит, «канк-кунк» эте, чыгъып барып:

– Нек тураса былайда? – деп, эшекге соргъанды.

– Къарт, къарыусуз болгъанма. Жегерге жарамайма да, ием туююп къыстагъанды. Сен а нек келгенсе?

– Къарт болгъандан сора, мал да, адам да кимге керекди? Мен къарт болгъанма да, ыстауат сакълаялмайма да, ием туююп къыстагъанды, – деп, экиси да алай тургъанлай, бир кишитик, созула-созула келип:

– Нек турасыз былайгъа жыйылып?

– Къарт болгъанбыз да, иелерибиз туююп къыстагъандыла. Сен а неге келгенсе? – деп соргъанларында:

– Да, къарт, къарыусуз болгъанма да, чычханны туталмай башлагъанма да, ием туююп къыстагъанды.

Ала ючюсю да алайда тургъанлай, бир жанларындан, къанатларын къагъа, бир эркек тауукъ чыгъып баргъанды.

– Нек турасыз былай?

– Къарт болгъанбыз да, иелерибиз туююп къыстагъандыла. Сен а нек келгенсе?

– Къарт болгъанма да, эрттенликде къычыралмайма, къычырып адам уяталмагъанымда, ием туююп къыстагъанды» [КЪМФС 2017: 596] – «Осел, отправившись в дорогу, возле мусорной кучи стоял с опущенной губой, когда собака с лаем «гав-гав», появилась откуда-то:

– Почему ты здесь стоишь? – спросила у осла.

– Я стал старым, слабым. Я не пригоден, чтобы меня запрягли, и мой хозяин, побив, прогнал меня. А ты чего пришел?

– После того, как постареют и животные, и люди, кому они нужны? Я состарилась, не могу охранять хозяйство, и хозяин меня прогнал, побив, – сказала она, и вскоре к ним присоединился один кот, еле-еле двигаясь, подошел:

– Почему вы здесь стоите?

– Мы состарились, и наши хозяева, избив нас, прогнали. А ты чего сюда пришел? – спросили они:

– Да, состарился, ослабел я, когда перестал ловить мышей, мой хозяин прогнал меня, побив.

Когда они втроем там стояли, к ним подошел петух, хлопая крыльями.

– Почему вы здесь стоите?

– Мы состарились, из-за этого наши хозяева нас побили и прогнали. А ты чего сюда пришел?

– Я состарился, и по утрам не могу кричать, не могу будить людей, мой хозяин меня побил и прогнал».

Многократность действия в данном тексте связана со словесной формулой «Нек тураса былай?» – «Почему ты здесь стоишь?», а дальше каждый рассказы-вает о своей несчастной судьбе.

Композиция многих карачаево-балкарских животных сказок построена на «нанизывании» действия, их обычно называют кумулятивными. «В этих сюжетах-кумуляция-циклическое повторение и расширение сюжетных узлов – один из принципов создания сказочного текста. Героями этих цепевидных структур являются животные персонажи, птицы, предметы. «Обычно кумулятивные сказки причисляют к фольклору для детей, ибо им характерна напряженность сюжета, эмоциональность, занимательная форма исполнения» [Басангова 2019: 22]. По Проппу «часть сказок, обычно относимых к сказкам о животных, принадлежит к кумулятивным» [Пропп 2000: 351].

В подобных сказках действие циклично, состоит из схемы эпизодически повторяющихся обращений главного героя за помощью. Следовательно, формула такой композиции заключается в многократном повторении единицы сюжета, клишировании. В версии сказки «*Бит бла бюрче*» [КЪМФС 2017: 648] – «*Блоха и вошь*» блоха, чтобы помочь своему другу выйти из воды, ходит от одного персонажа к другому. Первым идет к кабану, кабан отправляет к дереву, дерево к орлу, орел к курице, курица к амбару, амбар к кошке, кошка к корове, корова к косарям. Многократность действия связана с повторением некоторых словесных формул. Они выражаются в виде диалога или же какой-либо реплики. Речевая формула повторяется каждый раз, настолько, сколько и само действие. «*Ийнек сют бергенди. Сютню кишитикге береди. Кишитик чычханнга, чычханла гённге тиймезге айтадыла. Гён тары бергенди. Тарыны тауукъгъа береди. Тауукъ балачыкъ бергенди. Аны бюрче къушха элтеди. Къуш терекге тиймезге айтханды. Терек алма береди. Алманы тонгузгъа ашатханды. Тонгуз къыл бергенди. Бюрче аны бла битни суудан ётдюргенди*» [КЪМФС 2017: 648]. – «*Корова дает молоко. Молоко отдала кошке. Кошка мышку, мышка амбар обещают не трогать. Амбар дает просо. Просо отдает наседке. Наседка дает цыпленка. Его блоха отдает орлу. Орел обещает не трогать дерево. Дерево дает яблоко. Яблоко скормила кабану. Кабан дал волосок. Блоха им переводит вошь через реку*».

На подобный кумулятивный сюжетный ход указывается, когда персонаж что-то роняет. Этот элемент сюжета широко используется, служит моментом нравовучения и развязкой. Это наблюдается в сказке «*Тюлкюню къонгуруу*» [КЪМФС 2017] – «*Колокольчик лисы*».

Отдельно можно выделить карачаево-балкарские комические сказки, имеющие общую ироническую концепцию. К таким сюжетам можно отнести: «*Бёрю, тюлкю, ат*» [КЪМФС 2017] – «*Волк, лиса, конь*», «*Кюлтыпысчыкъ*» [КЪМФС 2017] – «*Лентяй*», «*Ичгичиле*» [КЪМФС 2017] – «*Пьяницы*», «*Бёрю бла агъач тауукъ*» «*Волк и фазан*» [КЪМХЖ 2012: 589]. В этих рассказах, как и в сюжете сказок данного жанра, совершаются разные действия – от хитрой проделки да развязки, где в иронической ситуации остается глуповатый герой или трикстер. Эти сказки носят моралистический характер, где довольно остро противопоставляется добро со злом. Для таких рассказов характерно счастливое завершение сюжета.

В карачаево-балкарских животных сказках присутствует и мотив горского сватовства. В них показаны горские традиции сватания невесты, а также оплакивания умерших. Например, в сказке «*Тюлкю бла тирменчи*» [КЪМФС 2017: 557] – «*Лиса и мельник*».

«*Ой, багъалы, насыплы хан, жаш: «Алай барыргъа уялгъан этеме: къаллай бир кёлюне келе эсе, кёлюне келген къалынны айтсын, къызны келтирир, не киеу нёгерле баргъан кюн, айтхан къалыныгъызыны да алып барырма, деп айтханды*», – дейди.

«*Дагъыда жашны махтай эди. « Ой, ол бир къалын, бир харакет, бир мал къадар жыйып турады*» [КЪМФС 2017: 557]. «*Ой, драгоценный счастливый хан, парень сказал: «Мне неудобно идти просто так. Пусть хан скажет, какую он считает нужной цену калыма, и я принесу его в тот день, когда мы с друзьями поедем за невестой*».

(Лиса) еще хвалила парня: «Ой, он, сколько калыма, сколько вещей, сколько скотины собрал». Из этих отрывков видно, что в сказке сватовство происходит, как и в обычной жизни этноса-носителя – назначение дня свадьбы, друзья жениха, калым, что придает данным фольклорным произведениям национальный колорит.

Многие анималистические сказки построены на мотиве обмана, выражающегося в виде коварного совета, неожиданного испуга, «а также притворства, который требует лукавого и хитроумного исполнителя, каким здесь в основном и является лиса, а также потерпевшем персонаже – волк, медведь, другое животное или человек. Характерной особенностью обмана в карачаево-балкарских сказках о животных нередко является запугивание. Так слабый персонаж противопоставляется более сильному и злему. Умение главного героя перехитрить, обмануть своего соперника, независимо от того кто сильнее, помогает слабому персонажу стать победителем» [Урусбиева 2010: 123]. Например: «Тюлкую бла бёдене» [КЪМФС 2017: 660] – «Лиса и перепелка», «Айыу, беру, кызыл тюлкую» [КЪМФС 2017: 663] – «Медведь, волк, красная лиса».

Таким образом, карачаево-балкарские сказки о животных весьма многообразны по типам и состоятельны по сюжетам. Композиция этих произведений очень искусна, хотя в них нет сложных приемов. Некоторые из них близки по содержанию со сказками многих соседних и дальних народов. Это объясняется общими законами в творчестве и сходными условиями жизни, но также они могут быть заимствованы от одного народа к другому, что не исключено при длительном и близком соседстве народов и высокой лабильности самого жанра.

Следовательно, зооморфные сказки карачаевцев и балкарцев по композиции не сложны, обилуют диалогами, традиционными формулами. Основным конфликтом в данных произведениях является противостояние живой природы и цивилизации. Со временем эти тексты потеряли свои изначально характерные магические свойства, обретая другие мотивировки. Все средства художественной образности, использованные в сказке о животных, делают ее красочной, эмоциональной, яркой, поэтому она является любимым жанром младшего поколения. Мораль многих сказочных текстов переходит в пословицы, которым свойствен инносказательный характер, осмысление которого интересно для всех слушателей.

Список источников

Басангова 2019 – *Басангова Т.Г.* Животные в калмыцком фольклоре. (на рус. и калм. яз.) Элиста, КалмГУ, 2019. 192 с.

Берберов 2016 – *Берберов Б.А.* Архетипический образ медведя в карачаево-балкарской народной сказке // Типология и поэтика традиционного фольклора народов северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 28-36.

Гергокова 2016 – *Гергокова Л.С.* Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ 2016. 4 (31). С. 122–125: 123.

Гергокова 2020 – *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарские сказки о животных: сбор, публикация, изучение // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 282–288.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 108 с.

КЪМФС 2017 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду* (Свод карачаево-балкарского фольклора). Т. 3. Нальчик: издательство ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.

КМХЖ 2012 – *Къарачай-малкъар халкъ жомакъла* (Карачаево-балкарские народные сказки). Составитель Мусукаева С.А. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с.

Малкондуев 2018 – *Малкондуев Х.Х.* Къарачай-малкъар фольклорну эм эрттегили жанрлары. Мифле. Тёреле. Эпос. Жомакъла. (Древнейшие жанры карачаево-балкарского фольклора. Мифы. Обряды. Эпос. Сказки.). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 132 с.

Никифоров 2008 – *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. 376 с.

- Пропп 2000 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 413 с.
Рошмян 1974 – *Рошмян Н.* Традиционные формулы сказки. М.: издательство «Наука», 1974. 216 с.
Урусбиева 2010 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии: Монография. УРАН Сев.-осет ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: НПО СОИГСИ, 2010. 128 с.

References

- BASANGOVA T.G. *ZHivotnye v kalmuckom fol'klоре* [Animals in Kalmyk folklore]. Elista, KalmGU, 2019. 192 p. (In Russian and kalm.)
- BERBEROV B.A. *Arhetipicheskij obraz medvedya v karachaevo-balkarskoj narodnoj skazke*. IN: [The archetypal image of a bear in the Karachay-Balkar folk tale]. *Tipologiya i poetika tradicionnogo fol'klora narodov severnogo Kavkaza* [Typology and Poetics of the Traditional Folklore of the Peoples of the North Caucasus]. Nal'chik, 2016. P. 28–36. (In Russian)
- GERGOKOVA L.S. *Tipy syuzhetov, postroenie motiva obmana v karachaevo balkarskih skazkah o zhivotnyh* [Types of plots, construction of the motive of deceit in Karachay-Balkarian fairy tales about animals]. IN: *Vestnik KBIGI* [Bulletin of KBIGI] 2016. 4 (31). P. 122–125. (In Russian)
- GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnyh: sbor, publikaciya, izuchenie* [Karachay-Balkar fairy tales about animals: collection, publication, study]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.]. 2020. № 6 (98). P. 282–288. (In Russian)
- GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaya volshebnyaya skazka* [Karachay-Balkar fairy tale]. Nal'chik, 2019. 108 p. (In Russian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu (*Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora*) [Code of Karachay-Balkar folklore]. Tom 3. Nal'chik: izdatel'stvo IGI KBNC RAN, 2017. 990 p. (In Karachay-Balkarian)
- K"arachaj-malk"ar halk" zhomak"la (*Karachaevo-balkarskie narodnye skazki*) [Karachay-Balkar folk tales]. Sostavitel' Musukaeva S.A. Nal'chik: El'brus, 2012. 592 p. (In Karachay-Balkarian)
- MALKONDUEV H.H. *K"arachaj-malk"ar fol'klornu em erttegili zhanrlary*. Miflе. Tyorele. Epos. ZHomak"la. [The oldest genres of Karachay-Balkar folklore. Myths. Rites. Epos. Fairy tales.] Nal'chik, 2018. 130 p. (In Karachay-Balkarian)
- NIKIFOROV A.I. *Skazka i skazochnik* [Fairy tale and storyteller]. M.: OGI, 2008. 376 p. (In Russian)
- Propp V. YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. M.: Labirint, 2000. 413 p. (In Russian)
- ROSHIYANU N. *Tradicionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. M.: izdatel'stvo «Nauka», 1974. 216 p. (In Russian)
- URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskaya skazka. Voprosy zhanrovoj tipologii: Monografiya*. [Karachay-Balkarian fairy tale. Issues of genre typology: Monograph.] URAN Sev.-oset in-t gum. i soc. issled. Vladikavkaz: NPO SOIGSI, 2010. 128 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л. С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Научная статья
УДК 398.1+395
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-164-173

ИНСТИТУТЫ «НАЕЗДНИЧЕСТВА» И «МУЖСКОГО ДОМА» В ЭПИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ

Ляна Адамовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гугова, 2022

Аннотация. В статье исследуется отражение в народных эпических произведениях адыгов (черкесов) института мужского дома и тесно связанного с ним наездничества (*зек*). Устанавливаются связи данных явлений культуры с древними формами инициации. К анализу привлекаются опубликованные и архивные материалы адыгского фольклора. Они даются в сопоставлении с заметками различных авторов, содержащими достоверные сведения по интересующей проблеме. Привлекаются этнографические и фольклорные материалы по другим народам мира, что позволяет установить типологические особенности явления и уровень его художественного осмысления в эпическом творчестве. Акцентируется внимание на этико-коммуникативных императивах, которые были исторически характерны для адыгского менталитета. Отмечается, что их отражение в фольклоре как свода идеальных принципов поведения наездника, имело важное значение в трансмиссии норм и правил поведения, предписываемых в действительности воину-наезднику. Благодаря высокому поэтическому стилю и конкретному содержанию, песни и предания соединяли в себе различные функции. Они служили средством сохранения и ретрансляции положительного опыта этноса, что особенно важно для воспитания молодого поколения и передачи ему комплекса знаний. Помимо того, они представляют собой образцы художественного словесного искусства.

Ключевые слова: зек, нарт-хаса, стан наездников, мужской дом, рыцарь, очитительная песня

Для цитирования: Гугова Л.А. Институты «наездничества» и «мужского дома» в эпическом сказании // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 164–173. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-164-173

Original article

INSTITUTES OF “HORSEMANSHIP” AND “MEN’S HOUSE” IN THE EPIC

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2022

Abstract. The article examines the reflection in the folk epic works of the Adyghs (Circassians) of the institution of the men’s house and the closely related equestrianism

(zeko). Connections of these cultural phenomena with ancient forms of initiation are established. The published and archival materials of the Adyghe folklore are involved in the analysis. They are given in comparison with the notes of various authors containing reliable information on the problem of interest. Ethnographic and folklore materials on other peoples of the world are involved, which allows us to establish the typological features of the phenomenon and the level of its artistic understanding in epic creativity. Attention is focused on the ethical and communicative imperatives that were historically characteristic of the Adyghe mentality. It is noted that their reflection in folklore as a set of ideal principles of rider behavior was important in the transmission of norms and rules of behavior prescribed in reality to a warrior rider. Due to the high poetic style and specific content, songs and legends combined various functions. They served as a means of preserving and relaying the positive experience of the ethnic group, which is especially important for the education of the younger generation and the transfer of a complex of knowledge to it. In addition, they are examples of artistic verbal art.

Keywords: zeko, nart-khasa, horsemen's camp, men's house, knight, cleansing song

For citation: Gutova L.A. Institutes of "horsemanship" and "men's house" in the epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 164–173. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-164-173

Характерно, что в фольклоре границы между жанрами не всегда бывают четко обозначенными, а порой два формально различных жанра прекрасно гармонируют и дополняют друг друга, даже сливаются в некое гипержанровое образование. То же самое можно сказать и о традиционной культуре адыго-черкесов (далее – адыгов), где существование одного института порою было бы невозможно без другого. Еще более интересен тот факт, что одно и то же традиционное явление отражено по-своему в различных жанрах фольклора. Так, к примеру, и в нартском и в историко-героическом эпосах упоминается институт наездничества и институт стана наездников, несмотря на то, что в нартском эпосе сюжет основан на мифологических представлениях, а в историко-героическом повествовании события и элементы традиционной культуры и быта претендуют на полную достоверность. В данной статье, мы попытаемся на ограниченном фактическом материале рассмотреть значимость такого явления в традиционном укладе жизни этноса как наездничество – «*зеклуэ*» и определимся с понятием мужского дома, и определимся с характером их отражения в эпических сказаниях.

Прежде чем вести речь о таком явлении как мужской дом, будет целесообразно затронуть тему наездничества, без чего наверняка не образовался бы и стан наездников, что и является формой организации названного института. Оба явления как образ жизни типологичны и существовали у многих народов мира. Эту тему на адыгском материале подробно освещали отечественные и зарубежные ученые Ногмов Ш. Б. [Ногмов 1994], Лопатинский Л. Г. [Лопатинский 1891: 1–10], Дубровин Н. [Дубровин 1991: 13–249], Скасси Р. [Скасси 1816: 281–285]. Во второй половине XX века тема наездничества рассматривалась в трудах Бгажнокова Б.Х. [Бгажноков 1983], Мирзоева А.С. (Марзей) [Марзей 2000] и др.

Вышеназванные ученые акцентировали внимание на историко-культурной значимости как мужского дома, так и наездничества. Нас же более интересует характер их отражения в фольклорном произведении, в частности в эпическом тексте. Мы полагаем, что всякое явление действительности находит в художественном произведении свое преломление соответственно системе сложившихся жанровых стереотипов. Чаще всего, образы и поступки персонажей подвергаются осмыслению в свете идеалов, исповедуемых носителями устной традиции: как известно, особенностью народного эпоса является создание довольно однозначных образов с их рельефно выраженными особенностями. Поэтому эпос любит всё цельное и масштабное.

Одной из причин возникновения наездничества на Кавказе было то, что этот край был в силу своего географического положения (являясь воротами из Азии в

Европу) объектом постоянных нападений со стороны соседних и дальних народов. Кроме того, будучи раздробленными на множество субэтнических групп или феодальных владений, адыги вели нередко и междоусобные войны. Ногмов Ш.Б. так писал о средневековой Кабарде: «В ту эпоху Кабарда представляла вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчась, охранял свое имущество вооруженной рукой» [Ногмов 1994: 115]. О военизированном быте черкесов (в частности, натухайцев) Скасси Р. пишет: «Все мужчины с возрастом от 13–15 лет и до старости приучены носить оружие. Воспитание детей все направлено к тому, чтобы внушить им величайшую храбрость. Храбрость у них первая добродетель» [Скасси 1816: 281–285]. Юноши, достигнув определенного возраста (16–18 лет), после обряда инициации получали право ездить в походы «зеклуэ», наравне со старшими представителями общины.

Здесь же следует заметить, что наездничество было одним из основных занятий не только княжеско-дворянского сословия, но и некоторой части вольных крестьян. Этому способствовала объективная реальность, в которой нашествия врагов, набеги соседних племен были чуть ли не повседневностью, поэтому уметь защищаться и нападать должен был каждый. Войдя в привычку определенной группы населения, ведение военных действий было не только долгом и обязанностью высших сословий, но и доставляло некое удовольствие. «Адыге, – писал Лопатинский Л. Г., – ищет опасности, так сказать из любви к искусству ...» [Лопатинский 1891: 1–10]. «Зеклуэ» в основном совершались за пределы своей земли, так как совершать набег на ближнего соседа считалось большой бестактностью и подвергалось осуждению. Набеги же на земли более дальних соседей, не связанных союзными отношениями, – пишет Дубровин Н. – не только не считались преступлением, но и поощрялись [Дубровин 1991: 13–249]. Воины, отличившиеся в сражениях, проявляющих высокое искусство, мужество, силу и знание тонкостей этикета, в том числе и достойное отношение как к соратникам, так и к оппоненту, обретали в народе славу, в их честь слагались песни и легенды. Именно так наездничество, как основное занятие доблестных воинов, отражается и в эпическом фольклоре адыгов – песнями и преданиями. Весь историко-героический эпос так и пестрит рассказами о воинах-наездниках, героях того времени. Само понятие наездничества исключает представление о его участниках как грабителях с низким порогом социальной культуры. Часто походы на чужую землю устраивались в ответ на предшествующее разорительное нападение и имели целью отомстить или же самоутвердиться в глазах неприятеля, доказать ему свою полную состоятельность. Помимо того, это было средством защиты своей территории от экспансии, что и отражается в фольклоре. Таковы сказания и песни о Темрюке-Мужественном [Архив КБИГИ: папка 20 в, паспорт 7], о Нартуге Кошироко [Архив КБИГИ: папка 21 р, паспорт 5], о князьях Шоулохе и Талостане из цикла о Куркужине [Архив КБИГИ: папка 19 г, паспорт 5], об Амфоко-сыне Талостана [Архив КБИГИ: папка 20 р, паспорт 6] и многих других.

В.Я. Пропп не без основания писал, что героический характер содержания эпоса, является наиболее важным, решающим признаком эпоса. «Эпос показывает, кого народ считает героем, и за какие заслуги. Определение, изучение характера внутреннего содержания героичности и составляет главную задачу науки по отношению к эпосу. Это содержание перед нами раскроется постепенно, пока же, достаточно будет указать, что содержанием эпоса всегда является борьба и победа» [Пропп 1958: 5] Считаем уместным упомянуть здесь о существовании образа языческого божества, покровительствующего наездникам. Его имя *Зеклуатхэ* буквально означает «бог наездничества/наездников». Позднее первоначальное имя стало нарицательным, и функции покровителя данной области деятельности перешли к персонажу раннехристианской мифологии Святому Георгию (в адыгской интерпретации *Дауцджэрджий*-Даушгергий, осетинск. *Уасгерги*).

«В фольклорных материалах есть упоминания о том, что в святилищах и на деревьях священных рощ ему оставляли посвященную долю при дележе трофеев. Сказители говорят, что *Зекотх* не имел определенного образа и идола, а каждый представлял себе его, как позволяла фантазия» [Шортанов 2016: 207]. То же подтверждается М.И. Мижаевым и М.М. Паштовой [Мижаев, Паштова 2012: 123–125, 169–170]. Важная особенность наездничества – это временные жилища, «стоянки», которые выставлялись или прямо в той местности, где обитают наездники, или вблизи поля боя. «Эта организация, неразрывно связанная с институтом наездничества, является, по мнению некоторых исследователей, реликтом позднейших форм мужских союзов, типологически сходных с такими же организациями у многих народов мира в прошлом [Бгажноков 1990: 5–44]. «Институт «мужских домов», – пишет Пропп В.Я., – свойственен родовому строю и прекращает свое существование с возникновением рабовладельческого государства. Его возникновение связано с охотой, как основной формой производства материальной жизни, и с тотемизмом, как идеологическим отражением ее. Там, где начинает развиваться земледелие, этот институт еще существует, но начинает вырождаться и иногда принимает уродливые формы. Функции мужских домов разнообразны и неустойчивы. Во всяком случае, можно утверждать, что в известных случаях часть мужского населения, а именно юноши, начиная с момента половой зрелости и до вступления в брак, уже не живут в семьях своих родителей, а переходят жить в большие, специально построенные дома, каковые принято называть «домами мужчин», «мужскими домами» или «домами холостых». Здесь они живут особого рода коммунами или союзами. При вступлении в брак юноши уходят из домов, и вновь поселяются в своем селении, не теряя связи с мужским домом или мужским союзом с его разнообразными функциями.

Подобная картина организации мужских союзов или по английской терминологии, «тайных союзов» дана в работах Шурца, Вестбера, Леба, Ван-Женеппа, Боаса, Фробениуса и других» [Пропп 1958: 33–34].

Такие мужские союзы, по мнению Потоцкого Я., – пишет Марзей А., именуются как «*Шоурчоуа*», что соответствует, по мнению Бгажнокова Б.Х., адыгскому «*шупцылэ*» – стан наездников («*шу*» – всадник, «*пцылэ*» – шалаш, стан, лагерь) [Марзей 2000: 46]. «Организация «*шупцылэ*» была, как уже отмечалось, исключительной прерогативой князя и дворян, состоявших в его дружине. По свидетельству офицера русской армии, Торнау Ф.Ф., хорошо изучившего быт адыгов своего времени, крестьянам было запрещено близко подходить к стану наездников, а также интересоваться находящимися там людьми [Торнау 1991: 10–11]. Даже братьям и другим родственникам было запрещено подходить к стоянке, где находился князь с дружиной» [Марзей 2000: 47]. Так в историко-героическом сказании «Амфоко – сын Талостана», для князя Амфоко сооружают отдельный шалаш из бурки, как представителю привилегированного сословия. Другим же, шалаши строят из камыша, третья же группа остается сидеть на равнине вовсе без укрытия. [Архив КБИГИ: папка 20, паспорт 2].

Также хан племени тарыков определяет дифференциацию наездников по их сословной принадлежности и выполняемым функциям: «Тот, на ком бурка, – это их предводитель, те, которые в шалаше камышинном, – то воины подготовленные, а на другой линии сидят смотрящие за лошадьми. Расправьтесь и возьмите в плен тех, кто находится в шалаше!» – говорит. [Архив КБИГИ: папка 20, паспорт 2].

В то же время участники «*зеклуэ*» придерживались определенных строгих правил, что тоже отображено в вышеприведенном сказании. Так было традицией, когда всадники, отправляясь в путь, избирали главного, который будет принимать решения и направлять остальных. В течение всего похода он руководил единолично, и на нем лежала ответственность за успех предприятия. К нему также представляли двух помощников [Там же].

Возвращаясь к тому, что мы оговаривали во вступлении, заметим, что одно и то же явление вплетается в разные жанры, в частности и в нартский эпос, в котором тоже упоминается о «мужском доме», каковым является место, где проводятся собрания нартов – «*нарт Хасэ*». Только достойные воины, особо отличившиеся (по всей вероятности, изначально – успешно выдержавшие инициальные испытания) имеют право посещать это собрание, а также удостоиваются ритуального кубка саны (горячительного напитка) в порядке очереди по решению предводителей [Нартхэр. Къэбэрдей эпос 1951: 37–40]. Нарт Хасэ – собрания богатырей-нартов происходят в мужских домах, в которые не допускаются женщины, и о решениях хасы, женщинам не пристойно интересоваться. Приведем в пример одно сказание о нарте Сосруко. Как известно, поступки эпического героя совершаются зачастую на грани между традицией и ее нарушением. Сатаней-гуаша изъявляет желание явиться на Хасу и просить бывалых нартов о том, чтобы те приняли ее сына Сосруко как полноправного члена собрания. Нарты, согласно этикету, с почтением принимают ее, стоя приветствуют и оказывают почести как женщине, но все же, оказываются в замешательстве, т.к. женщины не вольны посещать собрание воинов без их приглашения, пусть даже это сама Сатаней. Услышав то, зачем она пришла, нарт Пануко говорит:

*– Дэ ди хабзэкъым нарт хасэм
Хэт и лъхугъи къетшалЭу,
Лыуэ цыттэм и хъыбарыр
Бэрэ Іунти къетшалЭнт* [Нартхэр. Къэбэрдей эпос 1951: 60] –

Не в наших правилах, на собрание нартов
Принимать всех отпрысков.
Был бы он отважным мужем,
То его имя было бы известным (перевод наш).

Произведения историко-героического эпоса, в отличие от нартского, характерны близостью к достоверным событиям, его герои не плод мифических представлений, а имеют подлинных живых прототипов. Адыгская поговорка гласит: «*Лыхъужь и лъэужь кӀуэдыркъым*» [Архив КБИГИ: папка 27 а, паспорт 13] – След героя не исчезает. Это подтверждает вышесказанное, так как имя героя, его подвиги остаются в памяти народа, слава о нем передается из поколения в поколение, в чем и заключается одна из основных функций циклов эпического жанра. Но куда такого «следа» нет, путь на собрание настоящих воинов ему заказан. Поэтому и юному Сосруко приходится пройти серию испытаний, по сути своей инициальных.

Находясь в походе, в тех самых «мужских домах», или же во время отдыха, мужчины рассказывали за трапезой истории из жизни известных уважаемых воинов своего времени, пели песни, в которых величали отличившихся воинов. Героем мог прослыть не каждый. Для того, чтобы удостоиться признания, воин должен был быть не только хорошим наездником, прекрасно владеющим всеми видами оружия и знать приемы обороны и нападения, он должен был соответствовать духовно-моральному стереотипу поведения в строгом соответствии с установками адыгского этикета и человеческих норм поведения.

Одним из важных качеств воина было неразглашение увиденного, даже если это было единственным способом оправдать себя. Такова, например, история о Гудаберде, сыне Азепша, исследованная Гутовым А.М. [Гутов 2021: 66–67]. Герой проявляет себя не только как отважный воин, но и демонстрирует рыцарское поведение, что соответствует духу традиции. Будучи непричастным к громкому преступлению, убийству князя из рода Таусултановых, однако оказавшись

невольно его очевидцем, Гудаберд сам подозревается в этом злодеянии. С одной стороны, согласно правилам и нормам этики, воин, ставший очевидцем таких событий, не мог разглашать чужой тайны, с другой – в злодеянии обвиняют его самого. Единственным достойный выход для себя герой находит в том, чтобы покинуть свой край.

*Айра, ай, сымышхэн щхьэкIэрэ, рэуэ-ией,
Уэу, уэукъэ, уей дуней, уэр, а махуэмэ хэкур собгынэ.
Айра, ай си шыхъу цIыкIуитIми, рэуэ-ией,
Уэу, уэукъэ, уей Сэрмахуэ, уей гъуогуанэ кIыхьым я нэр тозашэ*
[Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 51].

...Чтобы не стать доносчиком,
В тот день я край свой покидаю,
...Двух моих сестричек
Глаза утомляются смотреть на дорогу, –

поется в песне о Гудаберде. Герой устраивает свою семью в укромном месте, сам же одалживает у своего осетинского друга доброго коня и отправляется в Крым. Там он, благодаря рассудительности, складу ума, и будучи хорошим отважным воином, становится уважаемым человеком. Однако его завистники, создают Гудаберду такие условия, что тот вынужден уехать и оттуда. Но два бегства неравнозначны. Если в первом случае герою было достаточно просто бежать, то во втором он уезжает явно по вине принимающей стороны, этим самым нарушившей законы гостеприимства.

Этим мотивирован знаковый поступок, указывающий на недостойное поведение хозяев. Перед отъездом отважный рыцарь проявляет ловкость и смекалку, уносит с собой дорогую крымскую чашу, предназначенную, чтобы в ней преподносился напиток победителю в состязаниях или схватке. Для негостеприимных хозяев это своего рода знак позора, для наездника же – заслуженный трофей. После долгих лет отсутствия, герой возвращается на родную землю. Здесь он первым делом благодарит своего друга, который предоставил ему своего лучшего скакуна, в знак особого своего расположения и признательности дарит ему ту самую драгоценную чашу и возвращает коня. Быть благодарным, не забывать поддержку людей, было одним из благородных качеств, настоящего рыцаря.

Далее, не зная куда податься, Гудаберд останавливается в кунацкой-*хачеше* Тхипцевых, которые были подлинными убийцами князя и по вине которых отважный муж вынужден был покинуть родину. Однако, узнав, что те хотят расправиться с ним, герой покидает и их дом. Здесь четко обрисовывается картина из адыгского этикета, предписывающая сакральное отношение хозяев к гостю, будь даже он их кровным врагом. Тхипцевы пренебрегают этим правилом, чем дают основание Гудаберду совершить следующий этикетный шаг. Ему ничего иного не остается, кроме как податься в кунацкую самих Таусултановых. Там, прямо не указывая на убийцу, герой очищается от клеветы оригинальным способом – сочинением очистительной песни. В ней Гудаберд сообщает о своей невинности.

Здесь важно отметить функцию песни, очистительного характера, в содержании которой не принято было сомневаться. «Очистительная песня, – пишет Налоев З.М., – предполагает существование в средневековом адыгском обществе представления о несовместимости песни с ложью. Песенное слово – это слово правды, оно передает события и факты так, как было в действительности, фиксирует, но не интерпретирует их. То, что рассказано в песне, не может быть ложью. Без такой веры в искренность песни, в ее природную правдивость не могла бы возникнуть очистительная функция песни [Налоев 1978: 88–89].

*Пицы сымыжкыу пицукI кысфлацт.
Пиыр зыукIари си нэр хуэмысэт,
Си нэр хуэмысэ цхьэкIэ си Iэр хуэхейиц [Налоев 1978: 87] –*

Князя не убивавшего – меня князеубийцей назвали.
К убийству князя мои глаза причастны, да руки не причастны] –

такими иносказательными выражениями рыцарь доказывает свою непричастность к темному делу.

Далее он в песне указывает и на приметы убийцы:

*Пиыр зыукIари кьамэ Iэпцэшхуэц,
Шы кIэху зэришэрт.
Сымыхашэн цхьэкIэ хэкум сокIыж [Там же] –*

У убийцы князя кинжал с белою рукояткой,
И коня белохвостого имеет.
Я, чтобы его не выдавать, родину покинул.

Таким образом, герой, с честью выдержав испытания, которые выпали на его долю, сохранив свое достоинство, очистился перед Тусултановыми и отомстил неблагодарным Тхапцевым.

Подобного рода песней является и «Песня Нартуга». Согласно нормам и адатам адыгского этикета, мужчина, совершивший множество героических поступков, не смел, сам оглашать их и хвалиться достижениями. Испокон веков в среде адыгов бытует поговорка «*Шы ицIа иIуэтэжыркьым*» [Адыгэ псалъэжхэр 1965–67: 133] – Мужчина не рассказывает о том, что совершил (т. е. молчит о своих подвигах). Это вполне соответствует духу традиции и нормам поведения настоящего героя – рыцаря. Так, отважный герой Нартуг, который достиг определенного возраста и поэтому более не отправлялся в походы, стал подвергаться насмешкам со стороны жителей своей округи, мол, не совершил никаких подвигов. В таких обстоятельствах рассказывать о себе правду он не мог. Более того, начини он это делать, о нем могла пойти и вовсе дурная слава – хвастуна и пустослова. В свое оправдание Нартуг сложил песню, которая была услышана в народе [Гутов 2021: 53–54]. Таким образом, герой очистился от позора. Нартуг изложил в песне один из поступков, совершенных им ранее. Так уж было заведено, что жители селения не имели права выйти на работу в поле без разрешения князя. Князь селения запретил людям заниматься полевыми работами, пока жители не огородят высоким забором всю территорию, которую он занимал. Вполне вероятно, что такого рода притязания со стороны князя были неоднократны. Люди, не могли противоречить ему, и страдали от этого. Нартуг, оказался тем единственным смельчаком, который решился идти против воли князя и тайком убить его. Таким образом, он освободил народ от гнета князя. Поэтому герой поет в песне:

*Ей-ей, ей жи, сиIа псор жысIэмэ,
Ей мы лIыжь цхьэцытхьур кысфIаици.
Ей-ей, ей жи, сэ си мыцIацхьэ,
Ей, пицы Шауэтыкьри хэзгьацIи.
Ей-ей, ей жи, си джатэ кIэцIри,
Ей, пицым и гуцIыIум цызгьабзи.
Ей-ей, ей жи, и бзэ дьдджыжьри,
Ей, и хьэдэ льяпэмэ цIэстIэжи.
Ей-ей, ей жи, и афэ джанэри,*

*Ей, пхъуантэ фЫцІэжъмэ дэзгъахи.
Ей-ей, ей жи, и пацІэгъуитІри,
Ей, си бгъэгъуцталъэмэ йогъухъри [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 48].*

Нартуг не просто поет о своем подвиге, но посредством песни предоставляет слушателю наглядные доказательства: «... и бзэ дьиджыжъри, ... и хъэдэ лъапэм ицІэстІэжи – ... его язык ядовитый, ... у подножия его могилы закопал», «... и афэ джанэри, ... пхъуантэ фЫцІэжъмэ дэзгъахи – ... его кольчуга, ... в темном сундуке хранится», «... и пацІэгъуитІри, ... си бгъэгъуцталъэмэ йогъухъри. – ... его усы рыжие, ... в кармане моего кафтана прогнивают»

Подводя итог нашему небольшому исследованию, следует отметить, что институт мужского дома существовал в адыгской среде и функционировал как один из важных элементов становления мужчины как доблестного воина, рыцаря. Здесь не только вырабатывались воинские навыки, но и совершенствовались императивы поведения как по отношению к соратникам, так и к оппоненту. Существовали определенные правила и принципы общения, поведения рыцарей, где наряду с воинскими навыками и сноровкой большое внимание уделялось таким понятиям как честь, достоинство, ответственность, уважение и скромность. Всем этим качествам не просто обучали – они становились стилем жизни адыгского мужчины, что достаточно четко отображено в произведениях историко-героического эпоса.

Список источников

Адыгэ псалъэжхэр 1965–1967 – *Адыгэ псалъэжхэр томтІу зэхэлъу* (Адыгские пословицы и поговорки в 2-х томах). Зэхэзылхъар: ГъукІэмыхъу Іэбубэчыр, КъардэнгъушІ Зырамыку. Налшык: Эльбрус, 1965–1967. Н. 454.

Адыгэ уэрэдыжхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. Зыгъэхъэз.: КъардэнгъушІ З.П. Налшык: Эльбрус, 1979. 224 н.

Архив КБИГИ – *Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Папка 19 г, паспорт 5. Исп.: Хавпачев Амирхан. Дата зап.: 1945 г. Зап.: Берекетов З.

Архив КБИГИ – *Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Папка 20, паспорт 2. Исп.: Пшиншев Казгерий Исмелович. Дата зап.: 25.03.1949, сел. В. Курп. Зап.: Шогенов Х.

Архив КБИГИ – *Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Папка 20 в, паспорт 7. Исп.: Хавпачев Амирхан, дата зап.: 1945, с. Кахун. Зап.: Берекетов З.

Архив КБИГИ – *Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Папка 20 р, паспорт 6. Исп.: Кишев Жамурза Батырбиевич, 64 года. Дата зап.: 12.10.1956, с. В. Акбаш. Зап.: Налоев З.

Архив КБИГИ – *Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Папка 21 р, паспорт 5. Исп.: Масаев Хатат, дата зап.: 1949 г., с. Лескен П. Зап.: Аксиров З.

Архив КБИГИ – *Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Папка 27 а, паспорт 13.

Бгажноков 1983 – *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.

Бгажноков 1990 – *Бгажноков Б.Х.* Логос и игрища // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1. С. 5–44.

Гутов А.М. 2021 – *Гутов А.М.* Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: КБИГИ, 2021. 232 с.

Дубровин 1991 – *Дубровин Н.* Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. С. 13–249.

Лопатинский 1981 – *Лопатинский Л. Г.* Заметка о народе адыге и кабардинцев в частности // МОМПК, 1981. Вып. 12. От. 1. С. 1–10.

Марзей 2000 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.в.) Москва, 2000. 356 с.

Мижаяев, Паштова 2012 – *Мижаяев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. Боги, герои, культы, представления. Черкесск-Нальчик-Майкоп: ИП Паштов З.В., 2012. 460 с.

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов // Очистительная песня в адыгском фольклоре. С. 82–99. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.

Нартхэр. Къэбэрдей эпос 1951 – *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Къэбэрдей-государственнэ тхыль тедзапIэ, 1951, переизд. Налшык: Эль-фа, 1995. 560 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 232 с.

Пропп 1958 – *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. Изд. II. Исправленное. Госуд. Изд-во Худ. Литература. М., 1958. С. 5.

Скасси 1816 – *Скасси Р.* Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году // АБКИЕА. С. 281–285.

Торнау 1991 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1991. № 3. С. 3–60.

Шортанов 2016 – *Шортанов А. Т.* Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.

References

ADYGE PSAL'EZH'HER 1965–1967 – *Adyge psal'ezh'her tomitlu zekhel'u* (Adygskie posloviy i pogovorki v 2-h tomah). Zekhezyl'h'ar: G'ukIemyh'u Iebubechyr, K'ardeng'ushchI Zyramyku. Nalshyk: El'brus, 1965–1967. H. 454.

ADYGE UEREDYZH'HER 1979 – *Adyge ueredyzh'her.* Zygyekh'ez.: K'ardeng'ushchI Z.P. Nalshyk: El'brus, 1979. 224 n.

ARHIV KBIGI – *Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy.* Papka 19 g, pasport 5. Isp.: Havpachev Amirhan. Data zap.: 1945 g. Zap.: Bereketov Z.

ARHIV KBIGI – *Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy.* Papka 20, pasport 2. Isp.: Pshinshev Kazgerij Ismelovich. Data zap.: 25.03. 1949, sel. V.Kurp. Zap.: SHogenov H.

ARHIV KBIGI – *Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy.* Papka 20 v, pasport 7. Isp.: Havpachev Amirhan, data zap.: 1945, s. Kahun. Zap.: Bereketov Z.

ARHIV KBIGI – *Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy.* Papka 20 r, pasport 6. Isp.: Kishev ZHamurza Batorybievich, 64 goda. Data zap.: 12.10.1956, s. V. Akbash. Zap.: Naloev Z.

ARHIV KBIGI – *Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy.* Papka 21 r, pasport 5. Isp.: Masaev Hatat, data zap.: 1949 g., s. Lesken II. Zap.: Aksirov Z.

ARHIV KBIGI – *Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy.* Papka 27 a, pasport 13.

BGAZHNOKOV 1983 – *Bgazhnokov B.H.* Ocherki etnografii obshcheniya adygov. Nal'chik: El'brus, 1983.

BGAZHNOKOV 1990 – *Bgazhnokov B.H.* Logos i igrishcha // Mir kul'tury. Nal'chik, 1990. Vyp. 1. S. 5–44.

GUTOV 2021 – *Gutov A.M.* Poetika i stil' istoriko-geroicheskogo eposa adygov. Nal'chik: KBIGI, 2021. 232 s.

DUBROVIN 1991 – *Dubrovin N.* SHERkesy (adyge) // Materialy dlya istorii cherkesskogo naroda. Nal'chik, 1991. S. 13–249.

LOPATINSKIY 1981 – *Lopatinskij L.G.* Zametka o narode adyge i kabardincev v chastnosti. // MOMPК, 1981, vyp.12, ot.1. S. 1–10.

MARZEJ 2000 – *Marzej A.S.* SHERkesskoe naezdnichestvo – «zekluэ» (Из istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoj polovine XIX v.v.) Moskva, 2000. 356 s.

MIZHAEV, PASHTOVA 2012 – *Mizhaev M.I., Pashtova M.M.* Enciklopediya cherkesskoj mifologii. Bogi, geroi, kul'ty, predstavleniya. SHERkessk-Nal'chik-Majkop: IP Pashtov Z.V., 2012. 460 s.

NALOEV 1978 – *Naloev Z.M.* Из istorii kul'tury adygov // Ochistitel'naya pesnya v adygskom fol'klоре. С. 8–99/ Nal'chik: El'brus, 1978. 192 s.

NARTHER. K"EBERDEJ EPOS 1951 – *Narther. K"eberdej epos*. K"eberdej-gosudarstvenne thy1" tedzaple, 1951, pereizd. Nalshyk: El'-fa, 1995. 560 s.

NOGMOV 1994 – *Nogmov SH.B.* Istoriya adyhejskogo naroda sostavlenaya po predaniyam kabardincev. Nal'chik, 1994. 232 s.

PROPP 1958 – *Propp V.YA.* Russkij geroicheskij epos. Izd. II. Ispravlennoe. Gosud. Izd-vo Hud. Literatura. M., 1958. S. 5.

SKASSI 1816 – *Skassi R.* Izvlechenie iz zapiski o delah CHerkesii, predstavlennoj gospodinom Skassi v 1816 godu // ABKIEA. S. 281–285.

TORNAU 1991 – *Tornau F.F.* Vospominaniya kavkazskogo oficera // Adygi. Kul'turno-istoricheskij zhurnal. Nal'chik, 1991, № 3. S. 3–60.

SHORTANOV 2016 – *SHortnov A.T.* Adygskaya (cherkesskaya) mifologiya i kul'ty. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2016. 496 s.

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, ст.научн. сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Department.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, одобрена после рецензирования 10.12.2022, принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022, approved after reviewing 10.12.2022, accepted for publication 16.12.2022.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000-40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (*Abstract.*).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“*Keywords:*”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of treatment 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment 12.12.2015). (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
15,75

Формат 70x108 ¹/₁₆
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 290

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*